



"Роман о камне"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джоан Уайлдер

Роман о камне

«Я родом из тех, кто отмечен силой фантазии и пыланием страсти. Тем, кто видит сны наяву, открыто многое, что ускользает от тех, кто грезит лишь ночью во сне. В туманных видениях мелькают им проблески вечности, и, пробудясь, они трепещут, помня, что были на грани великой тайны. Мгновениями им открывается нечто от мудрости, которая есть добро, и несколько больше от простого знания, которое есть зло. Без руля и ветрил проникают они в безбрежный океан „света неизреченного...“

Эдгар По. «Элеонора»

«Заходящее солнце заливало желтым расплавленным золотом маленький охотничий домик. Высушенный зноем, отшлифованный крупными песками и резкими порывами ветра, под точенный дождями, он прилепился к подножию высокой скалы, уткнувшись в голубое светлое небо.

Я стояла у стола и ощущала себя одинокой, брошенной в центр вселенной.

Передо мной лежали две увесистые сумки буйволиной кожи, набитые прозрачными камешками. Когда на них падал свет, они искрились, переливаясь всеми цветами радуги. Эти «стекляшки» обрывали жизни как ветер сухую листву с мертвых состарившихся деревьев. Длинная вереница трупов сопровождала их в бесконечном странствии, а кровь, пролившаяся из-за этих камней, могла бы заполнить Миссури, и река вышла бы из берегов. Топот копыт возник неожиданно. Я не успела дотянуться до ружья, как дверь вдруг с грохотом распахнулась. Щеколда не выдержала удара высокого кожаного сапога. Мороз прошел у меня по телу. Этого человека я не ожидала увидеть живым. Мне очень хотелось надеяться, что он сдох в пустыне, и труп его съеден шакалами, а кости выбелили солнце и ветер. Но...

Нет. Я ошиблась. Все мои надежды были напрасны.

— Ну так как, Анжелина?

Это был Гроген. Самый омерзительный грязный и отвратительный тип из всех, кто когда-либо появлялся в Миссури. Я знала, что еще, по крайней мере, в трех штатах его разыскивали за убийства, линчевали бы тут же, появись он там.

Трехведерный «стетсон» закрывал его узкий лоб. Из-под широких полей торчали лохматые кустистые брови, нависающие над прищуренными, маленькими злобными глазками. Тонкие потрескавшиеся губы кривила ехидная ухмылка, напоминающая оскал койота.

Он и сам был похож на мерзкую тварь, такой же хитрый, злобный, нападающий из-за спины.

Я гордо молчала, стараясь не смотреть на черный ствол «винчестера», который он сжимал в крепких руках.

— Ну так как. Ангелочек? — повторил он свой вопрос. Голос у него был под стать облику. Такой же грязный, скрежещущий, словно мельничные жернова. — Ты предпочитаешь умереть быстро, как от укуса змеи, или медленно, как луч заката в январе?

Он оскалился, обнажив в ухмылке белые зубы хищника, и смачно сплюнул на пол.

— Но сейчас же октябрь! — возразила я, оттягивая расправу, еще надеясь на чудо.

— Я убил бы тебя, черт возьми, даже если бы сегодня было четвертое июля note 1! — гоготнул он, передергивая затвор «винчестера». Гроген знал, что я беззащитна, и упивался своей силой. — А ну-ка отойди в сторону.

Его алчный взгляд на мгновение скользнул к сумкам, и я подумала, что, может быть, успею дотянуться до своего ружья. Но в то же мгновение бандит перевел ствол винтовки, направив его мне в грудь.

— Сказано тебе, отойди! — хрипло пробормотал он.

Я сделала шаг в сторону. Моя стоящая у стены винтовка отдалилась, а вместе с ней отдалилась и надежда на спасение.

Гроген шагнул к столу. В тишине, нарушаемой только слабым завыванием ветра и шорохом завихряющегося песка, я услышала, как звякнули шпоры на его сапогах.

Жадно схватив сумки, бандит перебросил их через плечо. Он достиг того, чего хотел, и теперь расслабился: конечно, чем могла помешать ему хрупкая невооруженная девушка.

Тут-то Гроген и допустил ошибку.

Я уже приготовилась умереть. Никогда еще смерть не подходила так близко. Ее холодная костлявая лапа уже легла на мое плечо. Но никому, в том числе и старухе с косой, не удавалось сломить Анжелину. Не мог этого сделать и Гроген. Я застыла перед бандитом с высоко поднятой головой, смело глядя ему в глаза.

Он отступил обратно к двери и снова сплюнул на пыльный дощатый пол. Палец его побелел, нажимая спусковой крючок.., и вдруг замер. Взгляд бандита остановился.

Мое тело было едва прикрыто кружевами сорочки. В глазах этой мерзкой скотины загорелся красноватый похотливый огонек. Зловонное дыхание стало хриплым и прерывистым. Гроген двинулся ко мне, и я ощутила острый едкий запах давно немытого тела, как будто он месяц не принимал ванны.

— Убирайся! — сморщившись от нахлынувшего отвращения, крикнула я. — Ты уже получил все, что хотел!

— Нет. Не совсем еще, Ангелочек, — сглатывая, просипел он. — Раздевайся! Я не шелохнулась.

— Ну, побыстрее! — нетерпеливо выдохнул Гроген. Голос его дрожал от возбуждения.

Бандит совершал большую ошибку. Я могла отдать ему камни, но честь моя принадлежала единственному человеку на свете.

Медленно, очень медленно я приподняла юбку, обнажая правую ногу.

Ни для кого не являлось секретом, что это были самые красивые ноги штата Миссури. Как только Гроген увидел нежную абрикосовую кожу, он совсем потерял голову. Ноздри его раздувались, дыхание стало шумным, словно пар «Читанога-чучу» note 2, глаза заполнились кровью. В эту секунду он выглядел еще омерзительнее, чем обычно.

Но.... Я знала то, чего не мог знать Гроген. Широкие складки юбки скрыли от бандита

кожаный чехол, привязанный к бедру тонкими шнурками. В нем покоилось надежное, острое, как бритва, голубоватое лезвие! Этот нож был со мной всегда.

«Ну, Анжелина, — сказала я себе. — Конечно, ты нарушаешь заповедь Господа нашего, но Гроген — бешеный пес, которого нужно уничтожить. Он убил твоего отца, изнасиловал и убил твою сестру, сжег твоё ранчо, покушался на твою честь, убил твою собаку и украл твою Библию! Он заслужил это!»

Моя ладонь сомкнулась на гладкой костяной рукояти.

Шшшшшшшсссссттт... — словно серебряная молния блеснула в полумраке.

Гроген даже не успел вскрикнуть. Он только издал странный горловой звук. Кадык его дернулся, а глаза выкатились из орбит. Рот распахнулся, и бандит мешком повалился на пол к моим ногам. Гроген умер почти мгновенно. Нож возмездия вонзился ему между третьим и четвертым ребром. Прямо в сердце.

Я обошла распластанное в луже крови тело, подхватила лежащие рядом с ним сумки и выбежала на улицу.

Прохладный вечерний ветер обнял меня. Забросив сумки на широкую спину своего скакуна, я прыгнула в седло. Шпоры вонзились в круглые бока коня. И мы взмыли к небу в мощном сильном прыжке.

На Диком Западе был один странный закон — у каждого негодяя всегда были братья, готовые преследовать тебя.

Я увидела их сразу. Они появились из-за огромного холма, залитого кровавым светом заходящего солнца. На его фоне три фигуры выглядели зловещными черными силуэтами. Они мчались прямо ко мне. Второй раз за сегодняшний день я приготовилась к смерти. И тут появился он. Мой возлюбленный. Джесси. Единственный человек, которому я могла довериться в этом хищном, полном опасностей мире.

Как Ангел мщения он налетел на моих преследователей.

БАНГ! БАНГБАНГБАНГБАНГ! — его неистовый «смитт-вессон» посылал карающий свинец. Выстрелы, звучащие с двух сторон, сливались в один сплошной грохот.

Джесси недаром слыл лучшим стрелком Миссури и его окрестностей. Вначале один, а затем и двое оставшихся негодяев отправились догонять своего грешного братца по дороге в ад.

В душе моей звучала музыка. Я ждала своего возлюбленного со слезами счастья на глазах. Он ехал ко мне, а я... Я так хотела ощутить его сильные руки на своих плечах.

Джесси осадил гнедого скакуна. Он легко поднял сумки и перебросил их через седло.

вернуться

Note1

Четвертое июля — День национальной независимости Америки.

вернуться

"Читанога-чучу» — первый паровоз. Появился в Америке в городе Читанога.

Потом подхватил меня на руки, и я почувствовала, что лечу.

Он усадил свою Анжелину прямо перед собой. Его губы нашли мои губы.., и я поняла, что мы больше никогда не расстанемся. До конца наших дней мы будем вместе. Всегда!»

— О, Господи! Это прекрасно! — воскликнула, обливаясь слезами, Джоан и, напечатав последнее слово:

— КОНЕЦ — повалилась, рыдая, на стол.

С раннего детства Джоан Уайлдер считала себя маленькой серой мышкой, которая могла интересоваться разве что родителей.

Сверстники, похоже, придерживались того же мнения и не обращали на нее никакого внимания. Да и что привлекательного можно найти в девочке, которая постоянно витает в облаках. Шумные забавы ребят претили мечтательной натуре Джоан. Даже в колледже, когда ее приглашали на дискотеку или какую-нибудь вечеринку, она всегда отказывалась. Джоан была очень застенчивой, и пребывание в обществе превращалось для нее в истязание. Девушка краснела до корней волос, когда кто-нибудь обращался к ней с вопросом, и ей стоило немалых усилий непринужденно болтать обо всяких глупостях.

Чтобы как-то бороться с этим недостатком, Джоан в своих фантазиях представляла головокружительные приключения, в которых она сражалась с пиратами, бандитами и прочей нечистью. Гордая и ловкая, в этой борьбе она всегда оказывалась победительницей. И постепенно мир иллюзий вытеснил обыденную жизнь. Джоан забралась в него, как в раковину, от бурь и невзгод повседневности.

И только один мальчик заставлял трепетать ее сердце. Его звали Джесси. Он учился в их классе и был самым красивым, ловким и смелым из всех, кого знала Джоан. Но Джесси не замечал ее. Ему нравилась Анжелина! И это было естественно — в нее были влюблены все ребята колледжа!

Она ни в чем не уступала им и с удовольствием принимала участие во всех развлечениях. А какие у нее были чудесные волосы! Белые пушистые локоны лежали свободной волной на плечах, плавно покачивались, когда она шла, и развевались гривой, когда Анжелина бежала. Голубые глаза распахнуты навстречу каждому взгляду, и любой мальчишка мог подумать, что именно ему предназначена ее очаровательная улыбка.

Сколько раз, притаившись где-нибудь в углу, Джоан наблюдала за этой искрящейся девушкой. И в своем воображении была Анжелиной, которую так обожал ее любимый Джесси. Они уже вместе сражались с пиратами и вместе выходили из этих битв победителями.

Когда Джоан повзрослела, она не покинула свой мир. И Джесси остался с ней, продолжая

триумфальное шествие, но теперь уже на страницах ее романов, которые быстро попали в ранг мировых бестселлеров.

Отгородившись от повседневной суеты четырьмя стенами своей квартиры, Джоан продолжала жить в придуманных странах с несуществующими героями. И только издатель Глория да еще огромный кот Ромео имели право на ее внимание. Эти двое связывали воедино мир иллюзий с бестолковой реальной жизнью.

Джоан утерла слезы ладошкой и счастливо засмеялась. Сняв стереофонические наушники, из которых продолжала звучать музыка, она осторожно опустила их на стол. Потом вытащила из машинки последний лист, перечитала окончание романа и.., снова разрыдалась. То ли от счастья, что закончила работу, то ли от сожаления, что вновь приходится расставаться с Джесси и Анжелиной.

Слезы все текли по лицу, и Джоан никак не могла с ними справиться. Салфеток нигде не было. Зато на стене гостиной красовался диплом с витиеватой надписью:

«АВТОР ЛУЧШЕГО РОМАНА ГОДА — ДЖОАН УАЙЛДЕР»

«Диплом, это, конечно, неплохо, но где же салфетки?..»

Она встала и направилась в ванную комнату, продолжая заливаться слезами. Салфеток не оказалось и здесь. Тогда рука потянулась к рулону с туалетной бумагой, которая вполне могла бы послужить заменителем, но на держателе висела голая картонная трубочка.

«Нет, я никогда не научусь следить за домом! — вздохнула Джоан и посмотрела на себя в зеркало. — До чего же невыразительная физиономия!»

«Серая мышка» с распухшим от слез носом. Волосы забраны в пучок на затылке. Довольно растрепанные. И красные, как у карася, глаза. Просторное платье в клетку делало ее фигуру очень нескладной.

Ничего себе видочек! И все-таки, я мо-ло-дец!

И тут она увидела то, что искала, на зеркальном шкафчике висел листок бумаги, на котором красным карандашом крупными буквами было написано:

«Купить салфетки».

«Вот так! Раз не купила — пользуйся тем что имеешь!»

Она сорвала листок, вытерла им лицо и швырнула в мусорный ящик. Нет, нужно все-таки умыться! Ополоснув лицо холодной водой, Джоан пошла на кухню и заглянула в холодильник.

Сегодня мы имеем право закатить грандиозный банкет.

Захватив с собой тарелки, банки, склянки, Джоан вернулась в комнату. Как же — ведь там с огромных плакатов ей улыбался Джесси! Джесси с «винчестером»! Джесси с пистолетом! Джесси поднял руку в приветствии... Семнадцать глянцевых суперобложек красовались на стенах!

Сегодняшний день они проведут втроем.

— Я закончила, любимый! Будем праздновать?

Джесси молча согласился.

Джоан зажгла все свечи в квартире — на камине, на трюмо, на полках, на письменном столе. Праздник так праздник! Все вокруг стало торжественным и немножко загадочным.

Консервы из осетрины были выложены на блюде из сервиза. Изумрудная веточка петрушки, бережно уложенная сверху, украшала белые ломтики рыбы. Джоан поставила блюдо на журнальный столик возле тахты. Из шкафчика, набитого множеством различных бутылочек, «автор лучшего романа года» извлекла самую маленькую, прихватила ее с собой и, устроившись на тахте среди подушек, позвала:

— Ромео! Ромео!

Джесси с таинственной улыбкой наблюдал за этими приготовлениями.

— О, где же ты, мой Возлюбленный! — вздохнула женщина.

В ответ Джесси улыбнулся еще обворожительнее. В этот момент толстый кот прыгнул откуда-то сбоку прямо на колени Джоан. Она нежно погладила его и пересадила на столик.

— Ну, ешь. Видишь я для тебя ничего не жалею. Ромео набросился на осетрину. Он, конечно, не голодал, но, во-первых, такой рыбой его не баловали, во-вторых, когда хозяйка с головой уходила в свои романтические истории, приходилось питаться кое-как. Джоан подняла бокал с коньяком.

— За тебя, Джесси! Где бы ты ни был!

Джесси благородно улыбнулся.

Она выпила и швырнула бокал в камин — после тоста за Джесси из него уже не имели права пить! Туда же со звоном полетела тарелка. И есть из нее больше не нужно! — Ты закончил? — хозяйка повернулась к коту, который уже вылизывал блюдо. Ромео сыто прищурился и довольно заурчал.

— Спасибо.

Блюде отправилось вслед за бокалом и тарелкой.

— О, Ромео, Ромео! — горестно промолвила Джоан и, подняв кота, положила на колени.

Она гладила Ромео, глядя на Джесси, и чувство одиночества постепенно отпускало ее.

Джоан не любила выходить в город — он казался ей очень шумным. Потоки машин, масса людей, которые вечно куда-то спешат, бегут... Они были непонятны своей суетой и заботами. Ее пугала толчея, дома, готовые обрушиться на голову, автомобили, несущиеся неизвестно куда. Короче, весь мир, которому она НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛА.

Нет, иногда, ей, конечно, приходилось выбираться из своей квартиры. Но она скользила поверху, никогда не погружаясь в тот мир полностью. И тут же спешила, обратиться обратно.

Резкий звонок вернул ее к действительности. На полочке у софы трещал и трещал телефон. Джоан нехотя взяла трубку. Кому она могла понадобится?

— Алло? Алло? — никто не отвечал. — Алло! — короткие гудки.

— О, господи! Глория же меня ждет! — вдруг вспомнила она и взглянула на часы, стоящие на каминной полке. — Я опоздаю!

Эта мысль повергла Джоан в панику. Платье полетело в одну сторону, тапочки — в другую. Джинсы, свитер и туфли появились на ней мгновенно, как будто она никогда и не снимала этот наряд. Два раза щеткой по волосам. Готова.

Ромео из-под стола опасливо наблюдал за носившейся по квартире хозяйкой.

Чего это с ней? На всякий случай, лучше пересидеть — не ровен час, попадешь под ноги.

Джоан бросила мимолетный взгляд в зеркало, — мышь есть мышь, — плюнула и захлопнула дверь. Она повернула ключ и заспешила вниз по лестнице, чуть не столкнувшись с поднимающейся вверх соседкой.

— Добрый день, — на ходу бросила Джоан.

— Добрый день, тыковка, — поздоровалась соседка, с трудом переводя дыхание.

Джоан по инерции проскочила еще пару ступенек, но остановилась — пожилая женщина тащила за собой тяжелую сумку на колесиках.

— Миссис Зорн, — упрекнула Джоан старушку, подхватывая сумку и втаскивая ее вверх по лестнице на площадку. — Ну почему вы не пользуетесь лифтом?

— Никогда не сажусь одна в лифт, — доверительно прошептала женщина. — Знаете, эти насильники... — миссис Зорн никак не могла отдышаться.

Писательница едва сдержала улыбку. Она тотчас увидела восьмидесятилетнюю полную старуху в компании насильников.

«...Четверо людей в масках прижали к стенке лифта маленькую женщину, стоящую к ним спиной. Жадные руки потянулись к ее телу. Один бандит сорвал черную шляпку, другой рванул жакет, в который она плотно закуталась.

Вдруг крик ужаса заполнил тесную кабинку... Это кричал первый насильник — он смотрел на шляпку, которую держал в дрожащих руках. Из-под нее выглядывал скальп несчастной жертвы. Негодяя отпрянули, и она повернулась к ним лицом. Теперь уже они стояли, прижавшись к стене, с перекошенными дергающимися физиономиями. На них, скаля морщинистый беззубый рот (челюсти миссис Зорн вынула и держала в руке!), уставилась древняя мумия. Ее голый, как колено, череп сиял в тусклом свете лампы. Маленькие глазки, смотревшие через толстые стекла очков в роговой оправе, смеялись. Лицо, сморщенное, как печеное яблоко, выражало наслаждение.

— Ну что, получили удовольствие? — ехидно спросила она густым сочным басом...»

— Вы уже убегаете? — соседка с удивлением смотрела на Джоан, которая, чему-то улыбаясь, застыла на площадке. — Да, мне нужно к издателю, — ответила та, отгоняя от себя забавное

видение. Улыбка играла на ее губах.

— Ладно, тыковка. Смотри, что у меня для тебя есть, — и «жертва насилия» протянула плотный серый конверт. — Этот конверт торчал из почтового ящика. Надеюсь, это письмо от поклонника? Возлюбленного?

— Миссис Зорн, не издевайтесь надо мной, — смущенно попросила Джоан.

— Ну что ты, тыковка! Я так надеюсь на тебя! И Джоан стало стыдно за свои насмешливые фантазии перед этой доброй толстухой, которая любила ее с нежностью одинокого человека.

Джоан вышла из подъезда. Серый безликий людской поток стремительно проносился мимо. И она несколько секунд постояла в нерешительности, прежде чем отважилась погрузиться в него.

На улице было прохладно, и теплый пуховик пришелся кстати, объемистая папка с новым романом уютно устроилась у сердца.

Цветное пятно, неожиданно возникшее у нее на пути, заставило Джоан остановиться.

Молодой улыбающийся парень был одет слишком ярко для большого города. Его вид вызывал в воображении Джоан пеструю картинку: большой африканский попугай в стае маленьких серых воробьев.

В руках он держал маленькую обезьянку.

— Эй, леди, не хотите купить обезьянку за десять долларов?

— Да нет.

Животное испуганно жалось к хозяину, и Джоан решила, что ей достаточно общества Ромео.

Но продавец был настойчив. Внешне он напоминал мексиканца или аргентинца. Глаза, брови и маленькие усики. Лицо его так и лучилось доброжелательностью — типичный торговец с востока.

— Хорошая обезьянка, а? Ну, девять долларов! Возьмите!

Высокий худощавый мужчина в темном плаще с поднятым воротником и в шляпе, надвинутой на брови, стоял чуть поодаль. Он внимательно разглядывал Джоан, сравнивал ее с портретом на суперобложке последнего романа.

— Ну, восемь долларов, хотите? — продавец не собирался отступать.

— Спасибо, но мне не нужна обезьянка.

Парень, не переставая улыбаться, зацокал языком и повернул голову, как бы говоря: «Ну что вы, лучшей обезьянки не найти, даже если вы перевернете всю Южную Америку».

Взгляд его встретился с глазами худого человека в плаще, и тот коротко, почти незаметно,

кивнул.

Торговец пожал плечами и, словно нехотя, шагнул в сторону, пропуская Джоан.

Та быстро пошла по улице, радуясь освобождению и прикидывая, насколько же она уже опоздала.

Джоан представила себе недовольную физиономию Глории и прибавила шаг. ***

Грей Сименс, сосед Джоан по лестничной клетке, вышел на площадку. Это был одинокий человек с небольшим доходом. Платить прислуге или приходящей женщине он был не в состоянии, поэтому хозяйство вел сам. Вот и сейчас мистер Сименс, закончив уборку квартиры, вынес щетку, чтобы поставить ее за дверь, и.., остановился, как вкопанный.

У дверей мисс Уайлдер он увидел странного типа. Тот, согнувшись, возился с дверным замком, позвякивая ключами и тихо ругаясь сквозь зубы на каком-то непонятном языке.

— Эй! — окликнул старик незнакомца. — Это квартира мисс Уайлдер! Что вам нужно?

Мужчина медленно выпрямился и оглянулся. Черные глаза тускло светились.

— Я вас спрашиваю, что вам нужно? — повторил Сименс.

Ему не нравился этот человек. Воротник поднят, на руках черные перчатки. Точь-в-точь, как у бандитов в боевиках, которые он смотрел по телевизору. А главное, сколько он себя помнил, к мисс Уайлдер НИКОГДА И НИКТО НЕ ЗАХОДИЛ! Бродят тут всякие, а бедная девочка такая беззащитная!

— Отойдите оттуда! — сурово скомандовал он, поскольку незнакомец не собирался покидать свое место у дверей соседки.

Странный человек улыбнулся, обнажив белые зубы, напоминая оскалившегося волка.

— Простите, у меня здесь есть кое-что для мисс Уайлдер.

Голос его звучал глухо. Из левого кармана мужчина достал какой-то лоскут бумаги и держал его в вытянутой руке, как тореадор держит красную тряпку перед мордой быка.

— Это что такое? — мистер Сименс уже не мог оторвать глаз от листка.

Он не видел, как в левой руке незнакомца сверкнул клинок. Что-то холодное обожгло его. Почувствовав внезапную слабость в коленях, еще ничего не понимая, старик с хрипом втянул в легкие воздух. Глаза его застыли, и Грей Сименс мешком рухнул на пол, ткнувшись лицом в ледяной розовый кафель, в дюйме от черных тяжелых башмаков незнакомца. Тот лишь мельком взглянул на распростертое тело, сунул стилет в карман и вернулся к прерванному занятию.

Джентльмены, заполнившие кафе, очевидно, были рождены под счастливой звездой — они не слышали, о чем говорили две леди, пристроившись за столом у окна. Первая мисс, с темными, коротко стриженными волосами, смотрела на них с нескрываемым любопытством.

Другая, со светлым пучком волос, в белом свитере и джинсах, вообще не обращала внимания

на окружающих. А между тем их разговор был весьма интересен.

— Негодяй.., негодяй.., неудачник.., большой негодяй.., слишком злой.., слишком здоровый.., слишком отчаянный.., слишком счастливый...

Глория считалась строгим ценителем мужских достоинств. Самодовольные физиономии мужчин, сидящих наискосок, занимали ее не больше, чем прошлогодний снег. Но потребность растормошить Джоан была настолько велика, чтобы не попытаться разыскать в этом калейдоскопе лиц хоть одно, заслуживающее внимания. Ее взгляд остановился на джентльмене, показавшемся симпатичнее других, но он вдруг совершенно неприлично захохотал.

— О, Боже! Слишком счастливый.

Рядом со счастливчиком пристроился тип со смазливой физиономией. Тонкая ниточка усов делала его похожим на кота. Глазки шныряли туда-сюда по залу.

— Ты посмотри на этого, а? — Глория повернулась к Джоан, которая ковыряла вилкой в тарелке, глядя перед собой. — Я знаю одну девушку, которая завела с ним роман, — она не закончила фразу. К «этому» подошел шикарный блондин... Он что-то сказал другу и, увидев женщину, смотревшую на него в упор, подмигнул ей смеющимся глазом. — Боже мой! Минутку, минутку... Бросай все, — она толкнула подругу. — Посмотри, какой тип, а!

Джоан без интереса повернула голову и взглянула на предмет восторга. Ничего особенного. Самодовольный нахал, который зачем-то дергал глазом.

— Как он тебе? — тихо спросила Глория. — Нравится?

— Да нет. Он не...

— Не кто? Не Джесси? Послушай, дорогая, нельзя же всю жизнь гоняться за призраком. Джоан мечтательно улыбнулась.

— Может быть, это глупо, но я знаю, что где-то кто-то меня ждет.

— Да? А где именно? Ты не могла бы уточнить? Девушка окинула взглядом зал. Большинство мужчин жевали, уставившись в тарелки. Какой-то усач ковырял в ухе, кто-то зевал. Господи! До чего же пустые однообразные лица! Она передернула плечами.

— Ну уж не здесь, это точно. Глория, почему мы все время говорим об одном и том же?

— Потому что я люблю тебя, Джоан. Мне не нравится, что ты все время одна. Ищешь кого-то, кто никогда не появится. Он существует только в твоих фантазиях.

— Давай закончим этот разговор. Лучше быть одной, чем терпеть рядом какое-нибудь ничтожество. Ладно, — Джоан торжественно выложила толстенную папку с новым романом, — Вот. Читай и плачь. Я все время плакала, пока писала. Позвони мне потом, хорошо?

Глория, такая же одинокая, как и подруга, с тоской представила себе возвращение в пустую квартиру.

— Ну подожди. Давай выпьем кофе, — попросила она.

— Я не могу.

— Пожалуйста. Я твой издатель, и я приказываю, — она вдруг увидела непонимающие глаза Джоан — Ой! Извини, извини. Ну извини, что я тебя сюда притащила. Просто мне хотелось тебя развлечь. Ты много работаешь. И еще эта беда с сестрой! Как она кстати? Не звонила?

— Элейн? Я с ней говорила неделю назад.

— Они нашли тело ее мужа?

— Нашли. Один кусочек. И представляешь, какой кошмар! Я сегодня получила это письмо, — она протянула Глории серый конверт. — Он, наверное, опустил его в ящик как раз перед... Ну ты понимаешь.

— О боже. Это ужасно. Бедная Элейн. Убили мужа. Одна в чужой стране! Как она?

— Да ничего. С ней все будет в порядке. С ней всегда все в порядке.

Элейн стояла у широкого окна и смотрела на море. О, как она ненавидела сейчас эту страну! И ласковые волны, которые обнимали берег; и пальмы, огромными свечками упиравшиеся в лазурное небо; и оранжевый диск солнца, висевший высоко над головой. Словом, весь этот рай, в котором на ее долю выпали адские муки. Ей не показали, что осталось от горячо любимого Эдуардоса, и он все еще стоял перед глазами, такой же жизнерадостный и хохочущий, как на фотографии, красовавшейся на комод.

Полиция, конечно, преступников не обнаружила. Да и какое им дело до какого-то американца! Тем более, что местное население испытывало к ним, мягко говоря, неприязнь.

Нет, нужно скорее убираться отсюда, пока не поздно. Вещи были упакованы, прислуга отпущена, остались некоторые мелочи.

Элейн задернула тяжелые шторы и еще раз прошлась по комнате — не забыть бы чего. Рядом с портретом мужа стояла фотография, на которой улыбающаяся Джоан нежно обнимала сестру. Господи, как они были счастливы тогда, и каким далеким казалось сейчас это счастье...

Элейн бережно уложила фотографии в саквояж и подошла к зеркалу. На белокурые волосы она надела темную мужскую шляпу, глаза прикрыли черные очки — точь-точь детектив из какого-нибудь третьеразрядного кинобоевика. Темный дорожный костюм, перехваченный ремнем, подчеркивал тонкую талию, а высокие каблуки делали ее стройные ноги еще длиннее. Хороша, краешком сознания отметила убитая горем женщина и осторожно выглянула за дверь.

Стайка местных ребятишек резвилась шагах в пятнадцати от подъезда. Мальчишка лет тринадцати-четырнадцати крутил на веревочке какой-то шар, остальные гоняли мяч. Взрослых поблизости не видно. Кажется, спокойно.

Элейн выскользнула из дома, и через пару минут шикарный красный «феррари» с открытым верхом выкатил на широкую улицу. Машина остановилась — нужно было еще запереть гараж.

Шар в руках мальчишки крутился все быстрее. И в тот момент, когда несчастная женщина встала на ступеньку автомобиля, повернувшись к ребятам спиной, она уловила какой-то свист.

Фьють! — и шар закрутился вокруг ее шеи. Веревка удавкой захлестнула горло...

— Аааа, — прохрипела Элейн и, потеряв сознание, рухнула на сиденье.

Маленький похититель метнулся к машине, подвинул безжизненное тело, как мешок с ненужными вещами, в сторону, и уже через секунду, нарушая все правила, развернувшись перед самым носом обезумевшего водителя встречного «кабриолета», «феррари» мчал в порт.

Остальная компания, ухмыляясь, наблюдала за происходящим. Убедившись, что операция по захвату прошла нормально, они тут же испарились.

И снова тишина. Свежий ветер с моря наполнял воздух душистой прохладой, и небо оставалось таким же глубоким и чистым.

Добро пожаловать в Картахену — лучшее место отдыха для ваших измученных нервов.

Ральф стоял, прислонившись к скале, и с тоской наблюдал за дорогой. Это был маленький толстенький человек с такой короткой шеей, что, казалось, голова его росла прямо из туловища. Животик сильно выдавался вперед, и брюки держались только благодаря подтяжкам, которые он носил постоянно. Легкая шляпа прикрывала голову, так как волосы, оставшиеся лишь на висках и затылке, не могли защитить от палящих лучей солнца.

Затея двоюродного брата ему совсем не нравилась. Конечно, они были жуликами, но киднепинг — это совсем другое дело! Какой черт понес его в Колумбию! Этот кретин Айро никогда не мог придумать ничего путного. То ему нужно шарить по деревьям, искать антиквариат, то разводить крокодилов, и эти твари заполонили все вокруг. Того и гляди, что-нибудь тебе оттяпают. А теперь еще и баба... Нет, чует его сердце, на этот раз им не вывернуться. Что-нибудь обязательно случится, будь он проклят, этот гомик.

Красная машина въехала в порт и остановилась у пирса. Трое крепких парней подхватили женщину и усадили в моторку.

— Эй, Айро! — закричал Ральф, — Они уже здесь с девицей. Везут ее на яхту, — он подошел к брату, который, как ни в чем не бывало, кормил крокодилов.

— Посмотри, какие зубки. Нет, он действительно, идиот! Здесь девку привезли с ее бибихами note 3, а этот тип заглядывает в пасти своим урдам!.

— Господи, Айро! Как ты можешь сейчас говорить об этом? Я так нервничаю, Помяни мое слово, это добром не кончится. Дурацкая идея! и я, кретин, тебя послушал!

— Успокойся. Ну что ты трясешься?! Все будет о'кей. Худощавый высокий Айро излучал спокойствие. Его лысина сияла так же, как и улыбка под маленькими усиками. Он не понимал, отчего так нервничает толстячок. Подумаешь, сперли бабенку! Так ведь отпустим же. Отдаст карту и пускай катится на все четыре стороны.

— В Нараве столько лежит всяких античных вещей, что можно до конца дней жить в богатстве! — не сдавался Ральф. — Бежим отсюда, пока не поздно. Нас уже ищут.

Айро взял из миски кусок мяса и бросил своему любимцу. Крокодил распахнул пасть и мгновенно проглотил лакомство.

— Это последняя операция здесь, Ральф. Доверься мне.

Они стояли на решетке, которая прикрывала глубокую яму, наполненную зубастыми тварями.

— Довериться, да? — толстяк понял, что ведет бесполезный разговор. — Да пошел ты! — он резко повернулся и.., нога провалилась в ячейку решетки. Острые зубы клацнули у его ступни.

— Посмотри! Посмотри, какой полосатый сукин сын! — Айро с восторгом смотрел на крокодила. — Ты видишь, какие у него зубки!

— А, черт! — заорал Ральф, выдернул ногу и отбежал на несколько футов. — У тебя на глазах эта тварь сожрет кого-нибудь, а ты будешь любоваться его зубами!

— Давай забудем про все. Успокойся. Я никогда ничего плохого не делал. И тем более, не смогу это сделать тебе, — верхняя губа Айро приподнялась и обнажила крупные желтые зубы — он улыбнулся. — У нас же одна кровь. Мы два родных человека. Нет, мы один человек. Разве и могу сделать плохо себе!

вернуться

Note3

Бибихи (еврейск.) — вещи.

Голос брата звучал убедительно, и Ральф почти успокоился. Но вдруг услышал:

— Смотри, смотри, какие зубки, Ральф. «Нет, он все-таки сумасшедший»,

— подумал коротышка и зашагал прочь.

Джоан отворила дверь и замерла на пороге. Господи, что здесь произошло? Из горла вырвались какие-то жалобные звуки — «а-а», «ы-ы» — и другие, напоминающие скулеж щенка, потерявшего мать.

Все в квартире было перевернуто вверх дном. Ее любимые книги валялись на полу, белье вывернули из ящиков и разбросали по комнате, постель перевернута, стулья уставились в потолок всеми четырьмя ножками. Содом и Гоморра!

Она прошла по комнате — везде царил хаос. Нижняя челюсть опустилась, и Джоан так и бродила, забыв закрыть рот. У нее даже не хватило сил поднять стул, и она прислонилась к косяку, чтобы перевести дыхание.

— Ааааа!!!! — дикий крик вырвался из самой глубины живота Джоан.

Сверху на плечи свалилось что-то тяжелое. Это был Ромео, который запрыгнул на дверь, спрятавшись от грабителей.

— О, мой милый, милый, — запричитала девушка, глядя любимца, успокаивая его и себя этим ритуальным поглаживанием.

За спиной резко, взывая о помощи, заголосил телефон.

Элейн сжимала трубку дрожащей рукой. Она сидела на яхте между двумя бандитами, едва дыша от ужаса. Толстый тип был еще ничего, но худой смотрел сумасшедшими глазами, придвинувшись к ней вплотную и скаля зубы в ухмылке. Прошло не меньше минуты, пока на том конце провода сняли трубку.

— Джоан! Джоан, ты слышишь меня? — отчаянно закричала Элейн. Джоан едва держалась на ногах. Она ничего не соображала, глаза все еще блуждали по развороченной квартире, и ей стоило больших усилий отвечать сестре.

— Элейн! Я не могу сейчас разговаривать, — голос ее дрожал.

— Слушай меня внимательно. Очень внимательно. У меня неприятности, — женщина постаралась взять себя в руки и втолковать своей романистке трагичность положения.

— Элейн, я прошу тебя, — Джоан чувствовала, что еще минута, и ноги не выдержат тела: она рухнет прямо на пол.

— Помоги мне, у меня большие неприятности.

Слова «большие неприятности» немного привели Джоан в чувство. Она постаралась собраться, и уже тверже спросила:

— В чем дело?

— Эдуардос послал тебе конверт, ты получила его? Айро и Ральф придвинулись ближе. От ответа зависело многое.

— Да, — услышали они и вздохнули с облегчением.

Джоан сунула руку в карман и достала серый конверт. Она до сих пор не распечатала его!

— Как хорошо. Там внутри какая-то карта. Я не знаю..., острова сокровищ, что ли... — в голосе сестры чувствовалось напряжение.

Джоан прижала трубку плечом, разорвала пакет и извлекла из него лист бумаги. На нем был нарисован дьявол с вилами и какие-то полоски. Наверху четкая надпись.

— Да. Здесь написано «Эль-Корозон».

— Нужно, чтобы ты привезла эту карту мне. Сюда. В Колумбию.

— В Колумбию? — Господи, да для меня другая сторона улицы уже Антарктида! Как она себе представляет это путешествие? А что будет с Ромео! Или я потащу его в чемодане в эту дурацкую Колумбию! Но она сдержалась, — А какие у тебя неприятности?

Элейн едва сдерживала рыдания. Должна же сестра понять, что случилось страшное, раз она просит ее об этом...

Толстяк достал блокнот и тыкал в него коротким пальцем.

— Пожалуйста, Джоан, гостиница «Картахена» в городе Картахена. Вылетай ближайшим рейсом. Когда приедешь, позвони по телефону 6-4-58-24,

— толстяк одобрительно кивнул головой. — Ты записала?

Джоан писала прямо на стене.

— Да.

— И запомни. Не говори никому об этом.

— Элейн, — жалобно попросила Джоан, еще раз окинув взглядом квартиру.

— Я не могу сейчас лететь в Колумбию.

Ральф услышал эти слова. Щелчок, и у горла женщины блеснул нож.

— Джоан! Они зарежут меня! — отчаянно закричала она. — Зарежут!!!!

Глория никак не могла понять, что же случилось. Позвонила Джоан и попросила срочно приехать. Это в десять-то часов ночи! Небывалый случай!

В квартире творился бардак, а эта ненормальная в дорожном костюме (уже собралась!) заявила, что летит в Колумбию!

— Колумбия! Ты знаешь, что такое Колумбия! — Глория бегала за Джоан, которая укладывала чемодан, запихивая туда все, что подвернется под руку. — А я знаю! Я знаю эти страны, где правят «настоящие* мужчины! Там джунгли, там насекомые размером с грузовик! Там множество болезней! — Глория наблюдала, как подруга пытается захлопнуть крышку. — Кстати, ты сделала прививки? — Какие прививки? — крышка, наконец, поддалась, замки защелкнулись.

— Вот видишь, ты совершенно не готова! Скажи, что происходит! Зачем ты туда собралась!

Джоан встала, с трудом переводя дыхание, и — наконец-то! — удостоила Глорию взглядом.

— У Элейн неприятности. У нее маленькие домашние проблемы, — очень серьезно сказала она и помчалась дальше. Все, что говорила подруга, уже ничего не меняло.

— Домашние проблемы? — задохнулась Глория. — Последняя домашняя проблема была, когда нашли ее мужа, разрезанным на куски. Это ей надо быть здесь! А ты не можешь сейчас лететь туда!

Джоан протянула ей большую коробку, на которой стояли консервы для животных.

— Вот. Это Ромео. Обещай мне, что ты будешь кормить его и гладить. По крайней мере, раз в день.

«Нет, она точно сошла с ума...» Глория стояла в обнимку с коробкой и наблюдала, как «лучший романист года» рылась в стойке, перебирая бутылочки. Она внимательно рассматривала свою коллекцию.

— Нет, — отвергла она несколько пузырьков. — Мне потребуется что-нибудь покрепче этого. — Наконец, она нашла то, что ей было нужно и, довольно хмыкнув, сунула в сумку.

Заперев квартиру, Джоан отдала ключи Глории, и они вышли на улицу.

Глория тащила коробку с Ромео и с сочувствием смотрела, как подруга волокла по тротуару неподъемный чемодан. Сумка висела у нее на плече. Это невозможно было видеть, и она предприняла последнюю попытку.

— Послушай меня. Тебе там будет плохо от автобусов, от поездов... Ты даже в лифте не можешь подняться!

— Ну, в лифте, знаешь, это был один случай, в универмаге...

Джоан бросила чемодан и пыталась остановить такси, но они почему-то проезжали мимо.

«Господи! Ну куда ей ехать в Колумбию!» — Глория чуть не плакала от жалости к этой неумехе.

— Джоан, пожалуйста, не ездь никуда. Ты не готова к этому, и сама это знаешь, Девушка повернулась к подруге.

— Да, знаю. Но она — моя сестра. Они немного помолчали, чтобы скрыть волнение. И тут на помощь им пришел водитель такси, который лихо тормознул рядом.

— Ладно. Я буду его кормить. Но не вечно, — Глория улыбнулась.

Джоан благодарно поцеловала подругу и забралась в машину. В-ж-ж. Такси помчалось в аэропорт.

— Сумасшедшая! — крикнула Глория вслед удалявшейся машине.

Она не заметила человека, который наблюдал за ними, сидя в черном «плимуте», запаркованом чуть поодаль, нервно покусывая кончик сигары. Ворот его плаща был поднят, шляпа надвинута на самые брови. Как только такси с Джоан тронулось, он резко приказал водителю:

— За ними...

И, облегченно вздохнув, развалился на сиденье.

«О-о-о! Это был совершенно ничем не примечательный полет. Трап отъехал, и я осталась в чреве „Боинга-747“ одна, если не считать остальных пассажиров.

Мне даже не было особенно страшно — кто-то же из них должен не принадлежать к шайке террористов, заполнивших салон! Обыкновенные доброжелательные лица. Почти все. Правда, в кресле наискосок устроился подозрительного вида бородатый старик.

— Хорошо бы проверить, не фальшивая ли борода, как волосы на голове миссис Зорн!

Я следила за его руками, но либо бомбу умело упаковали в корзине, которая стояла у его ног, либо ее просто не было.

Рядом уселся какой-то тип, похожий на мексиканца, с тонкими ехидными усиками и стеклянными глазами. Шляпу он почему-то не снял и красовался в ней ввремя всего полета, а черные перчатки свидетельствовали о том, что этот молодец боится оставить отпечатки на фужере или чашке с кофе, которые, как я слышала, предлагают пассажирам стюарды. О-о-очень подозрительный джентльмен!

Остальных террористов я не успела рассмотреть. Те, что сидели ко мне спиной, не оборачивались, а к другим боялась обернуться я. Они ведь могли понять, что раскрыты, и решиться на крайний шаг.

Самолет вздрогнул и покатился по взлетной полосе.

Я прилипла к иллюминатору, крепко сжимая в руках сумку, в глубине которой лежал заветный конверт, пятьсот долларов и испано-английский разговорник, не считая всяких мелочей: платка, записной книжки, расчески и, конечно же, шикарной открытки с портретом Джесси.

Мимо проплыли огни аэропорта... Потом они оказались где-то внизу... А дальше я уже ничего не видела. Уши заложило, будто меня возносили на лифте..., ну, как тогда, в универмаге... Внутри все смешалось, поднялось к самому горлу, и я стала опасаться за костюм соседа... Сердце языком колокола глухо билось о стенки грудной клетки, а перед глазами запрыгали белые и желтые сверкающие зайчики.

Черный бархат накрыл землю, и я, разлепив, наконец, веки, увидела только синие огоньки на крыле самолета. «Боинг» вдруг стал заваливаться на бок, и я поняла, что это конец — через несколько минут прекрасный огненный взрыв всколыхнет землю! И когда я это поняла, все, что болталось у горла, опустилось к низу живота... Но, видно, Господь услышал наши молитвы, и самолет каким-то образом выпрямился. Но самое страшное, что остальные преспокойно сидели на своих местах, и кое-кто даже умудрялся спать! Некоторые что-то читали, другие потягивали напитки. Казалось, мы никогда не доберемся до этой проклятой Колумбии. Я успела прочитать по несколько раз все молитвы, которые учила в детстве.

«Леди и джентльмены, пристегните ремни. Наш самолет прибывает...» — раздался уверенный вежливый голос стюарда Уф...

Наконец, колеса мягко коснулись земли, и огромное тело «Боинга», пробежав некоторое расстояние, замерло, как утомленный скакун.

Я вздохнула и оторвала холодные потные ладошки от мокрых подлокотников.

В общем, спокойный, совершенно ничем не примечательный перелет из одной жизни в другую, полную приключений и опасностей».

Чемодан, конечно же, нашли не сразу. (Да и какого порядка можно ждать от служащих в стране, где даже от человека находят лишь кусочек!) Наконец, его вытащили откуда-то сбоку и водрузили на транспортер. Джоан ухватилась за него и поволокла по залу, качаясь на тонких шпильках модных итальянских туфель.

Аэропорт был забит пестрой толпой. Люди сидели на скамейках, стояли галдевшими группами, а некоторые даже лежали. Через несколько секунд выяснилось, что Колумбия очень огромная страна. Очень.

Один не совсем трезвый джентльмен все время порывался спеть какую-то песню, но дальше первой фразы не шел, повторяя одни и те же слова. Видимо, английский язык был сложен для него, но он с завидным упорством хрипел:

— Ай лав ю, май беби... Ай лав ю, май беби...

«Джентльмен» в расстегнутой до пупка рубашке остановился перед парнем с окровавленными бинтами на голове, снова и снова повторяя:

— Ай лав ю май беби... ухмыляясь и протягивая к нему руки. Тот сидел, застыв в одной позе, не обращая на певца никакого внимания.

Маленькая девочка в белом платье, с воздушным огромным бантом в черных волосах, плясала перед толстой мулаткой. Та улыбалась белозубым ртом и хлопала в ладоши, раскачиваясь из стороны в сторону, как бы помогая малышке...

Чуть подальше, размахивая руками, о чем-то громко спорили мужчины. Вопрос, очевидно, был неразрешимым, и наконец, один из них, исчерпав все аргументы, треснул соперника кулаком по макушке. Началась всеобщая свалка. Крик стоял невообразимый. Захлопали выстрелы, пронзительно залились трелью свистки дежурных, топая, пробежал наряд полицейских.

Нет, подальше, подальше!.. Еще не хватало получить случайную пулю прямо в аэропорту!

Поздравляю тебя, Джоан! Именно сюда ты мечтала попасть всю свою жизнь! Веселая страна, веселые люди!

Она поспешила выбраться на площадь из этого сумасшедшего дома.

Толпа с корзинками, баулами, детьми, птицами в объемных клетках, поросятами в мешках осаждала старенький, знавший гораздо лучшие времена автобус, на котором висела табличка с короткой надписью: «Картахена». В нескольких метрах стоял такой же монстр с грязными стеклами и облупившейся краской. «На кладбище машин в Нью-Йорке таких ископаемых наверняка нет!» — подумала Джоан и замерла, пытаясь сообразить, куда же ей направиться. Оба чудовища не вызывали доверия вконец истерзанной девушки. Хотелось рыдать... «Не смей! — приказала она себе. — Анжелина не плакала НИКОГДА!»

Великан носильщик с бляхой привлек внимание своей приветливой улыбкой. Увидев тяжелый чемодан в руках у леди, он, надеясь заработать несколько центов, а если очень повезет, то и доллар, всем своим видом выражал готовность помочь и тащить — за хорошую, разумеется, плату — ее чемодан хоть на руках, и хоть до самой границы.

Джоан остановилась рядом. Тот расплылся в еще более счастливой улыбке.

— Скажите, будьте любезны, где автобус на Картахену? — спросила она, явно не собираясь расставаться в ношей.

— Не понимай, — равнодушно ответил носильщик, лицо его моментально изменилось, улыбка пропала, и он стал похож на сонную рыбу.

— О, господи, — вздохнула Джоан и потащилась к первому автобусу.

Потный Ральф носился по площади с книгой под мышкой, заглядывая в лицо каждой женщине. Он приставал ко всем с одним и тем же вопросом: «Самолет из Нью-Йорка прилетел уже?», но

люди проходили мимо, не отвечая.

Что за дурацкая страна! Хоть бы кто-нибудь выучил нормальный язык!

Джоан только что отошла от носильщика, как перед ним вырос толстяк. Губы великана поползли к ушам...

— Буэнос диас, сеньоре!

— Скажите, а самолет из Нью-Йорка уже прибыл?

— Не понимай, — ответил тот уже с нескрываемой злобой и отвернулся, процедив сквозь зубы:

— Pinga note 4.

Высокий худой человек в черном плаще стоял чуть в стороне и ждал, куда же, наконец, пойдет эта курица, которая чуть не скукожилась в самолете.

Толстый усатый водитель как раз собирался сменить табличку, когда странная женщина в теплом пуховике, который она напялила, несмотря на тридцатиградусную жару, подошла и стала что-то бормотать по-английски.

— Скажите, этот автобус идет в Картахену? Джоан почти не надеялась получить ответ и оказалась совершенно права. Шофер смотрел на нее, выпучив глаза. Она достала из сумки разговорник и, коверкая испанский, попыталась повторить вопрос.

— Он вас не понимает! — услышала несчастная за спиной и оглянулась.

Перед ней стоял тот самый сосед по самолету и вежливо улыбался.

— Вы говорите по-английски? Это замечательно! — (А он не такой уж и страшный!) — Скажите, пожалуйста, это автобус в Картахену? — в который раз спросила она.

— Да, в Картахену, — «мексиканец» бросил быстрый взгляд на табличку, которую устанавливал водитель. — Прекрасно.

Мужчина любезно подхватил ее чемодан и легко забросил на крышу автобуса.

— Спасибо. Большое спасибо, — Джоан была очень благодарна своему спасителю. Она ввалилась в салон, не заметив новой надписи на картонке,

— «Кастильо-де-сан-Филипе».

Ральф внимательно осмотрел весь салон автобуса, идущего на Картахену, но «сестрички» не нашел. Он снова выскочил на площадь, и тут перед носом его проплыло лицо Джоан, которая преспокойно устроилась у окна кастрюли, идущей совсем в другую сторону! Ральф еще раз для верности взглянул на портрет и заорал вслед уходящей машине:

— Эй, это не тот автобус, мисс Уайлдер! — он пробежал несколько шагов. — Черт! Это же не тот автобус!

И, как бы насмехаясь над коротышкой, выхлопная труба плюнула в него, окутав вонючим сизым облаком.

— Это ужасно, — пробормотал Ральф и заспешил к своему «фольксвагену», который терпеливо дожидался хозяина на стоянке.

вернуться

Note4

Pinga (исп.) — сволочь.

Как только Джоан устроилась на жестком сиденье, веки ее сомкнулись, и она погрузилась в глубокий сон. Сейчас ей было плевать на террористов, бандитов, ковбоев и похитителей всего мира. Бессонная, полная тревог ночь сломала даже эту железную леди — Анхелина тоже иногда позволяла себе отдохнуть.

«Я бежала по дороге, в конце которой только что скрылся мой любимый, огромные деревья, сомкнувшись кронами, образовали бесконечный зеленый коридор, сквозь который лишь кое-где, пронизывая золотом торжественную тьму, пробивались солнечные лучи.

— Джесси! Джесси! — кричала я, но он не слышал моего призыва.

На темных стволах тополей и кедров ярко пламенели орхидеи и сверкали пунцовые звезды жаксоний, золотилась даламанда и густо синели гроздья ипомеи. Когда на них случайно падал луч солнца, казалось, что зажигалась радуга.

Но я не видела всей этой красоты. Передо мной все еще стояло лицо Джесси, который проскакал мимо, не заметив своей возлюбленной.

Оглушительный топот копыт раздался за моей спиной. Целый табун диких лошадей появился в другом конце прекрасного коридора, и я поняла, что они растопчут меня здесь, среди этого великолепия.

Впереди, на черном жеребце, ухмыляясь в тараканьи усы и сверкая безумными глазами, летел мексиканец. Узда, которую он сжимал в руке, рвала губы жеребца, и кровавая пена летела хлопьями на зеленый ковер травы.

Я попыталась свернуть в сторону, но было поздно.

— Стой! — крикнул мексиканец и сдвинул шляпу на затылок. Потом властно протянул руку. — Отдай карту!

— Не понимай! — гордо отвечала я.

— Отдай карту! — еще раз зарычал он и вдруг заплакал тоненьким жалобным голоском. — А-а-а-а-а! Этот крик вонзился мне в мозг раскаленной иглой.

— А-а-а-а-а!

Он смотрел в другую сторону. Я проследила за испуганным взглядом — очевидно, услышав мой немой призыв, к нам спешил Джесси! Я знала, я верила, что он вернется!

— А-а-а! — все плакал и хныкал разбойник. Мне стало так мерзко, что я задрожала от отвращения. — А-а-а-а!».

Джоан вздрогнула и проснулась. В автобусе надрывался ребенок, требуя то ли еды, то ли чистых пеленок.

Господи, что это со мной?.. Сумка лежит на коленях... Все спокойно. Джоан, все спокойно. Это только сон. Ничего не произошло... Я в автобусе. Еду в Картахену. К Элейн... Господи, как она там? Поскорей бы добраться... Еще дорога какая-то.., неровная... Это, конечно, не Бродвей, и я не на увеселительной прогулке... Но эта тряска... О., о., о... Тугой комок опять подступил к горлу, и горькая тягучая слюна заполнила рот. Джоан дернула раму окна вниз, чуть не сорвав ногти, и стала жадно глотать свежий воздух. Отдышавшись, она наконец-то смогла немного посмотреть по сторонам.

Огромные горы, покрытые густой яркой зеленью, простирались справа от дороги, по которой ползла эта консервная банка. Слева зияла пропасть. Низкие тучи окутали вершины... Скалы застыли в дозоре...

Постой, откуда здесь скалы? В Картахене не должно быть скал! Холмы есть, но скалы...

На одном из деревьев она увидела обезьяну. Та висела на ветке и спокойно смотрела прямо на Джоан. Глаза их встретились...

Точно такую ей предлагал уличный торговец!

Девушка повернула голову. Рядом с ней сидел человек с длинной седой бородой, обрамляющей худое морщинистое лицо. Из-под шляпы свисали седые вьющиеся волосы.

— Этот автобус идет в Картахену? — спросила Джоан тревожно.

Старик молчал. Она повторила вопрос, но снова не получила ответа. Он попросту спал. Оглянувшись, Джоан заметила напряженный взгляд мексиканца. Тот смотрел прямо перед собой, но девушка поняла, что он слышал вопрос, но тоже не ответил ей.

— Извините, — пробормотала она и встала, чтобы пройти к водителю.

Страшный визг чуть не свалил ее с ног — это возмутился поросенок, которому она наступила на заднюю ногу. Недовольная хозяйка подхватила его на руки, прижала к себе и стала похлопывать по спине, успокаивая разбушевавшегося питомца.

— Простите, — снова попросила Джоан, провожаемая осуждающим взглядом. Это «простите» ей пришлось повторить, по крайней мере, еще раз пять. Кудахтали взбалмошные куры, визжали поросята, недовольно кричали птицы — американка растревожила весь этот «Ноев ковчег»!

Мексиканец нервно привстал с места. Наконец, она добралась до водителя. Крепыш-шофер спокойно вел машину, когда ему на плечо легла чья-то рука.

— Извините, ради бога, — сказала Джоан как можно мягче, чем и обратила на себя внимание... Усатая голова повернулась и удостоила ее взглядом. — Скажите, когда мы прибудем в Картахену?

— Что! — во-первых, это было единственное английское слово, которое крепыш знал, — не считая ругательств, конечно, — а во-вторых, из всего сказанного он понял только одно: Картахена.

Водитель удивленно выпучил глаза, и Джоан встревожилась еще больше.

— Это автобус в Картахену? — она поставила вопрос прямо, но вдруг вспомнила, что говорит на непонятном для этих людей языке. — Мне нужно в Картахену, — в голосе уже звучало отчаяние. — Понимаете, в Кар-та-хе-ну!

Резкий толчок прервал вопрос. Раздался треск..., визг...

Джоан полетела на крепыша, чуть не свернув ему шею, с багажной полки с грохотом посыпались коробки, корзины, чемоданы.

На дороге мирно отдыхал «джип», в кузове которого уютно разместились клетки с птицами. Он чинно ждал хозяина, когда ненормальный автобус с зазевавшимся водителем со всего маха поддал ему капотом под зад, превратив в неизлечимого инвалида. Сам он, конечно, тоже не остался без увечий. Двери повывлетали, радиатор сжался в гармошку. Посыпались стекла... Ну, в общем, обе стороны понесли равноценные потери.

Но верх все-таки одержал «джип» — он умудрился взобраться разбитым кузовом на изувеченный капот автобуса, который, слава богу, каким-то чудом исхитрился остановиться на дороге, у самого края бездонной пропасти.

Птицы, выбравшись из соломенных клеток, взмыли в небо пестрым облаком.

Удивительная страна! Водитель, выбравшись из-под Джоан, вышел, и, философски оценив размер аварии, почти спокойно заорал пассажирам на своем языке:

— Эй, bastardos note 5, выматывайтесь все и прихватите ваши шмотки! Basta note 6, мы дальше не едем! — затем спокойно повернулся к «джипу» и добавил:

— Bauta, Pendega.... Niso de la dran puta note 7.

Потом он плюнул и ушел первым.

Все молча стали выбираться на дорогу, растаскивая кучу с вещами. Кто-то прихватил и пару клеток из разбитого «джипа». И никто не ругался.

Никто, кроме «мексиканца».

Когда тот свалился между свиньями, на него, непонятно откуда, рухнул огромный хряк, который с перепугу хлестнул его хвостом по физиономии, потом, пытаясь вскочить, несколько раз достал грязными окороками по носу.

Это было слишком. Оскорбленный джентльмен вспомнил мать и всех остальных родственников идиотки, которая вздумала лезть со своими..., вопросами к водителю.

Хряка выручила хозяйка. Она умудрилась утащить свинью до того, как мексиканец успел

выбраться, выпустить вонючей твари кишки и намотать на шею той самой кретинке, которая ползала перед разбитым автобусом, приговаривая:

— А что мне теперь делать? Где мой чемодан? Он прекрасно видел, что тот соскочил на обочину, но ему было глубоко наплевать на это дерьмо. Пускай ползает! Остальные провалят подальше!

Наконец я разыскала пропажу. Чемодан сиротливо лежал у дороги. Подобрал его, я растерянно остановилась. Попутчики ушли вперед. У автобуса стоял только любезный джентльмен, который помог мне в аэропорту, и, улыбаясь, смотрел..., стеклянными глазами. Человек из сна!...

Схватив свою ношу, я бросилась догонять людей, все дальше и дальше уходивших от нас. Но он преградил мне путь.

вернуться

Note5

Bastardos (исп.) — ублюдки.

вернуться

Note6

Basta (исп.) — хватит.

вернуться

Note7

Bauta, Pendega... Hiso de la dran puta (исп.) — скотина, висельник, сукин сын.

— Вам никуда не нужно идти. Скоро прибудет другой автобус.

Я не могла ждать. Хотелось бежать к сестре, если нужно, ползти, — только бы оградить ее от опасности.

Человек достал сигару и, глядя прямо мне в глаза, закурил.

— Они ничего не понимают, — презрительно кивнув головой в сторону ушедших людей, продолжил джентльмен. — Они простые крестьяне, — он все еще улыбался, но глаза оставались холодными.

— Будет еще один автобус? Правда? — сдаваясь, спросила я.

— Ну, конечно. Ведь существует расписание. Даже в Колумбии.

Взгляд мексиканца переместился с моего лица на сумку.

«Нет, ты вырвешь ее только из рук трупа!» — на всякий случай я сделала пару шагов назад, прижав ношу к сердцу.

Заметив мою непреклонность, он вдруг развернулся и пошел прочь.

«Что это со мной! Везде мерещатся ужасы! Нормальный человек... Немножко, правда, похож на сумасшедшего, так по земле бродит немало тронутых, и никого это не беспокоит».

Поставив чемодан и бросив на него надоевшее пальто, я пристроилась на краешке, в ожидании обещанного автобуса.

По другую сторону ущелья возвышались покрытые тропическим лесом горы. Где-то там, за ними, лежит золотая страна — Эльдorado. Призраки индейцев майя оберегают сокровища, принадлежавшие их предкам.

Это моя страна, мой мир — мир легенд, фантазий и сказок!..

... Он вынырнул с другой стороны. Все так же скаля рот шакала, протянул руку, точь-в-точь как во сне, и забормотал сквозь зубы.

— Что? — я испуганно вскочила, не успев отогнать мечты об Эльдorado.

— Отдай карту! — рявкнул «мексиканец» на чистейшем испанском языке. Но я поняла приказ — револьвер, который он выхватил из-за пояса и направил мне в грудь, был хорошим переводчиком.

— Что? — уже по инерции повторила я, призывая на помощь Бога-Солнце в конце концов, это его страна, и он должен следить за порядком!).

И тут... На вершине хребта, за деревьями, раздался свист. Бандит повернул голову, я, конечно, тоже...

Солнце поднималось за горой, поэтому был виден только силуэт. Вместо лица — черное пятно, но я узнала его сразу.

Это был Он! Мой возлюбленный, мой единственный, всегда появляющийся вовремя — мой ДЖЕССИ.

Шляпа прикрывала его голову, стройная фигура светилась в красных лучах, на бедре висел бурдюк, наполненный вином... Вот только «винчестера» видно не было. Но все равно теперь нас было двое, и я уже ничего не боялась. Мне хотелось закричать от счастья, и только когда они начали стрелять, я нырнула под автобус чтоб невольно не помещать Джесси. ***

Джек возвращался к машине.

Охота оказалась неудачной — хоть бы один паршивый попугай попался. Но, увы, удача сегодня повернулась к нему задом. Лес как вымер. В воздухе чувствовалось приближение грозы, птицы притаились в чаще, и нужно было спешить, чтобы не промокнуть до нитки.

То, что он увидел внизу, приковало ноги к земле. «Джип» — его дом, его конь, его надежда на будущее — стоял, задрав кузов, уткнувшись носом в дорожную пыль.

— О, нет! — застонал Джек мысленно.

Тут же высилась гряда металлолома, бывшего когда-то автобусом. А рядом с этой развалиной...

Какая-то леди замерла под дулом «кольта» креола. Вообще-то, Джеку сейчас было плевать на эту парочку, его гораздо больше занимал «джип».

— Что же там произошло? — но креол обернулся и заорал, чтобы непрошенный свидетель убрался ко всем чертям, а потом, почти не целясь, выпустил пулю. БАНГ! — вода из бурдюка полилась на землю тонким ровным фонтанчиком.

— Руки! Быстрее поднимай вверх руки! — кричал креол.

Джек медленно исполнил приказание. «Ах ты, дерьмо!» — «винчестер», который до этого уютно дремал в чехле, висевшем за спиной, в одно мгновение оказался у бедра. Банг! Банг! Банг! банг! — затрещали выстрелы.

«А парень профессионал», — отметил Джек и спрыгнул вниз. Ноги скользили по траве, как по снегу, и через минуту он оказался на дороге.

Девушка, как только началась перестрелка, забилась под автобус, и оттуда торчали лишь тонкие каблучки туфель.

Креол отскочил за капот автобуса. Джек притаился у камня и снова спустил курок. Бангбангбангбанг... Воздух наполнился запахом пороха и дыма.

Я любовалась Джесси. Он был гибким и ловким, как пантера. Грациозно съехав с горы, мой любимый в несколько прыжков оказался рядом с нами. Мерзкий убийца вскочил в коробку, оставшуюся от автобуса, и, пробежав по ней, выскочил через дыру, зияющую на месте задней двери. Джесси не отставал. Он появлялся то там, то здесь, преследуя негодяя. Пиу-пиу. Свистели пули. Краска и ошметки раскаленного металла летели на землю.

Я чувствовала, что еще немного такой пальбы, и вся эта громадина рухнет, расплющив мое бедное тело. Но нет... Выстрелы, наконец, смолкли, и я услышала топот убегающих ног. «А этот ублюдок — ловкий малый!» — отметил Джек, не переставая посылать в него пулю за пулей. Как кошка, цепляясь за все, что попадалось под руку, креол перепрыгивал хлам и появлялся с разных сторон, не переставая при этом стрелять. Правда, на прицел времени уже не хватало — пули пролетали мимо, попадая куда угодно, только не в Джека. Через две секунды стенки автобуса превратились в решето.

Прижавшись к дырявой коробке со стороны кабины, креол с ненавистью посмотрел на «американца», так не вовремя появившегося здесь. «Будь ты проклят!»

Банг-банг-банг... Сухой щелчок..., снова щелчок... Патроны кончились.

И тогда он побежал по дороге, как заяц, втянув голову в плечи, и каждой клеточкой тела ожидал удара пули между лопаток.

Джек встал на полено и, вскинув «винчестер», поймал на мушку креола. Тот все бежал и бежал... Стрелять в спину бегущего человека — занятие не для настоящего мужчины! «Ладно, черт с тобой, живи пока», — подумал Джек и, поднявшись, направился к машине.

Я тихо лежала под автобусом, прижав к себе сумку, и наблюдала за ногами, которые прошли авторешето и замерли у «джипа».

— Какого черта! Господи, боже мой, что случилось с моими птицами! А!

— заревел Джесси над головой и разрядил «винчестер» в корзину с фруктами, которая почему-то стояла рядом с его машиной. Банг-банг, и брызги мякоти и сока полетели в разные стороны. По-моему, он сердился! Я старалась не раздражать его, поэтому просто немного передвинулась в другую сторону, не рискнув выбраться наружу. Конечно, мне было не совсем удобно ползать по земле под автобусом. Пару раз я задела головой грязное днище. Но иногда приходится терпеть мелкие неприятности. К запаху бензина мне удалось почти привыкнуть, а лужа от расстрелянных фруктов расплзлась чуть левее, так что здесь было почти уютно.

Ноги прошли мимо еще пару раз и остановились прямо передо мной. Потом колени согнулись, и внимательные голубые глаза заглянули мне в лицо.

— Привет! — голос его был мелодичным и чистым.

— Привет! — ответила я и наградила «Джесси» очаровательной улыбкой кинозвезды.

Джек стоял перед разбитым «джипом» и пытался найти хоть что-нибудь из того, что здесь оставил. Сто чертей!

Разбитые клетки валялись на дне машины, птицы разлетелись, но вещи, кажется, были целы. Расстрел корзины немного успокоил его. Так. Теперь придется дальше топтать на своих двоих. Веселенькая перспективка! Да, кстати, а где эта женщина?

Он прошелся вдоль автобуса и услышал прерывистое дыхание и дробь, которую отбивали зубы перепуганной девицы. Присев на корточки, Джек заглянул под автобус.

Оттуда на него смотрели широко открытые глаза бледной «леди». Жалкое подобие улыбки появилось на ее измученном лице, когда сиплым от волнения голосом она выдавила из себя — «Привет...».

Креол бежал через заросли. Листья папоротника хлестали по лицу, но он ни на миг не мог остановиться, чтобы перевести дыхание. Черный глаз «винчестера», казалось, все еще смотрел ему в спину.

Скорей домой. Собрать всех и вырвать из рук Джоан Уайлдер то, что должно принадлежать только ему.

Впереди послышался звук мотора. Заросли раздвинулись, и он выскочил на дорогу. Светлый «фольксваген» медленно полз навстречу.

Креол вытащил удостоверение полицейского и остановился перед машиной, широко расставив руки.

Ральф с трудом пробирался по разбитой дороге. Ругая последними словами и эту кретинку,

которая уселась не в тот автобус, и идиота Айро, затеявшего свою аферу.

Нет, это же надо было умудриться — прилететь в Картахену, а потом забраться в эти вонючие горы, вместо того чтобы спокойно передать ему карту, получить свою замечательную сестричку и уже умотать домой в Штаты! А теперь трясись здесь по ухабам и ищи эту ненормальную!

Господи! А это кто? Не может быть! О, нет. Нет!... Ну, денек начинается!

Он надвинул шляпу поглубже и притормозил.

Ральф узнал его мгновенно. Эти стеклянные глаза, черные усики, вытянутое лицо и черные перчатки. А когда в углу рта появилась знаменитая сигара, толстяк осел, пытаясь дрожащими руками удерживать руль.

Ральф увидел удостоверение полковника военной полиции Золо, которое тот приложил к боковому стеклу, и сдвинул шляпу на правую сторону, чтобы хоть чуть-чуть прикрыть лицо. Если он узнает меня, это будет последняя минута моей жизни!...

Золо рванул дверцу машины и уселся рядом с полумертвым Ральфом, мельком взглянув на водителя.

— Поворачивай, мне нужно в другую сторону. Коротышка даже не подумал возразить. Машина тотчас развернулась и поехала в направлении, указанном креолом.

— Я тебя знаю откуда-то? А?

— Не понимай, — прохрипел Ральф.

— Ты американец? — в голосе Золо послышалось раздражение.

— Американос! — толстое лицо передернулось от отвращения. Глаза за шляпой засверкали гневом, лоб покрылся испариной. — Нет! Ненавижу американос! Плевать на них хотел, — и, посчитав, что еще недостаточно убедил полковника, добавил. — Они сволочи! Сволочи!

Тот кивнул, соглашаясь с этой «лестной» характеристикой, и больше вопросов не задавал — мало ли кто на кого похож.

Джек вытащил из рюкзака жилетку и бросил на борт «джипа». Потом из-под самого низа достал фотографию яхты. Стекло разбилось, рамка сломалась. Он стряхнул все это на землю, извлек снимок и провел по яхте рукой, приласкав ее, как ребенка.

— Ну что ж, дорогая. Придется нам с тобой еще немножко подождать. Черт!

Восклицание относилось к девице, которая неслышно приблизилась к нему и осторожно прикоснулась рукой к плечу.

— Простите. Скажите, пожалуйста, где здесь ближайший телефон?

— Понятия не имею. Извините, — он встал (нельзя же разговаривать с дамой сидя!) и начал

укладывать вещи.

— Но мне очень нужно позвонить.

— У нас у всех, кажется, сегодня полно проблем. Да? — он надел жилетку и стал застегивать пуговицы. А он не очень-то любезен, этот парень!

— Скажите, а где ближайший город?

— Майами.

Детка, тебе было бы лучше сидеть дома с мамой, а не шастать по Колумбии!

— А когда появится следующий автобус? Нет, она точно с «приветом»!

— Автобус? Считайте, что здесь сейчас часы пик!

— Мне нужно в Картахену, — она собрала всю волю, чтобы выглядеть спокойной.

— В Картахену? — Джек посмотрел на нее с интересом — девица ехала как раз в обратную сторону. — Ну, ангелочек, Картахена знаешь где? На побережье, вон там.

— Но мне сказали, что этот автобус...

— Кто сказал?

— Один джентльмен.

— Не тот ли «милый господин», что собирался стрелять в тебя! Что он тебе еще сказал, красotka?

Парень уже пристегнул карабин к поясу и собирался забросить на спину рюкзак, и она понимала, что еще минута, и он уйдет. Губы ее задрожали.

— Пожалуйста. Мне нужна ваша помощь! — сейчас мужчина бросится к ней, подхватит чемодан, возьмет ее за руку и поведет в Картахену...

— Да? Это очень важно, леди! — он взглянул на девушку насмешливо.

Когда едешь к черту на рога, нужно рассчитывать не только на свое обаяние! Какого дьявола она думает, что кто-то должен возиться с незнакомой дамой, только потому, что она вплюхалась в какую-то историю! У меня что, своих забот мало? Он еще раз окинул взглядом остатки состояния, потом посмотрел на небо. Тучи висели над головой, закрывая горы. О, он прекрасно знал «влажный сезон в „тьерра кольенте“! note 8» Через несколько минут сплошная стена воды рухнет из разверзшейся хляби, и шагай тогда под проливным дождем с пустым желудком.

У него не было никаких запасов — на «джипе» через пару часов можно было бы добраться до какой-нибудь деревни, где всегда найдется что-нибудь выпить и перекусить. А теперь неизвестно, когда будет возможность хоть что-нибудь бросить в желудок, который настойчиво требовал своего. Все потеряно, а эта ненормальная почему-то решила, что ее проблемы — единственная его забота.

— Полгода работы улетело в воздух! — Джек старался не кричать. — «Джип» испорчен! (Где

здесь, у черта, найдешь механика!) — Через пять минут все, что у меня осталось в этом мире, промокнет! Извините, мне нужно торопиться.

— Пожалуйста!

Джек повернулся и, не ответив, зашагал по дороге.

Он не слышит меня! Я прочитала свой приговор в холодных голубых глазах. Как можно было сравнивать этого человека с преданным Джесси?! И это «настоящий мужчина»!.. Он бросит меня здесь, наедине с дикой природой!

— Пожалуйста! — просьба прозвучала искренне и жалобно, но истукан повернулся и пошел прочь.

— Я вам заплачу! — он замер. «Ага, жалкий скряга! Клынул на денежки!»

— Вы не понимаете... Это вопрос жизни и смерти...

— Сколько! — он повернулся и заинтересованно посмотрел на женщину. «Во сколько же она оценила свою жизнь!»

— Пятьдесят долларов!

— О, черт! — Джек даже рассмеялся.

Джоан не поняла, что так рассмешило этого провинциала? За пятьдесят долларов можно добраться до другого штата!!!

— Но вы же сказали, что только что потеряли все?

— Но только не чувство юмора! — он заспешил прочь.

— Сто долларов! — мужчина продолжал идти. — Двести долларов! — он снова остановился.

Потом медленно повернулся, подошел к Джоан и, глядя ей прямо в глаза, проговорил:

— Хорошо. За пятьсот долларов я, пожалуй, постараюсь вам помочь.

— Что? — задыхнулась девушка. Пятьсот долларов! Да это все, что лежало в ее сумке! — Двести пятьдесят! — пучок волос на макушке задрожал от возмущения, но Джоан постаралась держать себя в руках. Ведь если этот негодяй уйдет, она останется вообще одна!

— Я дорого стою. Но со мной можно договориться, — казалось, он не заметил молний, которые сверкали в голубых глазах девушки. — За то, чтобы отвести заблудившуюся женщину к телефону, я беру минимум четыреста долларов.

— Триста семьдесят пять! — Торговаться так торговаться.

— Американских долларов! — в его вопросе звучал неподдельный интерес.

— Конечно, — ответила девушка брезгливо. — Договорились? — он не заметил презрения.

— Хорошо! — Бросила она и гордо пошла вперед по дороге.

Джек посмотрел на чемодан. Э, милая, я обещал вывести тебя, но таскать сундуки мы не договаривались!

Он взял чемодан и догнал девицу.

Хлоп! Чемодан шлепнулся на землю у ног Джоан. Она застыла на месте, раскрыв рот от изумления. Этот увалень, этот несчастный хапуга, этот тип, этот... Все слова от возмущения вылетели из головы. ЭТОТ.. шагал вперед по дороге, размахивая пустыми руками и насвистывая какой-то пошлый мотивчик!

«Фольксваген» подъехал к каким-то баракам, когда небо уже стало темно-свинцовым от собравшихся грозных туч. На пороге стояло несколько человек в форме военной полиции. Они настороженно уставились на светлый приближающийся рыдван.

«Мать твою! Да эти латинос, кажется, сейчас расстреляют машину в упор! Вот это вляпался!»

Ральф на всякий случай пригнул голову пониже.

Невысокий офицер выскочил вперед и положил руку на лобовое стекло, как бы опасаясь, что машина вкатится прямо в помещение. Он смачно выругался, но так и застыл с отвисшей челюстью, захлебнувшись окончанием фразы.

вернуться

Note8

"Тьерра кольенте" — «жаркая земля», расположена до 1000 метров над уровнем моря.

— Сеньор Золо! — прохрипел офицер, увидев пассажира.

Золо вышел из машины и распорядился:

— Собрать всех. По тревоге.

— Слушаюсь, сеньор, — вытянулся офицер, уже не обращая никакого внимания на водителя.

Я с трудом тащила по дороге с чемоданом в одной руке и сумкой в другой. Этот проклятый «гроб» все время переворачивался, соскакивая с колес, а, извините за выражение, «джентльмен» спокойно продолжал идти вперед, даже не подумав предложить свою помощь.

Каблуки попадали в какие-то ямы, то и дело грозя вывернуть ноги. Дождь заливал за шиворот воду ушатами, бил в лицо, и я почти ничего не видела, кроме, разве что, спины с рюкзаком, служившей мне ориентиром.

И вдруг он остановился.

— Там у вас есть что-нибудь ценное в чемодане! — донесся его голос сквозь шум дождя.

— Нет. — Ответила я на всякий случай. Может он собрался меня ограбить. И ничего удивительного! Мы здесь были совершенно одни, — Там одежда, и все такое.

— А зонтик есть?

— Нет.

— А хорошие туфли?

Идиотский вопрос! Какая леди отправится в путешествие без запасной пары обуви!

— Конечно. Такие же, как на мне сейчас.

— Понятно.

Он подошел и взял чемодан (Господи, наконец-то в нем проснулась совесть!). Я благодарно улыбнулась, оценив этот жест, и облегченно вздохнула.

Джек проклинал себя за то, что связался с этой курицей, умудрившейся не захватить с собой в дорогу ни одной путевой вещи. Она тащилась с «сундуком», набитым всяким барахлом, со скоростью десять шагов в час. Так, милая, мы доберемся до Картахены не раньше, чем через месяц! А мне нужно спешить.

Он решительно взял у нее «сундук» и, растянув зубы в нечто, напоминающее улыбку, подошел к краю обрыва.

Как в замедленной съемке, Джоан увидела поплывшую вверх руку, затем, насколько позволяла тяжесть набитого до отказа чемодана, взмах и... Все ее вещи, заключенные в серый пластиковый корпус, полетели в пропасть.

— Ну ладно, — даже не посмотрев вслед ненужному хламу, сказал Джек. — А теперь будем идти по-настоящему.

Джоан понимала, что она сейчас в его власти, что только он может вывести ее отсюда; что Элейн грозит опасность, если она не поспешит на помощь! Все это девушка понимала, но гнев, захлестнувший ее, был сильнее всех трезвых доводов рассудка. Она подскочила к этому негодю, трясясь от ярости.

— Вы... — задыхаясь, начала Джоан, глубоко засунув руку в карман, чтобы не залепить кулаком по ухмыляющейся физиономии. — Вы...

Закончить она не успела — тонкие каблукы срезали кусок глины, размокшей под дождем, и Джоан ухнула вниз, не успев даже пискнуть, и поехала по ложбине, вымытой грязевым потоком, со скоростью гоночной машины.

— О, черт! — Она умудрилась свалиться! Джек взмахнул руками, и напрасно. Пласт, на котором он стоял, не выдержал этого резкого движения, и мужчина, кувыркаясь, отправился вслед за девушкой.

Сколько раз пыталась потом Джоан вспомнить злополучный полет, это не удалось ей ни разу. Мелькали какие-то обрывки, куски, не складываясь в общую картину.

... Ноги, руки, туловище и голова существовали отдельно. Липкая грязь окутала все тело, не давая открыть глаза. Огромные листья папоротника и банановые заросли, которыми был укрыт весь склон, больно хлестали лицо. Ее пару раз перевернуло, юбка оказалась выше пояса. Несколько смягчало удары пальто. Раздувшееся от воды, оно напоминало большую подушку, Она цеплялась за любой корень, попадавшийся на пути. «Конец!» — мелькнуло в голове девушки, но в этот момент, пролетев еще пару метров и перевернувшись в воздухе, она шлепнулась в огромную лужу, которая образовалась у последнего шестифутового трамплина. Ноги и руки раскинулись в стороны.

Джоан сидела, хватая воздух открытым ртом, как рыба, заброшенная на берег. Она упиралась ладонями в зыбкое дно лужи, поддерживая тело над колышущейся черной массой. Дрожащие ноги не слушались ее, и она никак не могла подтянуть их к себе, чтобы встать. Девушка тихонько скулила.

Ууух! Какое-то бревно врезалось в нее, чуть не разорвав пополам. Голова дернулась, и Джоан задохнулась от боли. Разлепив глаза, она увидела торчащий между ногами рюкзак, который стал постепенно отползать. ***

Джек влетел во что-то мягкое и замер. «Жив», — мелькнуло в голове. Он осторожно приподнялся и увидел справа и слева от лица ноги.

«Недурственно приземлился», — подумал он и решил разглядеть их получше.

Боже мой, что это были за ноги! Длинные, белые, несмотря а грязь, стекающую в лужу, и.., мягкие. Они спасли его голову, которая могла врезаться и в какую-нибудь корягу. Они казались прекрасными.

«...Лучшие ноги Нью-Йорка», — говаривала Глория в той далекой жизни.

— О-о-о! — громко закричал Джек, не очень торопясь выбраться из этого плена. — Йох-ху-ууу! — чуть отклонившись назад, он посмотрел в мокрое грязное лицо девушки и расхохотался.

— О, черт возьми! Вот это прокатились! Какое прекрасное утро сегодня!

Джоан не разделяла его восторга. Все еще сидя в луже, она растерянно моргала, абсолютно не представляя себе, как же выбраться из идиотского положения. Хохот этого жеребца оскорбил ее. Но тут он что-то сказал, и девушке послышалась тревога в его голосе.

— С вами все в порядке?

Она попыталась осмотреть себя. Рукав пальто был разорван, как выглядела юбка, будет видно потом.

— Вы не ранены?

Джоан отрицательно замотала головой, едва сдерживая рыдания. Наконец он догадался освободить ее, привстав на колени.

— В чем дело? Или у вас язык парализовало? — Нет, — выдохнула она, вытирая лицо мокрыми ладонями.

— Замечательно, — Джек встал. — Как вас зовут?

— Я — Джоан Уайлдер, — дрожащим голосом произнесла девушка с гордостью, рассчитывая, что он должен упасть на колени при звуке знаменитого имени.

— Джоан Уайлдер! — в его устах это прозвучало, как «сковородка» или «веник», Джек протянул руку и пожал дрожащую грязную ладошку «лучшей романистки года», которая все еще продолжала сидеть в грязи. — Добро пожаловать в Колумбию!

Наконец-то он вытащил ее из лужи и ободряюще похлопал по плечу. И если бы не правая рука, которую он все еще продолжал трясти в своей клешне, Джоан от этого знака внимания снова бы рухнула в грязь.

Айро сидел на яхте за столиком напротив Элейн, развлекал ее разговором и маленькой кисточкой снимал пыль с зубов статуэтки крокодила. Это была его страсть — острые «зубки», которые могли перемолоть все, что угодно.

Телефонный звонок прервал его рассказ об убийстве Эдуарде. Слуга принес аппарат и поставил на столик.

— Денер.

Ральф, улучив минуту, когда в караульной комнате никого не было, взял телефон со стойки и набрал номер. Трубку подняли почти сразу.

— Денер, — услышал толстяк и уже собрался было разразиться градом ругательств, как вдруг дверь открылась, и в комнату, окутанный клубами сигарного дыма, вплыл Золо.

Ральф резко повернулся к нему спиной и, втянув голову в плечи, преувеличенно радостно заорал:

— О, здравствуй, мама! — он отошел к окну, чувствуя затылком взгляд.

— Это я — Эрви!

— Ну ты, урод, где ты! — бодро рявкнул Айро, не понимая, сколько можно шлаться. Всего-то дела на час!

— Все в порядке, мама... Почему я тебе не звоню.....Золо, окинув толстяка подозрительным взглядом, вышел, но зато появился солдат, которому потребовался карабин.

— Скажи, в чем дело! — надрывался Айро. Солдат безразлично выудил из стойки карабин, проверил затвор и, наконец, ушел.

Толстяку захотелось перекреститься.

— Ну, как всегда, огромные неприятности из-за тебя, — зашипел он в трубку, опасаясь, что сейчас войдет кто-нибудь еще и обязательно все услышит. — Прежде всего, эта дура села не на тот автобус. А теперь я торчу здесь, непонятно где, в каких-то бараках или казармах, где идет мобилизация.

За окном подъезжали и отъезжали машины. Военные бегали, будто уже началась война. Ральф

увидел, как Золо подошел к какому-то «джипу» и отдал распоряжение вытянувшемуся по стойке «смирно» офицеру, который тут же куда-то укатил.

— Они знают, кто ты? — испуганно спросил Айро.

— А как же! Я же всем здесь представляюсь! Каждому полицейскому! Идиот. Да, и еще одна мелочь, двоюродный братец. Знаешь, кто здесь вместе со мной?

— Золо!

Ральф представил вытянувшуюся физиономию брата, сплюнул и передернулся, как будто увидел лягушку.

— Ну дайте ему сигарету, этому догадливому. Да, Золо. Золо. Он украл мою машину. Так что теперь не только мы с тобой похитители, черт возьми. Я, к тому же, потерял все, что у меня было в багажнике!

Таская за собой телефон и не прекращая говорить, толстяк бегал на коротеньких ножках по караулке, пытаясь понять, что же здесь происходит, и не пропустить момент, если кто-нибудь войдет.

— И что он делает?

— Да он здесь всех мобилизует, отдает приказания, ясно?

В этот момент взгляд его упал на стенд, возле которого стояла пирамида с оружием. На стенде красовалась надпись: «Разыскивается полицией», под которой разместились два десятка не очень приятных физиономий. А в правом верхнем углу шикарный портрет в фас и профиль полного преступника, рожу которого он видел по утрам в зеркале, когда брился. Ральф пошел к плакату, как загипнотизированный кролик в пасть удава.

— О, нет, нет! — вырвалось у него откуда-то из живота. Но тут вошел солдат и вытащил автомат из стойки прямо под его фотографией, Ральф быстро отвернулся. Сволочь! Сидит там на яхте, а я мотаюсь по полицейским участкам с моими портретами на стенах.

— Слушай, Ральф! Возвращайся сюда немедленно, черт возьми! — Этот кретин ничего не может сделать нормально!

Айро сжимал трубку в побелевших пальцах. Простое дело, встретить самолет, взять карту, приехать! Нет. Обязательно нужно вляпаться в историю. Небось сидит там с мокрыми штанами!

— Ты слышишь! Немедленно!

Солдат вышел, и Ральф смог ответить этому ублюдку.

— Ты не приказывай мне, понял? Не смей со мной так разговаривать, — он взгромоздил свой толстый зад на барьер и попытался дотянуться до плаката, — я чувствую, ты хочешь убить меня! Да? Ради бога! Но сделай в Америке, а не здесь, в этих вонючих джунглях, где полно каких-то змей!

Его короткие пальцы, наконец, ухватили плотную бумагу, Ральф рванул ее на себя и.., вместе с ней кувыркком полетел на пол.

В трубке раздался грохот, Айро внимательно вслушивался, но толстый урод почему-то замолчал.

— Что ты собираешься делать? — никакого ответа, — Достань мне карту, хоть из-под земли! — он жестко закончил разговор и отставил телефон.

— Сестричка села не на тот автобус, — Айро посмотрел на Элейн, которая неподвижно сидела на стуле, — Этот третий человек, о котором я рассказывал, едет за ней.

— Человек, который убил моего мужа? — ее глаза широко открылись.

Элейн проклинала себя за звонок к Джоан. Зачем я это сделала? Девочка такая беззащитная. Ужас плескался в расширившихся глазах женщины, и Айро получал от этого наслаждение.

— Да, этот мясник, который убил твоего мужа. Очень интересный человек! У него своя армия есть. Я не знаю, кто он на самом деле! Доктор Золо, как он предлагает себя называть, министр антиквариата, или полковник Золо, заместитель начальника секретной полиции. Но кто бы он ни был — это все равно мясник, убийца. Вот кто он.

Он объяснял это, размахивая острым ножом перед лицом Элейн, едва не касаясь его, гневно сверкая глазами и брызгая слюной, низко перегнувшись через столик. Со словами «вот он кто» Айро вонзил нож в кусок мяса, которое грудой лежало в миске тут же на столике, и швырнул его в распахнутую пасть крокодила, Острые клыки щелкнули, и мясо исчезло.

— Какие зубки, а? — восторженно оскалился хозяин, мгновенно забыв и брата, и карту, и даже проклятого Золо.

Господи, как там Джоан? Помогите ей ради всего святого, пресвятая Богородица, попросила Элейн и прикрыла глаза.

Джек на корточках сидел у ручья, ополаскивая «яхту», которой досталось не меньше, чем хозяину во время спуска в долину на мягком месте.

Джоан же все еще приходила в себя.

Я лежала среди душистых трав на прекрасной поляне. Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Мы успели обсохнуть у костра, который разложил мой спутник, и чуть-чуть привести себя в порядок.

Высокие пальмы удерживали голубой купол неба, как в огромном зале мраморные колонны поддерживают потолок. Наверное, там, под потолком, среди деревьев прятались птицы, но отсюда я их не видела.

— В чем дело? Вам плохо? — девица все еще лежала на коряге, свесив голову вниз, сверкая голыми пятками.

— Нет, я потеряла пуговицу, — Джоан, смирившись с потерей, села. Все равно в такой высокой траве невозможно отыскать маленький костяной кружочек!

— Вы потеряли что-о-о? — глаза у Джека вылезли из орбит.

— Пуговицу, — она попыталась оправить жакет, но правый рукав остался в левой руке. О,

господи.

Мать твою! Здесь потеряно целое состояние, разбита машина, улетел чемодан со всеми вещами, выброшено изодранное пальто, костюм разлезся и свисает клочьями, а эта дуреха ползает по колену в траве и ищет, видите ли, пуговицу.

— Вы не только это скоро потеряете!

Он схватил ее туфли и бросил у ствола поваленного дерева. Из чехла Джек выдернул мачете.

КРАК! — И каблук отлетел в сторону.

КРАК! — Другой последовал за ним.

Он с удовольствием осмотрел свою работу и бросил тапки к ногам растерянной женщины.

— Это были шикарные итальянские туфли. — Задумчиво сказала Джоан, посмотрев почти равнодушно на останки.

— Зато теперь они превратились в удобные, — Джек остался доволен.

Нет, это бог знает что! Самодовольный идиот. То он выбросил чемодан с вещами, потом пальто, заявив, что эта «рвань» мне ни к чему (ни к чему, ни к чему, а без него я ободрала бы себе спину и то, что пониже, когда проехала по его милости с горки!), а теперь изуродовал единственные туфли!

— Неужели ничто, из того, что у меня есть, для вас не свято?! — Джоан с вызовом посмотрела на мужчину, который даже не слышал о такой замечательной писательнице!

— Ну как же! — воскликнул он и, когда девушка вопросительно подняла голову, объяснил спокойно. — Триста семьдесят пять долларов.

Это ухе слишком! Я больше не скажу ему ни слова!

Джоан нагнулась, чтобы надеть туфли, и это спасло ей жизнь.

Банг! Банг! Банг! — прогремели выстрелы, и от дерева, как раз в том месте, где только что была голова «знаменитой писательницы», полетели щепки. Девушка попыталась вскочить на ноги, но сильные руки спутника швырнули ее к подножию маленькой глыбы.

Банг! Бангбанг!!!

Джек осторожно высунул голову — наверху, у самого основания трассы, по которой они совершили свой стремительный спуск, стояли «джипы» военной полиции, и целая свора людей в форме продолжала палить из карабинов в их сторону.

— Полиция! Что им нужно, черт возьми? — он уже несколько месяцев не занимался контрабандой, наркотиками и, вообще, вел самый что ни на есть праведный образ жизни. — Я ничего такого в последнее время не делал!

Рука нашарила бинокль, и он совсем близко увидел человека, того самого засранца, которого пощадил пару часов назад. Мать твою!

— Я стрелял в полицейского! Ну все! Можно считать себя покойником! Они поднимут на ноги

всю полицию, и нам каюк! И вдруг его осенило.

— Минуточку... Он вас ищет! — перепуганная девица смотрела на него непонимающими глазами, — Да кто вы такая?!

— Я? Я — писательница. Романистка... — Что?

По-моему, она считает меня идиотом! Надо же! А глазки такие голубенькие, черт! Невинные. Точно аферистка.

— Что вы здесь делаете?

— Я сказала вам... Жизнь моей сестры зависит только от меня.

Нет! Строит из себя овечку! Вот такие красотки берут тебя своей бархатной лапкой и тащат за шиворот прямо в ад!

— Да ладно, кончайте вы, господи боже мой, дурака валять, — он снова посмотрел в бинокль — пока Джек изучал эту штучку, полицейские привязали веревки к машине, и... — Господи, они спускаются! Ну что ж, по-моему, самое время опробовать новые туфли! — он вскочил и, оставив рюкзак, виляя среди деревьев, бросился бежать.

Слава богу, Джоан успела надеть туфли до того, как следующие пули просвистели над головой. Это дало ей возможность ринуться вслед за спутником, почти не отставая. Но это «почти» выросло метров в пятнадцать.

— Подождите! — кричала девушка, опасаясь потерять из виду широкую спину своего провожатого.

— Некогда ждать! — он затылком ощущал преследователей.

— Подождите! — она слышала выстрелы, которые оставляли глубокие раны в телах деревьев.

— О, дьявол! Нам только этого не хватало! — Джек притормозил, увидев заросли молодого бамбука, которые сплошной стеной выросли перед ними, Он снова выхватил мачете и стал остервенело рубить направо и налево, прокладывая дорогу, — Что вы сделали сегодня утром? — слова слетали синхронно с ударами ножа, — Вы утром прилетели сюда испортить кому-нибудь жизнь! Да? — она пробиралась вперед не так быстро, как ему хотелось, но все же пробиралась. — Черт!

Мачете рубил головы бамбука, но силы оставляли Джека, — Вы знаете, куда мы идем! — задыхаясь, спросила Джоан, — Здесь какая-то дорога! — выстрелы раздавались все ближе и ближе.

— Это дорога! — Что же такое бездорожье? Но Анжелина никогда не ныла. Она шла за своим Джесси всегда безропотно!

— А-а-а! — раздался впереди крик Джека. Еще секунда, и он бы сорвался в пропасть, появившуюся совершенно неожиданно, только толстая лиана, в которую произвольно вцепились руки, спасла его от падения, — О-о-о! — едва успела притормозить Джоан. Они смотрели вниз, на дно ущелья, где шумел горный ручей, унося камни, щепки и все, что попадалось — весь этот мусор в реку, очищая жилище Богов.

Я перевела дыхание, Слева через пропасть простирался мост. Мне показалось, что мужчина несколько растерялся.

— Ну, знаете! — спросил Джек, не сумев скрыть неприязни. — У вас что, дар приносить несчастье людям!

— А мост! — подсказала я спутнику.

— Это не мост! — его голос звучал резко. — Это произведение искусства доколумбовой эпохи! По нему нельзя пройти. О, черт!

Банг! Бангбангбанг !!!!

Они возникли совсем рядом и снова открыли пальбу. Этим ублюдкам было безразлично, в кого стрелять. Лишь бы взять то, что им нужно!

Он положил «винчестер» на выступ и закричал:

— Ну ладно! Вы держитесь за мной! Я их задержу немного!

Как ни странно, но этот мужчина мне почти уже нравился. Во всяком случае, стрелял он неплохо. Конечно, не так, как Джесси, но все же не сверкал пятками, убегая, а встречал опасность лицом к лицу. И если бы не Элейн, которая ждала меня с этой проклятой картой, я бы осталась с ним. Но мне нужно было идти, и я побежала к мосту.

Мост, действительно, был доколумбовой эпохи. Он весь прогнул и светился, как паутина... Каждый шаг я делала, лишь прощупав очередную доску, не оторвется ли, когда на нее навалится груз моего тела. Почти не дыша, расставив руки в стороны, я делала шаг за шагом, стараясь не смотреть вниз. А-а-а! — доска сорвалась и бесшумно полетела на дно пропасти. За ней другая. Я еле удержалась на перилах, которые оказались, к счастью, под рукой. И снова шаг за шагом, тщательно проверяя каждую досочку вначале носком, и лишь затем перенося на нее вес тела, я шла через чертов провал.

Джек стрелял в этих подонков, которым было начхать, кто перед ними.

Сволочи, хоть бы женщину пощадили. Хотя, не известно, что это за штука.

— Дьявол! — пуля едва не задела его. Осколок камня впился в щеку. В ответ он дал целую очередь. Леди молчала, очевидно, она ждала, что он выбросит целый фонтан идей, как выбраться из этой говенной ситуации. — Я знал, что нужно было слушать маму. Конечно, в свое время. — Все это он изрекал между выстрелами, — Мог бы стать хирургом! А!

Эти уроды неплохо стреляют!

— Зарабатывать деньги! Надеюсь, вы записываете?! Потому что это — настоящий вестерн, который вам и не снился!

После того как доски полетели в пропасть, я была очень осторожна, но ужас, охвативший меня, сковывал тело, ноги, но не смог справиться с моим духом. Дух вел меня вперед.

— Плеватьнаних, плеватьнаних, плеватьнаних, — приговаривала я вместо считалочки, и, как ни странно, это немного помогало. Я все ближе и ближе подбиралась к своей цели, когда опора ушла из-под ног. А-а-а-а! — закричал мой дух, и, хватая руками воздух, я случайно уцепилась за

какой-то канат (впоследствии узнала, что это была лиана) и, совершенно ничего не соображая, пронеслась над пропастью, грохнувшись в заросли на другой стороне. Мне уже не верилось в чудо спасения, поэтому первое, что я сделала, когда приземлилась — вытащила заветный пузырек, который так осмотрительно положила в сумку в Нью-Йорке, и сделала хороший глоток, спасший меня от помешательства.

Пьют! Пьют! Пьют! О, Господи! Еще бы чуть-чуть, и мне конец!

— О-о-о! — он оглянулся. Девицы не было. Пули продолжали свистеть над ухом, и он понял, что пора сматываться.

— Писательница, мать твою! — зло проворчал Джек. В это время пригорок взорвался целым залпом. — У, срань господня! — заорал Джек, сообразив, что если он не уберется сию минуту, то не уберется уже никогда.

Ухватившись за лиану, которая спасла его несколько минут назад, Джек с силой оттолкнулся и полетел над пропастью.

Лиана оказалась слишком длинной!

Краак! Кости его захрустели, мозг встряхнулся и размазался по стенкам черепа, когда двухсотфунтовое тело с размаха врезалось в скалу футов на десять ниже плато, на котором сидела Джоан.

Джеку показалось, что удар превратил его в лепешку диаметром, по меньшей мере, в несколько метров. И если он не разжал пальцы и не полетел в пропасть, то только благодаря чуду и природной реакции. Ноги судорожно заскребли по скале, пытаясь нащупать хоть какую-нибудь опору и помочь телу подняться вверх, но подошвы находили лишь скользкий, отполированный дождями и ветром, гранит.

«Похоже, что сегодня даже природа решила выступить сообщницей этой.., писательницы».

Согнутые пальцы нащупали какой-то камень, — к счастью выступающий над головой и тут же влились в него мертвой хваткой.

Это ведь был не просто камень. Это было спасение.

— Джоан! Джоан! Помогите! — Джек чувствовал, что еще немного, и он сорвется. Руки не выдерживали тяжести тела.

Девушка не отзывалась, «Господи, помоги!» — взмолился ни во что не верящий Джек, и вдруг нога отыскала — нет, есть все-таки Бог! — опору. Узкую, хрупкую, но опору! Вжимаясь в скалу всем телом, обнимая ее, как любимую женщину, человек шептал побледневшими губами: «Пропусти, милая, пропусти, пожалуйста...» И дюйм за дюймом полз вверх. Соленый пот заливал глаза. Во рту пересохло, словно в него засыпали песок. Джек с облегчением нащупал край и, подтянувшись, невероятным усилием бросил тело на траву, все еще не веря, что под ним не огромная двухсотфутовая пустота, а твердая надежная почва. Ему хватило одной секунды на отдых. Сам он, конечно, предпочел бы полежать еще часок, но на противоположной стороне зашевелились высокие заросли молодого бамбука, и Джек посчитал за лучшее не торчать на виду, а убраться под прикрытие кустов.

Когда он раздвинул ветки, то чуть не задохнулся от гнева: девица преспокойно сидела на траве и потягивала из бутылки явно не воду, — Джоан! Что вы делаете! Пьете? — голос его дрожал от

обиды и возмущения:

— Меня тем убивают, а она — пьет!

Джек выхватил пузырек из ее рук и.., двумя глотками допил остатки, даже не ощутив вкуса.

И тут снова хлынул дождь. Остудив его горячую голову, которая все еще продолжала гудеть.

Золо с полицейскими выскочили к мосту, когда парочка уже скрылась из виду, — За ними! Пошевеливайтесь! Солдаты робко топтались у гнилого сооружения, не решаясь ступить на эту рухлядь.

— Сеньор Золо, мы здесь не пройдем, Он рухнет, как только кто-нибудь сделает хотя бы шаг. Им все равно далеко не уйти — наши люди оцепили весь район. Нужно объехать это место.

— У, дьявол! — Золо выпустил очередь по кустам на другой стороне пропасти. — По машинам!

Клинг! Клингклингклинг!!! — Пули застучали по скале, отбивая кастаньетный ритм. Свинцовые осы звенели над головой, срезая листья. Несколько зеленых плоских «блюдец» упали мне на колени. Мужчина тут же отшвырнул пузырек и бросился в заросли.

— Подождите! — крикнула я, поднимаясь, но он уходил все дальше, ни разу не оглянувшись.

Вжик. Вжик. Вжик. Мачете рубил тростник, прокладывая нам дорогу. Тугие струи дождя больно хлестали лицо и пронизывали тело, прикрытое лишь остатками блузы и юбки.

И вдруг мой спутник опустил руку и замер на месте (он остановился, чтобы перевести дыхание и немного отдохнуть). Я чуть не Ткнулась ему в спину.

— В чем дело? Почему мы остановились? — спросила она, и Джеку захотелось шлепнуть ее плоской стороной ножа.

Едва сдержав искушение, он протянул мачете девице — пусть попробует помахать, может поймет, что человеку иногда требуется передышка.

— Попробуйте. Не стесняйтесь.

Она распахнула глаза и посмотрела так удивленно, что мужчине тут же захотелось отдернуть руку, но, к его изумлению, девушка взяла нож и (Ха! Ты что же думаешь, бедная девица сейчас побледнеет и запросит пощады? Долго придется ждать, мой милый! Я принимаю вызов), половина листа отвалилась в сторону, потом другая. Медленно, но все же они продвигались вперед.

Вжик, вжиквжиквжик. — Свистел мачете, и широкая дорога оставалась за моей спиной.

Вжик! Огромный лист отвалился и...

Из зелени, немного наклонившись вбок, оскалившись, таращился черными провалами пустых глазниц череп в шлеме. Мне даже показалось, что он клацнул зубами.

Когтистая холодная лапа сжала сердце, и оно почти остановилось. Я почувствовала, что сейчас потеряю сознание. Еще бы! По улицам Нью-Йорка, как известно, не часто разгуливают беспризорные скелеты. Но, собрав волю, я удержалась на ногах. Ни за что на свете он не увидит моего испуга, недостойного Анжелины. А она ничего! Смотри-ка. Машет мачете изо

всех сил. Интересно, на сколько ее хватит?

— Ааааааа! — дикий вопль потряс саванну, и Джек бросился вперед. Перепуганная девица ткнулась побледневшим лицом ему в грудь, как прячутся маленькие дети в коленях матери.

— Ну-ну, — он успокаивающе погладил трясущиеся плечи, потом чуть отстранил Джоан и заглянул в глаза, которые стали почти черными от расширившихся зрачков. Побелевшие губы дрожали.

За спиной у девушки из ржавой кабины торчала голова мертвого летчика. Милая моя, этого можно уже не бояться! Слава богу, что там не сидит живой!

— Все в порядке? — мужчина почувствовал, что плечи перестали трестись. — Пойдемте.

Судя по всему, самолет потерпел катастрофу. Часть хвостового оперения была снесена, а вместо крыльев торчали короткие обломки. Это случилось довольно давно, лианы успели крепко обвить серебристую сигару в объятиях смерти, а бамбук и густой кустарник довершили начатое. Самолет невозможно было увидеть, даже находясь в метре, так надежно прятали его зеленые побеги.

Люди могли пройти в двух шагах и не заметить его, если бы не случайность.

Джек отодвинул ветки от бокового стекла и заглянул в кабину. Нет. Этот скелет был единственным, они пробирались сквозь заросли вдоль корпуса и, наконец остановились перед черным провалом, бывшим когда-то дверью.

— Здесь больше никого нет! — спросила Джоан, все еще не в силах справиться с дрожью в голосе.

— Нет. Нет. Это грузовой самолет. Весь отсек был забит какими-то яркими пакетами, валявшимися в беспорядке на полу.

— Что это такое?

Он узнал их сразу. Сладковатый запах чувствовался уже у входа.

— Это? Это то, за чем они прилетели из Штатов. Конопля, которую здесь сажают двести лет.

— Ах, марихуана, — блеснула Джоан глубоким знанием наркотиков.

— Вы что, курите ее? — Джек внимательно осмотрел девицу — наркоманку она никак не напоминала.

— Пробовала в колледже, — в ее голосе звучала гордость за свое «бурное» прошлое.

— Конечно, — хмыкнул Джек и стал пробираться к кабине. Наверняка, там есть, чем поживиться.

Я отвернулась. Конечно, раз так случилось, можно войти в самолет, но встретиться еще раз с мертвецом, это уж увольте! Меня выручил носовой платок. Я извлекла его из сумки и стала тщательно промокать лицо, так что задержка в салоне имела оправдание.

Джек осветил фонарем кабину. Ничего нет, только ржавые приборы смотрели в пустоту мертвыми глазами, Здесь хозяйничали твари с длинными хвостами, так напоминающие

миниатюрных крокодильчиков. Ящерицы уютно устроились на зеленом вещмешке, притаившемся у самого кресла пилота.

— Ну вот, — он вытащил рюкзак, стряхнув ящериц, которые брызнули в стороны и скрылись в щелях.

Рука нащупала пачку, которую он тут же протянул Джоан, и.., вот оно! Холодное стекло нежно коснулось пальцев, и на свет появилась квадратная бутылка, чудом уцелевшая при катастрофе.

— Господи, как я люблю летчиков! — он погладил бутылку и, отвинтив пробку, вдохнул аромат содержимого. Сделав большой глоток, он по-братски протянул ее девушке.

Она благодарно приняла дар и, взглянув на этикетку, вздохнула.

— Что? — тревожно спросил он.

— Это любимый напиток Элейн... — ответила Джоан и, тщательно протерев горлышко бутылки, попробовала содержимое. Напиток обжег горло, и она на мгновение задохнулась.

— Расскажите мне про свою сестру, — он снова выпил.

— Я вам уже рассказывала... Ее муж умер... И я прилетела сюда, чтобы утешить ее...

— Да, да, — в глазах его светилось недоверие, — Это правда, — как можно убедительней лгала она, не глядя на спутника.

Джек видел ее смущение. У каждого могут быть свои причины что-то скрывать, но, черт возьми, они влипли в эту историю из-за нее, и ему необходимо узнать, какого дьявола целая свора полицейских преследует их по пятам.

— Ну ладно. Правда, так правда. Я разожгу костер. У вас есть сухие спички? — он взял ее сумку, и желтый плотный лист какой-то карты с надписью «Эль-Корозон» появился на свет.

— О, нет! Нет! — рванулась Джоан.

В самолете повисла тяжелая пауза. Она была так тяжела, что Джоан, сжавшись, ожидала, когда она сорвется и обрушится ей на голову.

— По-моему, все-таки нам нужно поговорить, — наконец медленно произнес Джек.

— Хорошо! — вздохнула девушка, понимая, что ей не отвертеться.

Яркие отблески костра плясали на лице мужчины. Казалось, стены раздвинулись, и мы находимся в древней пещере какого-нибудь сказочного чудовища, которого изгнал из своего жилища мой рыцарь.

Снаружи хлестал дождь и завывал ветер, а здесь потрескивали сучья, и никогда еще мне не было так уютно и тепло. Бутылка переходила из рук в руки, согревая наши озябшие души. Очередной пакет с марихуаной полетел в огонь, и тысячи маленьких искр взметнулись в воздух великолепным душистым фейерверком.

— Вот это — настоящий костер, — он щурился, потягивая ликер, удобно устроившись на тряпках. — Так значит, «Эль-Корозон» и будет выкупом за вашу сестру, да? Неплохо: По-испански это значит «Сердце». Карта ведет к сердцу. Но к сердцу чего, хотелось бы знать?

Бутылка перекочевала ко мне;

— А мне плевать, — сказала я, сделав глоток.

— Видите. — Он пытался привлечь мое внимание к карте, — вот здесь написано, что, «Эль-Корозон» спрятан в провинции Кордова. Так вот, мы сейчас находимся прямо в центре этой провинции.

Господи ты боже мой! Мне абсолютно все равно, где мы находимся! Конечная точка моего путешествия — город Картахена! И все-о-о!

— Меня интересует только моя сестра. Эта карта — ее жизнь.

— Нет, нет. Ее жизнь — это то, что поможет найти эта карта. Если мы найдем этот «Эль-Корозон» тогда вы сможете с ними разговаривать!

Выпитый ликер и дурманящие пары марихуаны давали о себе знать. Голова кружилась, слова выговаривались не совсем твердо, но Джоан вдруг почувствовала такой прилив храбрости, какого не ощущала никогда.

— Я так и знала! — сказала она назидательно.

— Что вы знали?

— Что вы думаете только о своей персоне! Я поняла это в первый же момент, как только вас увидела.

— Это когда я вашу жизнь спасал, да? — насмешливо спросил он, вспомнив, как из-за этой чертовой куклы ему чуть не продырявили башку.

— Ну вот видите, опять. В вас нет стиля.., изящества... — сейчас в Джоан заговорила писательница, и она тщательно подбирала слова, чтобы поставить его на место. — Настоящий мужчина не будет хвастаться собственными подвигами. А вы.., вы просто далеко не романтический человек.

— Я далеко не что?

— Вы вообще человек, который берет деньги у заблудившихся женщин... А настоящий мужчина... Он честный.., надежный. — Джоан начинала сердиться

— этот тип смотрел мимо нее, как будто слушал лепет ребенка! — Вы, пожалуйста, смотрите на меня, когда я с вами разговариваю!

Он мельком взглянул на нее и снова отвел глаза. — Вот именно это я и имею в виду. Вы и тот мерзавец, который...

Джоан не закончила своей мысли, Очевидно, сравнение с мерзавцем пришлось этому чудовищу не по вкусу. Он выхватил мачете и.., смерть дохнула ей в лицо.

— Ааа! — Нож блеснул перед глазами и опустился рядом.

Огромная лесная гадюка вползла в дверной проем и замерла за спиной девушки. Как замороженный, Джек не мог оторвать глаз от извивавшейся чудовищной ленты. Черные бусинки глаз сверкали красными отблесками огня. В приоткрытой пасти белели длинные

изогнутые зубы, готовые в любую секунду коснуться нежной шеи. Закричать он не мог. Стоит Джоан дернуться, и исход ясен. А уж насколько быстро бросается эта тварь, Джеку было известно.

К счастью, девица ничего не замечала — она что-то лепетала о настоящих мужчинах. Тварь приподнялась над балкой, готовясь нанести мгновенный удар, и он с силой опустил мачете, разрубив желтоватое тело гадины чуть ниже плоской головы.

Мой спутник ухватился за что-то, и я ощутила дурноту — огромный удав фут за футом тащился мимо моего скорчившегося тела.

— Черт, лесная гадюка, — небрежно бросил он, оскалив зубы в улыбке.

— Ядовитая? — тихо спросила я, как будто мертвая змея все еще могла ужалить.

— Да. Но очень вкусная.

— Б-б. — вырвалось из глубины живота — я вдруг увидела его, рвущего зубами мертвое тело гадюки, и кислый густой комок подкатил к горлу.

Казармы встретили подъехавшие машины, как встречали форты нападающих. Три джипа, заполненные вооруженными головорезами, были готовы в любую минуту сорваться по приказу начальства и мчаться хоть к черту на рога.

Молодцеватый офицер щелкнул каблуками и протянул вышедшему из машины Золо военный костюм, висящий на вешалке под полиэтиленовой пленкой.

— Ваша форма.

Золо не ответил. Он молча протянул руку и улыбнулся, хотя в его душе бушевал гнев. Гоняться, как козлу по скалам за этой девкой!

Ему не повезло в Нью-Йорке, где пришлось прикончить соседа, так и не захватив карты. Казалось удача улыбнулась в Картахене — когда дуреха уселась не в тот автобус. Но нелепый случай помешал завладеть заветным листком — все испортил идиот-охотник, Он возник неизвестно откуда в тот самый момент, когда романистке ничего не оставалось, как вывернуть бы свою сумочку.

Промокший до костей, уставший до одурения, он поклялся себе скормить этих тварей койотам, как только они попадут в его руки. А в том, что так и будет, Золо не сомневался — за его спиной стояла вооруженная до зубов банда, именующая себя военной полицией.

В рюкзаке у летчика отыскался старый журнал, и Джек с удовольствием перелистывал «новости» — уже года полтора он не прикасался ни к какому чтиву. Кроме того, это давало ему возможность вести неторопливую беседу, как в приличном доме за чашечкой кофе.

— Ну вот, я и подумал. Эти попугайчики — родственники какаду. За них дают по восемьсот долларов. И колумбийские краснхвостики по две тысячи за штуку. Черт, я потерял примерно пятнадцать тысяч долларов! — воспоминание о потерянном состоянии снова больно хлестнуло

его.

— Надо же, — равнодушно поддакнула Джоан. Ее нисколько не интересовали его денежные расчеты. Нов этом парне чувствовалась какая-то сила, привлекавшая гораздо больше, чем ей бы хотелось. Крупные руки, широкие плечи., и удивительные голубые глаза. Они могли сверкать от бешенства и светиться мягким сочувствием, выражать презрение и поразительную нежность. Такие глаза были у Джесси. — Хотите, я вам кое-что скажу?

— Что?

— Я даже не знаю, как вас зовут! — Джоан тихонько рассмеялась.

— А вы ни разу не спросили меня об этом, — спокойно констатировал он, нисколько не обижаясь на ее равнодушие.

— Прошу извинить меня.

— Коултон. Джек Т. Коултон, — он листал и листал проклятый журнал.

— А что такое «Т»?

— О, дьявол! Группа Буби распалась! — Джек уходил от ответа, — Ну надо же, а? Как это произошло? — и он уткнулся в очередную страницу, чтобы не смотреть на девушку, которая сидела совсем-совсем близко, — А вы давно здесь? — она сделала глоток, и пол слегка качнулся, а лицо Джека вдруг расплылось и подернулось дымкой. Это было необычное состояние, и Джоан не могла бы назвать его неприятным.

— Я? всю жизнь.

— И всегда занимались птицами?

— Нет. Нет, я... Нет... — ему трудно было говорить с этой, по сути совсем незнакомой, девушкой, Да и отвык он общаться с женщинами за время, что таскался по джунглям и саванне в поисках заработка. — Как вам это объяснить? Понимаете, я всегда искал более легкий., нет, точнее, более короткий путь. И решил, что кратчайший из всех — это торговля птицами. И намного безопасней, чем иметь дело с этим, — он подцепил пакет марихуаны и застыл, глядя прямо перед собой.

И «этим» он тоже пробовал заниматься. Но после того, как пару раз его чуть не сцапала полиция, оставил контрабанду. Деньги, конечно, большие, но и риск неменьше, Тем более, что со всеми накоплениями пришлось расстаться при последней беседе с копами.

— А что вам нужно в этой жизни? — вопрос Джоан прозвучал очень серьезно, как ни пыталась она придать легкость словам.

— Ну... Подброшу еще одну пачку в костер. Он снова ушел от ответа, — Нет, у меня голова уже кружится, — остановила его порыв девушка. Она старалась разобраться, чем наполнена душа этого непонятного человека. — Что вам нужно в жизни? Серьезно. Я, правда, хочу знать.

Джек повернул голову. Откуда, леди, такой интерес к моей ничтожной персоне? Завтра мы прибудем в Картахену, и гуд бай. Но заглянув в ее глаза, понял, что это не простое любопытство. Джоан было необходимо узнать о нем как можно больше. И с трудом подбирая слова, забыв о том, что может показаться смешным, Джек Т. Коултон открыл ей то, чего не

слышал раньше никто и никогда.

— Я приехал сюда полтора года назад... На корабле... Вначале таскал мешки с кофе. Господи, что это была за работа! Мы начинали на рассвете и заканчивали с заходом солнца. Но я никак не мог скопить деньги вот на это! — он протянул ей фотографию.

Белая яхта летела над спокойным лазуритом волн. Паруса раздуты попутным ветром и белая пена широкой каймой обнимает светлый борт.

— Я люблю океан, — продолжил Джек. — Я не могу его забыть и не смогу никогда. Мне нужно выплыть на середину и остаться с ним один на один. Солнце, волны, яхта и я. И ни-ко-го, Это здорово. Этого я и хочу! Сэкономить деньги, купить себе яхту и плыть, плыть по всему миру.

В его голосе Джоан почувствовала такое непреодолимое желание, что тут же поверила — этот парень именно так и сделает! Вот сейчас он был таким, как ее любимый, необыкновенный, мужественный Джесси. И девушке захотелось «прильнуть к нему устами», как это сделала бы Анжелина. Она придвинулась совсем близко и, глядя прямо в глаза, тихо спросила:

— Вы так и уплывете? Один?

— Да, — так же тихо ответил Джек.

— Боюсь, вам будет очень одиноко, Джек Т. Коултон, — рот ее был полуоткрыт — она ловила его дыхание.

Ну, что же ты? Неужели не чувствуешь, как мне нужно, чтобы ты прикоснулся ко мне губами? Пожалуйста...

Он сидел, боясь пошевелиться, нарушить очарование близости каким-нибудь неловким движением... Его глаза утонули в бездонных озерах ее глаз... Еще мгновение...

Джоан вздохнула и, с сожалением посмотрев на мужчину (нет, ты не Джесси!), отодвинулась.

— Ну, так что значит эта буква «Т»? Ее вопрос привел Джека в чувство.

— Твердая рука! — серьезно ответил он, отвернулся и, не выдержав, взорвался, проклиная свою нерешительность. — Ну, знаете, черт возьми! Ну и денек сегодня! Если бы я думал, что...

Как только прозвучали его первые слова, Джоан покачнулась, пещера, самолет, или бог знает что, где они сейчас находились, закружилось, завертелось..., стены, «твердая рука»..., пол..., она повалилась лицом прямо в вещмешок и тут же уснула.

Чтобы скрыть охватившее его волнение, Джек терзал какие-то тряпки, валявшиеся в стороне, как будто ничего более важного в жизни мужчины нет и быть не может.

Когда, наконец, он решился повернуться к девушке, она мирно посапывала, уткнувшись головой в рюкзак.

Мужчина бережно накрыл беззащитное тело и, потянувшись, взял листок, торчавший из открытой сумки.

В центре карты красовался черт, держащий трезубец, под которым стояла надпись:

«Тенадо-дель-Дьябло»

— «Вилы дьявола», — перевел он с испанского и, прищурившись, посмотрел на костер.

— Где тебя искать, «Эль-Корозон?» У какого дьявола и на каких вилах?

Приткнувшись у обочины чего-то, смутно напоминающего дорогу, дремал «Фольксваген», надежно укрыв в своей утробе хозяина.

Ральф, повязав черной косынкой глаза, лежал на заднем сиденье, вздрагивая во сне и периодически вскрикивая. Коротенькие ножки ткнулись в дверцу. Сардельки-пальцы скрещены на груди.

Ночь настигла его именно здесь, когда он, получив от Золо назад свою машину, бросился по дороге, разыскивая Джоан.

Толстяк плохо соображал, где находится. Его одинаково пугали и укутанные темнотой джунгли, и перспектива заехать в какую-нибудь деревню на ночевку. Он прекрасно понимал, как относится к чужакам, а тем более к американцам, местное население. Они же здесь все ненормальные! Того и гляди пришьют ни за что, ни про что, а потом можете писать жалобы в небесную канцелярию!

Этот засранец Айро спокойно спит себе в теплой постели, а здесь гоняйся за «сестричкой», и еще неизвестно, чем закончится замечательная ночевка в машине под открытым небом!

Всю ночь его душили кошмары.

Он карабкался по скалам, сбивая пальцы и расшибая колени, а за ним, почти хватая за ноги, отвратительно клацая зубами, ползли целые полчища зеленых чудищ из террариума Айро. Впереди мелькали пятки девицы. Ральф ясно видел ее хохочущее лицо, когда она поворачивалась к нему, норовя треснуть по лысине острым каблуком итальянских туфель. Это было ужасно. Стерва вонзала шпильку в голову, а он не мог даже защититься — руки цепко хватались за камни. Иногда он отмахивался одной рукой и тут же получал удар с другой стороны. А зубы проклятых тварей щелкали все ближе.

Над головой висело огромное багровое сердце, из которого сочилась кровь. Бац! И густая капля, шлепнувшись о лоб, поползла по носу.

Вдруг девица обернулась, отвратительно захохотала и.., усы ее заплясали в диком танце. Она сверкнула черными глазками из-под нависших густых бровей и прошипела: «Американос!»

— Золо! — ужас сжал горло когтистой лапой и разомкнул пальцы.

Оооооооо, твою мать.., он рухнул прямо в пасть крокодилу и...

Оглушительный рев прекратил этот кошмар. Ральф вскочил, ничего не понимая, в полной темноте, не в силах стряхнуть остатки сна. Наконец, сообразив, что с ним, он сорвал повязку и увидел...

По дороге неслись три «джипа», набитые вооруженными солдатами! На переднем сиденье головной машины в форме полковника военной полиции, с вытянутой вперед рукой в черной перчатке, стоял...

— Золо! — прошептал толстяк и смахнул черной повязкой капли мгновенно покрывшего лоб пота.

Нужно уносить ноги, пока не поздно! Будь проклят этот убийца, в задницу придурка Айро, в задницу «Эль-Корозон»! Подальше... Подальше...

«Джипы» остановились на пригорке, и солдат направил бинокль на деревню.

— Кажется, они! Эти двое идут по улице!

— За ними! — рявкнул Золо, махнув рукой, и машины рванули с места.

Они вошли в деревню, которая показалась им довольно чистенькой и уютной. Где-то прокричал петух, блеяли овцы, раздавалось хрюханье.

«Совсем, как в Штатах, надо же!» — подумала Джоан и немного расслабилась.

Отовсюду за ними наблюдали настороженные глаза.

Эта парочка вызывала массу вопросов. Почему у женщины распорото платье до самого пояса? Почему мужчина держит в руке «винчестер», положив палец на курок? Что он тащит за спиной в рюкзаке! А главное, какого черта нужно здесь этим проклятым грингос?

Джек шел по улице и раскланивался со всеми, кто попадался навстречу.

— Буэнос диас! Буэнос диас note 9!

Ни одного приветствия в ответ. Только хмурые настороженные лица.

— Буэнос диас!

Огромный толстяк молча вышел из проема двери и двинулся следом. К нему пристроился еще один, за ним еще...

— Дружелюбный народ. — сказала Джоан, не повернув головы.

— Не оборачивайтесь! Смотрите только на меня, — тихо предупредил Джек и улыбнулся встречным мужчинам. — Буэнос диас!

Сильный толчок плечом чуть не швырнул его на девушку. Не разжимая рта, двое проследовали мимо. Джек оглянулся. Они тоже присоединились к идущим сзади аборигенам, сдвинув шляпы почти на глаза и едва не наступая Джеку на пятки.

— О, черт! — Выругался он, так как не смог употребить более сильные выражения при Джоан.

— В чем дело?

— Ни в чем, ни в чем, Все нормально... На пороге дома сидел метис и острым кривым садовым ножом строгал топорище. Увидев идущих, он встал и, не выпуская ножа, шагнул за ними.

— Йомбре! — приказал он.

Они не поняли, но на всякий случай остановились.

Он склонил голову и зло повторил.

— Йомбре? Йомбре!

Господи, что он хочет сказать? Нужно было выучить испанский, прежде чем лететь в Колумбию!

— Ну началось! — Джек почувствовал, что драки не миновать.

— Что! — дрогнувшим голосом спросила Джоан, сжимая в руках ремешок сумки, которая болталась на плече.

— Я ведь знал, что мне нужно слушаться маму.

Они все еще стояли спиной к преследователям, боясь пошевелиться, и Джоан вдруг услышала сухой щелчок. Она скосила глаза и... Палец Джека взвел курок.

— Готовы? — спросил он.

О, это было великолепно! Пока они готовились к пальбе (а на что еще способны мужчины!), я перетряхнула память, как старый бабушкин сундук, и извлекла оттуда самую очаровательную улыбку Анжелины. Мгновенно приклеив ее к непослушным губам, заставив работать ямочки на щеках (о том, что они имеются, мне не раз говорили Глория и Элейн), и повернулась лицом к опасности.

Мои противники были повержены мгновенно. Они стояли, разинув рты, не в силах произнести ни слова.

— Простите, господа, — я старалась, чтобы мой низкий голос звучал как можно мелодичнее, — нам нужна машина. Никто из вас не может помочь нам, господа! — и снова лучезарно улыбнулась.

«Господа» застыли, позабыв захлопнуть челюсти. Из всего сказанного они уловили лишь одно слово «машина». И лишь метис (очевидно, единственный, кто чуть-чуть соображал в английском), все еще продолжая подозрительно щуриться, ответил:

— Только у одного в деревне: Хуан-звонарь, — он говорил грубо, но все же чуть-чуть помягче.

— Звонарь! — брови мои взлетели, и я снова благодарно улыбнулась. — Спасибо, господа, спасибо.

Мы раскланялись, как китайские болванчики, и бросились вверх по дороге, куда указал нам метис.

Я думала, что умру. Сердце мое так и норовило выскочить из груди.

Конечно, Джек был сильнее, поэтому, отулыбавшись и откланявшись, он спокойно шагал, размахивая руками.

— Звонарь!.., в задницу... Небось, местный мафиози... — на ходу бросил он.

Вот этого нам только и не хватало. Мои ноги вросли в землю.

— Так он что...

— Тише, тише. Громко ничего не говорить. Пойдемте. Быстрее.

Джек схватил меня за руку и потащил дальше. Вверх по ступенькам... Еще по дорожке, которая вела к длинному одноэтажному белому строению, с крышей из красной черепицы. Было ясно, что дом принадлежал человеку не бедному.

У крыльца висел колокольчик величиной с детскую голову. Примерно такие бывают на кораблях. В них колотят, сзывая команду на аврал.

вернуться

Note9

Буэнос диас! (исп.) — Добрый день!

Джек дернул за веревку, привязанную к языку колокола, и тот глухо загудел.

— Стойте здесь. Говорить буду я, — он подошел к воротам и стукнул пару раз кулаком.

Смотровая дверца распахнулась, и небритая физиономия, сверкая глазами, заполнила все отверстие. На кудрявых волосах красовалась шляпа.

— О, сеньор, буэнос диас...

— Что тебе нужно, американец? — грубо оборвал Джека хозяин дома на чистейшем английском языке.

— О, вы говорите по-английски! Прекрасно! — Джек широко улыбнулся, как будто ему вручили почетную медаль Конгресса. — Нам сказали, что у вас есть машина... Мы бы хотели ее одолжить или купить... Нам нужно поехать в город.

— А это что такое по-вашему! — рявкнул Хуан-звонарь и кивнул головой в сторону деревни. — Свинарник здесь, да?

Мне показалось, что он оскорбился за свою любимую Родину.

— Нет, нет. — успокаивающе поднял руку Джек. — Здесь очень красиво... Но...

— Иди отсюда, — оборвал его хозяин.

— Но, амиго note 10, ты не понимаешь... Голова на секунду скрылась и в окошечке появилась рука, сжимавшая «кольт».

— Иди отсюда, — еще раз повторил Хуан и взвел курок.

— Сеньор, я... — Джек вскинул руки к плечам, повернув их открытыми ладонями к окошку — смотри, у меня нет дурных намерений.

Но это не произвело на звонаря ровно никакого впечатления. Плевать он хотел на эту парочку.

Чем раньше они уберутся отсюда, тем лучше для них.

— Иди с богом, американец, — в словах звучала ненависть. «Кольт» уставился прямо в голову Джека.

— Тише, тише... Все спокойно... — мы отступали, боясь повернуться к нему спиной, не отводя глаз от черного отверстия и пытаясь всем своим видом выразить огромное дружелюбие, если не горячую любовь к хозяину дома.

Наши шаги были абсолютно синхронны. Щеки онемели от улыбок, скорее похожих на оскал.

Отступив футов на десять, мы поняли, что пора бы уже уходить нормально, так как движение спиной не давало возможности развить скорость, с которой нам хотелось исчезнуть из этой деревни навсегда.

Раз. Мы повернулись... Шесть стволов, направленных нам в грудь, были достаточным аргументом для того, чтобы замереть на месте. Метис сжимал в левой руке еще и нож.

Мое очарование было слишком велико, и они не могли оставить нас в покое.

Джек смотрел на «пушки» и лихорадочно искал выход. Ну хорошо. Пару выстрелов он еще успеет сделать. Может быть. Но не бо-ле-е. А дальше! На них уставились шесть пар беспощадных глаз и еще два глядели в затылок.

— Ну, Джоан Уайлдер, что теперь будем делать? — тихо спросил мужчина и почувствовал, как ненависть к этим обезьянам свела ему скулы.

Я знала, что делать. Молиться!

Прощай, Элейн. Прости, что не сумела тебе помочь, Прощай, мой дорогой Ромэо... Прости за то, что оставила тебя. Но Глория хороший человек... Только так любить Ромэо она не сможет... Прости, Глория, что навязала...

— Джоан Уайлдер? — Вдруг раздалось за спиной громкое восклицание. — Джоан Уайлдер? — «Звонарь» повторил вопрос.

Окошечко захлопнулось. Через мгновение широко распахнулась калитка, и оттуда вылетел совершенно обалдевший Хуан. Он подбежал к Джоан и схватил ее за руку.

— Ты Джоан Уайлдер! — задыхаясь от восторга, орал он, и это звучало, как: «Ты Господь Бог!»
— Писательница!

— Да, — девушка облегченно улыбнулась. Она поняла только одно — сейчас их убивать не будут.

Этот невысокий человек, одетый в пеструю рубаху и шорты, смотрел на Джоан влюбленными глазами и, захлебываясь, продолжал:

— Я читаю твои книги, Я все твои книжки прочитал! Заходи, — и повернувшись к изумленным односельчанам, прокричал. — Это — Хуанита Уайлдер. Которая пишет романы!

— Хуанита! Хуанита! — враждебность на лицах исчезла, как будто по ним прошлись влажной губкой.

Они тут же убрали «кольты» за пояса, нож последовал туда же. Широко улыбаясь, недавние преследователи поднимали вверх сомкнутые в приветствии руки и кланялись, кланялись.

Эти люди никогда и ничего не читали, но «Хуанита» была в селении легендой. Абсолютно все, от мала до велика, знали, что главный человек деревни — Хуан-звонарь — обожал романы этой великой писательницы, как он называл ее. Хуан мог часами взахлеб рассказывать о невероятной Анжелине, удивительной девушке, с такой богатой на приключения жизнью. Это было, пожалуй, его самое страстное увлечение. В деревне, где отсутствовали какие-либо развлечения, кроме перестрелок, имя Хуаниты было почитаемо и любимо, как имя очень близкого человека. И вот она оказалась здесь, среди них. Такая красивая, улыбающаяся, простая. Почти такая же, как и они.

С этим беловолосым гринго они бы поговорили иначе. При других обстоятельствах. Но сейчас он был с ней.

Джек ничего не мог понять. Такая перемена! Она, конечно, его устраивала — это гораздо лучше, чем валяться с простреленной головой, а именно такой исход и казался наиболее вероятным секунду назад.

— Это же Хуанита! — поделился с ним радостным известием звонарь, забыв, видимо, что они пришли сюда вместе. — Заходите, — вновь пригласил он и, схватив Джоан за руку, втолкнул девушку в калитку, от радости позабыв спрятать «кольт».

Джек молча пошел следом.

«А он ничего устроился, этот мафиози», — Джек окинул взглядом тамбур, в который они вошли через калитку, футах в двадцати вход во двор охраняли вторые ворота. Звонарь, продолжая болтать, запер вход на щеколду, при этом тыча «кольтом» чуть ли не в лицо гостям. Блаженная улыбка уже не оставляла его физиономию до конца их встречи.

— Я не могу поверить! Ты здесь, Джоан Уайлдер! Я третий год читаю только твои книги. Перечитываю по несколько раз! Как хорошо, что ты пришла ко мне, — он широко распахнул створку внутренних ворот и, обхватив девушку за плечи, широким жестом револьвера пригласил:

— Добро пожаловать в мое скромное бунгало!

Огромный внутренний двор был вымощен брусчаткой. Он тянулся метров на пятьдесят. Колонны из розового камня подпирали красную крышу веранды с одной стороны, с другой, через такие же розовые арки, открывался прекрасный вид на холмы, заросшие пышной зеленью. Дальше синела река. Стены метровой толщины надежно защищали дом (скорее напоминающий крепость) от всяких неожиданностей.

«Нет, он точно мафиози! — снова подумал Джек, пройдя во двор. — Кто еще смог бы выстроить себе такой дворец!»

— Джоан Уайлдер! Надо же, — «звонарь» никак не мог успокоиться. От восторга он шлепнул своего кумира чуть пониже поясницы. — Прошу прощения, — рука дернулась — хозяин вспомнил, КТО перед ним.

Мать твою! Джек возмущенно посмотрел на девицу, которая никак не отреагировала на этот шлепок. Вообще-то, она все правильно сделала, но все же...

Он шел за ними почти вплотную, готовый в любую минуту броситься на помощь.

Наконец, они вошли в дом.

— Прощу прощения! — еще раз прокричал хозяин. — Я не представился. Я Хуан, — и, впервые обратив внимание на гринго, сказал:

— Величайшая писательница. Все читал. Дверь закрой, — он взмахнул «кольтом» перед носом Джека и указал на дверь.

«Нет, это же надо! Он разговаривает со мной так, будто я служу у него!» — вздрогнул Джек, но тут же отправился выполнять «просьбу».

В мирные голоса деревни ворвался рев трех «джипов». Они пронеслись по дороге и замерли у первого дома пустынной улицы.

С переднего тяжело спустился Золо и остановился, окинув взглядом селение, как полководец осматривает будущее поле сражения.

Никого. Только одинокая старуха пристроилась у стены, люца кукурузу для будущей мамалыги.

Чк!.., из черной руки, как страшный коготь зверя, вылетел острый штык стилета.

О, мама миа! Как он ненавидел сейчас всех! И эту деревню, где укрылась девка с картой, и того гринго, который помог ей, и этих придурков, так и не взявших их еще вечером, и эту старуху, которая застыла, как изваяние, равнодушно уставившись в одну точку.

Золо подошел к «старой кочерыжке» и очень любезно поздоровался:

вернуться

Note10

Амиго (исп.) — друг.

— Буэнос диас.

Она не ответила и не шелохнулась. Только руки продолжали двигаться. Может не понимает?

— Американос? — злобно спросил полковник. И, снова молчание, как будто он, Золо, был пустым местом! Она все так же смотрела куда-то вдаль, словно видела что-то свое, понятное только ей.

— Индианос! Американос? — он схватил ее за кофту, у самого горла и с силой швырнул на землю. Мальчишка лет десяти стоял, вжавшись в забор, глубоко втянув голову в плечи. Ему казалось, что так он меньше заметен. Как только офицер куда-то потащил бабушку, он, набросив на голову пончо, на цыпочках двинулся вдоль забора, все еще прижимаясь к нему спиной. Свернув за угол, мальчик бросился со всех ног с важным сообщением — в деревню ворвались военные копы.

Это была библиотека — его гордость. Вдоль стены стояли столы с несметным количеством светильников. Книги лежали всюду. В центре зала царило кресло, в котором Хуан, в свободную от дел мафии минуту, встречался с Анжелиной. Тут же, под рукой, бар с прекрасными напитками, холодильник, столик с сигарами. В общем, все для счастья!

— Заходите, будьте как дома! — «звонарь» с гордостью обвел глазами свои сокровища. — Ты читал «Возвращение Анжелины»?

— Нет, — ответил Джек.

— Такая женщина — слюни текут. А это! — Хуан взял со стола книгу и нежно погладил глянцевого корешок.

— Нет.

— Это последний роман. Возьми. У меня здесь много экземпляров, — он сунул книгу в руки Джеку и, обнимая за плечи «великую писательницу», потащил ее к креслу. Парень перестал для него существовать. О чем можно говорить с человеком, который не знает Анжелину! — Я жду продолжения. «Дикий секрет Анжелины», — мечтательно произнес он и усадил Джоан в любимое кресло, как на трон.

Джек посмотрел на мужика, который красовался на обложке, обнимая полуголую девицу, и усмехнулся. Надо же! Наверное, какая-нибудь галиматья! Он повертел книгу в руках, думая, куда бы ее засунуть, и вдруг...

С другой стороны.., мать его.., на него смотрела...

Нет, не может быть! Джоан Уайлдер. Автор лучшего романа года.., прочитал он и тряхнул головой. Значит, она действительно писательница! Господи... Он еще раз взглянул на портрет, потом на девушку, которая сидела в кресле перед этим петухом... Она! Никакого сомнения! Она... И.., раскрыл книгу...

Нет. Он, конечно, сумасшедший. Но очень смешной. И трогательный. С таким обожанием на меня смотрел разве что Ромео. И плевать на то, что он мафиози. Так понимать литературу может только настоящий ценитель. А как он водрузил меня в кресло. Как королеву!

— Как я рад, что вы в Колумбии! — руки Хуана мелькали в воздухе. — Я покажу всю мою прекрасную деревню! Типичные улицы, великолепные крыши. Вид какой, Господи Боже мой!

Ого, какой стиль!

— Но я бы хотела позвонить... — я поднялась, вспомнив, зачем именно сюда прилетела.

— Нет, нет, — он снова усадил меня в кресло. — Телефона нет! Ненавижу телефоны! У меня нет телефона! — и, увидев мои несчастные глаза, быстро предложил, — хочешь выпить?

Он бросился к столу, схватил шляпу, нацепил на голову и встал в позу Джесси с обложки моего четырнадцатого романа «Глубокая пропасть».

— Вот смотри. Я могу быть героем твоей книги. Господи! Я зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться. «Анжелина прищпорила коня и помчалась к Джесси, который застыл на своем

верном скакуне на самой вершине холма, словно прекрасная, высеченная из мрамора скульптура. Солнце заливало их яркими лучами, и девушка не видела выражения лица возлюбленного. Она мечтала поскорей заглянуть в его черные глаза, прижать его всклоченную кудрявую голову к своей груди, на уровне которой она и находилась, провести ладошкой по свисающим усам и колючей бородке».

Я, кажется, что-то сморозил! Впрочем, чем я хуже этого американца, который даже не читал ее книг? О, Джоан, если бы ты знала, какое верное сердце бьется в этой груди, твои глаза смотрели бы только в мою сторону. А как бы здорово было... Хуан — Хуанита...

— О чем это я? Ах, да, выпить, — «звонарь» бросился к бару. — У меня здесь есть все — микрло, киви, деке...

— А лед есть? — спросил Джек, глядя на батарею бутылок, которая росла на столе.

— Лед есть, только холодильник сломался, — небрежно ответил хозяин, колдуя над бокалами.

— А где ближайший телефон! — Джоан снова заволновалась. Она явственно услышала голос Элейн: «Они убьют меня! Убьют!»

— Много миль до телефона, — хозяин протянул гостям бокалы, и девушка, секунду подумав, выпила, чтобы ни в коем случае его не обидеть.

— Можно доехать туда на вашей машине?

— Кто вам сказал, что у меня есть машина? — удивленно спросил Хуан.

— Люди в деревне, — ответила она и умоляюще посмотрела в черные глаза.

— Они сказали, что у меня есть машина! — брови поползли вверх, как будто кто-то сморозил чрезвычайную глупость, и «звонарь» захохотал. — Да они шуты гороховые! У меня есть мул. Маленький мул. Пе-пе.

Все подошли к окнам и на мгновение замерли.

Они расположились напротив дома. Все три «джипа». Солдаты с автоматами у бедра, крепко уперевшись ногами в землю, застыли, не сводя глаз с ворот.

Сейчас Золо был абсолютно спокоен.

Ну вот вы и попались, ублюдки. Отсюда не выветесь.

Отсюда даже мышь не сможет прошуршать незамеченной!

Золо терпеливо ждал их появления, как коршун поджидает свою жертву.

«Эль-Корозон» должен принадлежать только ему! И если придется отправить к праотцам еще хоть сто человек, он, не задумываясь, сделает это.

Тррр... Уккк... Состранным треском вылетели доски из закрытых ворот, и «джип» с тремя пассажирами, сметая и сминая все, что попадало под колеса, вылетел из дома-крепости.

Даже не посмотрев, кто там находится, автоматчики нажали на спусковые крючки.

Крах, крах, крах.., пули застучали по машине и вокруг нее, вздымая фонтанчики грязи.

«Маленький мул», не сворачивая, неся прямо на людей. Золо едва успел отскочить. Солдаты, не переставая нажимать на курки, шарахнулись к «джипам».

— Хо-хо! — прокричал «звонарь» и, не разбирая дороги, бросил свой «джип-рenegат» прямо с площадки вниз, туда, где пристроились «лендроверы» военных.

— Ааа, — Джоан открыла глаза, только когда машина, шлепнувшись на все четыре колеса, задев незадачливый передний «джип» противника, вырулила на дорогу, окатив преследователей потоками бурой жирной грязи.

— Неплохо для «маленького мула», а? — Хуан оскалил рот в улыбке и вывернул руль. — Ну вот, теперь «Пе-пе» готов отправиться в путь.

Они летели по пустынной улице, едва успевая свернуть перед какой-нибудь зазевавшейся свиньей, беспечно купавшейся в луже, или козой, размеренно жующей траву.

— Быстрее, быстрее! — кричал Золо водителю, брызгая слюной. — Они не должны уйти!

Застывшими стеклянными глазами смотрел он вперед, стараясь не упустить из виду проклятый «рenegат», Может быть для пешеходов эта дорога была и удобна, — хотя вряд ли, — но для машин!... Сплошные ухабы!

Шлеп, шлеп, шлеп... «Пе-пе» то и дело подбрасывало в воздух, и, пролетев несколько футов, он снова опускался на дорогу.

Джоан оглохла от выстрелов. Она сидела рядом с Джеком на заднем сиденье, за спиной «звонаря», крепко сжимая в руках заветную сумку.

Машина вдруг резко затормозила, и ее развернуло на сто восемьдесят градусов. Девушка едва удержалась, чтобы не врезаться в переднее сиденье.

— В чем дело? Почему мы остановились? — спросила она напряженно. Плотоядный шум «лендроверов» и автоматная пальба слышались совсем рядом.

— Я вам хочу показать мое любимое дерево! — ответил Хуан тоном экскурсовода и развернул «рenegат».

«Нет, он точно ненормальный!» — подумала Джоан, но возражать не посмела. Да это было и бессмысленно.

Хуан не был «ненормальным». Просто он очень, до боли, любил свою маленькую Родину. Ему казалось, что ничего нет прекрасней его деревни. Ее садов, деревьев, полей, домов, людей.

И «звонарь» должен был поделиться всем этим с той, которую боготворил. Ему казалось необходимым, чтобы она увидела эту красоту и восхитилась ею.

Хрх.., мотор взревел, и машина рванула, обрызгав грязью зазевавшегося борова.

Вылетевшие навстречу «лендроверы» окатили их потоками огня из автоматов и ручных пулеметов, но Хуан, казалось, не обратил на них никакого внимания, если не считать, что он

резко толкнул одну из машин.

— Осторожней! — предупредил он спутников, которые повалились от этого толчка.

Из-под «Пе-пе» вылетела перепуганная квохчущая курица. Она умудрилась проскочить между колесами и выбраться живой из этой мясорубки. Ничего не понимающий теленок испуганно жался к забору.

— Видите вон тот дом! Там родилась моя мама! — кричал Хуан на ходу. — А это дерево видите? Третье слева. Это мой брат посадил! — в голосе его чувствовалась гордость.

Какое дерево! Какой дом! Джоан не видела ничего, кроме джипов, забитых военными, которые не переставали стрелять. «Лендроверы» висели буквально у них на колесах... По крайней мере так казалось ей. Хуан же был совсем другого мнения. Разве могли его волновать мелочи, вроде тех дерьмовеньких «джипов», набитых полицейскими. Ха!

Он оглянулся и заметил, что «богиня» нервничает.

— Ладно, «Пе-пе», давай оторвемся от них, — Хуану было плевать на военных, но треск пулеметов, похоже, досаждал Хуаните, а это другое дело. «Маленький мул» рванулся, оставив преследователей далеко позади.

«Джип» свернул и помчался через густые заросли. Зеленая стена закрыла их стеблями, и о продвижении «Пе-пе» можно было догадаться лишь по колышавшемуся морю кукурузных метелок.

Вжжжжж, — свистели пули, и зеленый дождь срезанных острых верхушек сыпался на капот и крышу, накрывая «рenegат» светло-салатовым ковром.

— Он еще больше сумасшедший, чем я! — крикнул Джек девушке. Ему, конечно, хотелось бы сказать это потише, но приходилось именно кричать, чтобы быть услышанным — вокруг стоял невообразимый грохот.

— Это точно, — расхохотался «звонарь» и поддал газу.

«Джип» пробирался все дальше, и вдруг, подмяв последние стебли, выскочил из зарослей почти перед носом «лендроверов». Они уже было потеряли след «Пе-пе», но, как только увидели машину, на беглецов снова обрушился град пуль.

— Зачем мы выехали на дорогу! — Джек увидел безумные глаза Золо. — Там нас не было видно!

— Я хочу вам показать другое поле... — улыбаясь, ответил «звонарь».

Он должен отвезти Хуаниту туда! Эта идея родилась совершенно неожиданно, когда Хуан заметил тоску в ее глазах. Там, среди цветов, вдали от этих скотов, преследовавших их, она успокоится и увидит наконец настоящую Колумбию.

Золо стоял в переднем «лендровере». Его парень стрелял и стрелял из пулемета, но эта чертова машина была, очевидно, заколдована.

Ничего, сволочь, дай мне только заполучить «Эль-Корозон», а там я и с тобой разберусь. Я услышу вой, рвущийся из твоей вонючей глотки. Если бы не плечо Джека, которое она

ощущала рядом, Джоан было бы совсем плохо.

«Ох, Элейн, кажется, мне не суждено тебе помочь!»

Ничего себе. Вот это влипши! Нужно было, придурку, слушаться маму. «Сиди дома! Чем меньше ты путешествуешь, тем больше у тебя шансов умереть в своей собственной постели», — не уставала повторять она. И, кажется, была права.

И чего суетятся, кретины! Все равно «Пе-пе» вам не взять! Никогда! Шкура моего «маленького мула» не для ваших паршивых зубов. И девчонку ты, дерьмо, никогда не достанешь, пока я рядом. Если будет нужно, Хуан перегрызет твою поганую глотку своими зубами.

Брамбрамбрамбрам, — стучали пули по крыше, стеклу, пытаясь добраться до людей, притаившихся в машине.

— Этот парень, который стреляет, очень упрямый! — оскалился «звонарь», покачав головой.

Джоан оглянулась. Золо, зажав «кольт» в двух руках, целился прямо ей в лоб.

— А-а-а-ааа, — она упала на колени Джека и зажмурилась. В этот момент грохнул взрыв, и пламя заплясало по заднему бамперу «рenegата».

— Не бойтесь. Мой «маленький мул» огнеупорный, — успокоил их «звонарь».

Они летели с горы, подпрыгивая на ухабах. Джоан зажала рот, кусая пальцы, боясь закричать.

— Видите вон ту реку? — Хуан кивнул головой.

— Какую? Без моста? — спросил Джек.

— Да. Это главная река здесь.

— Что значит без моста? — заволновалась девушка.

— Река без моста, — объяснил Джек и повернулся к водителю. — Куда ты едешь!

Хуан правил прямо к голубой ленте, которая извивалась футах в трехстах впереди.

Не хватало еще ухнуть в воду! Если те ублюдки не пристрелят, так этот ненормальный утопит. Веселенькая перспективка!

— Мост Лупе, — прокричал «звонарь» и вытащил плоскую коробочку. — Смотрите, — он нажал на кнопку дистанционного управления.

Стальной трамплин медленно выполз из воды и навис над рекой.

— А-а-ааааааа!!! — взревели две глотки на заднем сиденье, и «маленький мул» взвился над рекой. Пролетев футов сорок, он приземлился на другом берегу на два передних колеса, почти ткнувшись носом в траву. Потом шлепнулся на задние колеса и выскочил на пригорок.

— Охо!!! — победным кличем взорвался «Пе-пе». Хуан нажал на другую кнопку, и толстый щит вырос, перекрыв дорогу в тот момент, когда преследователям тормозить было уже поздно.

На полном ходу «лендровер» врезался в стальной заслон и, перевернувшись в воздухе,

свалился в реку вверх колесами. Вода закружилась вокруг добычи. Ничто, кроме одной солдатской фуражки не вырвалось из ее объятий.

— Ха! — крик торжества, как клич древних индейцев, вылетел из «маленького мула» и достиг ушей Золо, машина которого остановилась у кромки воды.

Он соскочил на землю, и даже не взглянув на жертвы погони, посмотрел побелевшими от бешенства глазами на плюнувший в его сторону выхлопом «джип», уже взбирающийся на холм. Как лев, готовый вцепиться в икры убегающего человека и вдруг осознавший, что добыча ушла, он ощерился и загнал в глотку бессмысленный лай, до хруста сжимая в кулаки руки.

Солдат посылал из пулемета очередь за очередью, уже не надеясь достать беглецов, а просто так, для проформы.

— Перестань стрелять, идиот! — заорал Золо и, сорвав злость, успокоился.

Ничего, ублюдки. Вам все равно не уйти! И, КЛЯНУСЬ ДЬЯВОЛОМ, Я БЫ НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ НА ВАШЕМ МЕСТЕ.

Джек отдыхал на траве, положив голову на рюкзак, и читал роман, который ему подарил этот странный человек, так неожиданно спасший их. Его поражали не приключения «потрясающей Анжелины», а то, что у этой достаточно невзрачной девицы такая богатая фантазия.

Это же надо! Необыкновенная возвышенная любовь в наше-то время! И как, сидя в своей квартире в Нью-Йорке, из которой, по ее словам, она ни разу не выбиралась, Джоан могла так точно увидеть прерии, водопады, джунгли? Это какое-то наваждение...

— Все в порядке, — успокаивал Хуан непонятно кого, так как Джоан была на удивление спокойна. Он стоял, облокотившись на крыло машины, и любовался девушкой, собиравшей цветы.

— Нужен «маленький мул», для того чтобы переехать «мост Лупе»... А больше эту реку нигде нельзя пересечь. На двести миль в ту и другую сторону нет ни одного переезда. В горах она — настоящая дикая река. Водопады, пороги. Страна Анжелины. Да, Джоан!

Джек краем уха слышал их разговор. Каким медовым голосом обволакивает наш амиго девицу!

Он оторвал глаза от книги и, посмеиваясь, перевел взгляд в направлении...

О, Господи! Джек медленно приподнялся, а потом и вовсе встал, не смея сидеть перед чудесным видением.

Узкими босыми ступнями шла она по изумрудному мягкому ковру густой ровной травы, и, казалось, под ногами ее распускались цветы. Белые маргаритки и лиловые фиалки, рубиново-красные асфодели окружали ее, и она была, как фея, вернувшаяся в свои владения. Прозрачный воздух пронизывали лучи солнца, образовав ореол вокруг головки с распущенными вьющимися волосами, которые тяжелыми золотыми волнами лежали на плечах и спине. Юбка распахнулась, открыв стройную длинную ногу, и Джек долго не мог отвести от нее глаз.

Как лебединые шеи, руки грациозно опускались, срывая цветы и складывая их в маленький

букет. Голубые глаза сияли. Девушка улыбалась, обнажив россыпи жемчуга, заключенного в розовые лепестки губ, так похожих на цветы, которые она сжимала в руке.

Была ли Джоан красива? Нет. Сейчас она была ПРЕКРАСНА!

Хуан ощущал себя очень счастливым человеком.

Не говоря уже о том, что они выскочили из-под носа того озверевшего мерзавца, преследовавшего его Богиню, (И какого черта он, вообще, полез в нашу деревню? Это наша земля, и никому не позволено здесь шастать. А почему бандит гнался за Хуанитой, не его дело, раз она сама не пожелала об этом рассказать. Главное, мы недосыгаемы для них!) — он привез ее на этот луг, в волшебную страну сказок, страну грез, где Хуан ощущал себя Джесси, правда, только издали любующимся Анжелиной. А то, что Джоан в романах рассказывала о своей жизни, он нисколько не сомневался. Конечно, она и есть Анжелина! Потому что, где же еще отыскать такую замечательную девушку!

И этот парень, что стоит с открытым ртом и выпученными глазами, наверное, ничего... Не могла же ТАКАЯ девушка оказаться рядом с дерьмом!

Ну что же, Хуан, благодать, видимо, не для тебя... Но, все-таки, спас то ее я, а не он!

И наверное, до самой смерти Хуан будет вспоминать и рассказывать о том счастливом дне, когда его удостоила чести своим посещением сама ХУАНИТА УАЙЛ-ДЕР — ОНА ЖЕ АНЖЕЛИНА.

— А что случилось с Лупе! — прервала Джоан размышления мужчин, продолжая собирать цветы.

— С Лупе! — переспросил Хуан, с трудом отрываясь от своих грез. — О! Ужасное разочарование для семьи. Да, — он посмотрел на своих спутников, собираясь изложить им длинную историю жизни одаренного мальчика и пытаясь оценить, как долго те смогут выдержать рассказ. — Он поступил в колледж и стал бизнесменом. А то, в конце концов, его могли повесить здесь — на Тенадо-дель-Дьябло, — и он кивнул куда-то за спину Джоан.

— Тенадо-дель-Дьябло? — вскрикнул Джек, мгновенно сбросив с себя очаровательный сон. — Тенадо-дель-Дьябло! — повторил он уже спокойней и проследил за взглядом Хуана.

Посреди холма, словно порождение причудливых снов, вздымался трезубец обгоревшего мертвого дерева. Черный ствол, разделившись на три корявые свечи, уставился в небо, словно вопрошая властелина-Солнце, за что тот опалил его своим гневом, превратив в «Вилы Дьявола»!

Точь-в-точь, как на карте!

Он быстро взглянул на Джоан. Широко открытыми глазами та уставилась на дерево с немим вопросом на губах. Только бы эта дуреха ничего не сказала! Джек мгновенно забыл о том, что две минуты назад сравнивал девушку с прекрасной феей.

— Ну ладно, нам пора, — он засуетился, схватил рюкзак в одну руку, другой вцепился в Джоан и бросился к машине.

«И чего они так заспешили! Как хорошо бы было еще немного поболтать. Ведь больше я ее никогда не увижу, — с грустью подумал Хуан, но вслух, конечно, ничего этого не произнес, —

настоящий мужчина не хнычет, а выполняет желания своей королевы».

Джек уже забросил рюкзак и нетерпеливо топтался у «джипа».

— Извините, — виновато объяснил Хуан. — Не могу вас отвезти в Картахену. Я боюсь, что там меня полиция арестует. Но утром, часов в девять, оттуда уходит автобус — он указал рукой на небольшой городок, расположившийся у подножия холма, который находился, впрочем, довольно далеко. — Но туда-то мой «Пе-пе» домчит вас по высшему классу.

Джоан благодарно улыбнулась ему. Этот маленький колумбиец сделал больше, чем все мужчины, вместе взятые. Он смотрел на нее с таким восторгом, с таким обожанием, что она почувствовала себя ПРЕКРАСНОЙ женщиной. Джоан уже знала — комплекс перед той девочкой прошел. Теперь ОНА и есть АНЖЕЛИНА. В конце концов, это ее душа жила в ней, ее боль, ее любовь. Пускай еще не встреченная, но уже зовущая, ожидающая. Нежная.

Спасибо тебе, Хуан.

И прости меня, что в мыслях насмеялась над тобой. Не такой уж ты и маленький. И ты обязательно станешь героем моего романа... Только не этого. В этом месте уже ЗАНЯТО.

Она облокотилась о руку Джека, и он бережно посадил ее в машину.

Кастильо-де-Сан-Фелипе, небольшой уютный городок с веселыми людьми, лежал в центре провинции Кордова. Пальмы отбрасывали тень, едва укрывая клочки расплавленного асфальта. Город готовился к торжеству.

Белые дома его были расцвечены флажками; висели гирлянды бумажных цветов и красочные фонарики; по улицам спешили прохожие, торопясь к вечеру сделать закупки, успеть приготовить карнавальные костюмы, чтобы слиться с нарядной толпой, отмечающей важнейший общенациональный праздник — День Независимости. В этот день Колумбия объявила себя свободной от господства Испании. Сегодня, 11 ноября, весь город вышел на улицы.

Стайка хохочущих мальчишек пробежала по площади, скользнув взглядом по толстому потному гринго, который усиленно жестикулируя, о чем-то орал в телефонную трубку.

Что все люди рождены для того, чтобы надувать друг друга, Ральф усвоил еще с младенческого возраста. Все мошенники. И в этом он не видел ничего особенного. Но одно дело, когда ты обманываешь, а другое, когда тебя. «Мы с тобой один человек, у нас одна кровь», — внушал ему Айро. И вот теперь одна половина этого человека спокойно сидит в баре, а другая

— сбила все ноги, гоняясь за девкой и убегая от убийцы Золо, который поджарит его на медленном огне, если, не дай бог, поймают. Скотина.

Еще когда сволочь Айро послал его к той проклятой краснокожей, которая сдуру за пару долларов отдала карту, оставшуюся от деда, какому-то археологу, уже тогда сердце подсказывало ему не лезть в эту говенную историю. Ну выследили они его, и что? Карта улетела в Нью-Йорк, от археолога остались рожки да ножки, а его фоторобот светится во всех участках на плакатах «Разыскивается преступник». Конечно, та старая сука все выложила людям Золо, которые шныряют по всей провинции в поисках драгоценностей. «Профессор, министр антиквариата!» — как он себя называет. Как же! Министр... Палач, садист, наркоман,

дерьмо гребаное!

И археолога разорвал на куски, и старуху пришил, и внучонка, который привел этого придурка. Кровожадная тварь!

А теперь и Ральфу не сдобровать. Это уж точно! И как он не узнал его тогда, в машине! Уже, казалось, костлявая дохнула в лицо, он еле сдержал медвежью болезнь, а то бы очень заинтересовался сеньор Золо, почему это в машине так пахнет дерьмом... Но, видно, страшно торопился за девкой, не то лежать бы ему кусочками в разных местах. Правая рука, левая рука, нога... Бррр.

А это дерьмо Айро ни хрена не понимает. Еще и орет в трубку:

— И ты можешь мне сказать только одно, Ральф — я потерял ее?

— Да, да... Я потерял ее, — с возрастающим остервенением ответил толстяк.

— Да я тебе все зубы выбью! — захлебнулся от ярости Айро, «вторая половина одного человека». — Слушай ты, тупица, — собрав все силы, чтобы не оскорбить брата, сквозь сжатые зубы проговорила «первая половина». — Что я могу сделать? У меня же машина: Понимаешь! Ма-ши-на! Я не могу по джунглям ездить!

— Правда?

— Черт возьми, кончай ты мне дерьмо на уши вешать! Я тебе не лошадь, чтобы скакать между деревьями. Если бы ты видел, какая там река! Так что, прекрати на меня орать, ублюдок!

Айро продолжал бушевать. В конце концов он договорился до того, что пожелал Ральфу побеседовать с Золо.

Толстяк чуть не задохнулся от негодования. Нет! Разве может у брата быть враг больше брата? Никогда! И такое пожелать ему.., который всю жизнь пашет на этого подонка! Но он сдержался... Почти.

— Ты был позором нашей семьи с момента своего рождения, — бросил он зло, повернулся к площади и...

Хуан высадил пассажиров, тепло попрощался с Джоан, пригласив заезжать почаще, кивнул Джеку и помчался домой — дела не ждут — ему не терпелось рассказать о своих удивительных приключениях, и о том, какая замечательная девушка сеньора Хуанита! Какая храбрая и какая красавица! И что он, Хуан, навсегда избрал ее «Дамой своего сердца», как Дон-Кихот прекрасную Дульсинею.

«Маленький мул», вильнув на прощание хвостом, скрылся за поворотом.

Он увидел девушку, которая шла прямо к нему, Ральфу, рядом с каким-то парнем, помахивая сумкой, и в ней, наверняка, лежала карта, так как ничего больше в руках у нее не было.

Ральф не поверил своим глазам.

Он столько мечтал найти Джоан Уайлдер, чтобы навсегда покончить с этим грязным делом, что сейчас, когда она появилась здесь, в этом городе, на том самом месте, где стоял он, толстяку подумалось, что он сходит с ума. Первая мысль, которая мелькнула в разгоряченной

безумным днем, идиотской ночью и, наконец, крупным разговором с братцем, голове, была — МИРАЖ.

Он несколько раз сморгнул, но девица не исчезла. Напротив, она все приближалась, и Ральф уже видел ее широкую улыбку и голубые глаза, устремленные в его сторону.

— Тебе повезло, сукин сын, понял? — тихо прошипел он в трубку, радуясь, что не швырнул ее минутой раньше. — Она здесь.

— Она здесь! — взвизгнул Айро, и Ральф представил себе выражение его лица — улыбка лошади на глупой роже.

— Да, здесь. Прямо здесь. Идет к телефону. С каким-то мужиком.

— С каким мужиком? — заволновался голос на том конце провода.

— Откуда я знаю! Ну, она любит мужчин! Как и ты! — Мстительно добавил он.

— Смотри, не потеряй ее снова, кретин! Не спускай с них глаз, — прохрипел Айро.

— Да пошел ты, умник хренов! — Ральф швырнул трубку. — Подонок, скотина, ублюдок, дерьмо, — пробормотал толстяк под нос и, сдвинув шляпу на глаза, отошел от телефона.

Хуан привез их прямо на площадь к будке, которая стояла в центре, словно приглашая прохожих — подойди, поговори со своими близкими. Ты ничей голос не хочешь услышать?

Джоан как раз очень хотела поговорить, но трубка была занята — толстый коротышка что-то кричал по телефону.

— Ну ладно, вы идите звонить, а я пока займусь гостиницей, — сказал Джек и направился к белому красивому дому, который выходил фасадом на площадь. Над аркой подъезда призывно светилась надпись «Отель „Сан-Фелипе“».

Трубка еще сохранила жар ладони толстяка. Она была слегка влажной, как будто ее держал очень нервный или слабый человек. Раньше это вызвало бы у Джоан острое чувство брезгливости, но сейчас она не обратила на это никакого внимания. Прижав трубку к уху, она достала дрожащими от волнения руками записную книжку и трясущимся пальцем, едва попадая в отверстия диска, набрала нужный номер — 6-4-58-24.

— Вас слушают, — донесся до ее сознания напряженный голос.

Джек вошел в вестибюль и направился к конторке, за которой торчал, весь в белом, высокий креол, ожидающий посетителей.

Увидев американца, он подобрался и, на всякий случай, растянул губы в дежурной улыбке, предназначенной состоятельным клиентам. Этот парень был слегка потрепан, но мало ли какие причуды бывают у миллионеров.

— Добрый день, — мужчина широко улыбнулся.

— Буэнос диас, — поздоровался администратор и тут же затараторил, предвосхищая вопрос американца, которого сразу узнал по приветствию. — У нас есть машина с ванной! — знание языков входило в его профессиональные обязанности.

Джек сдержал смешок, рвущийся наружу от этого горделивого заявления. Он представил себя за рулем «феррари», разъезжающим по городу с голой Джоан, плескающейся в ванне, громоздящейся на крыше машины. То-то была бы потеха. Но он и виду не подал, что парень перестарался в предложении услуг. Радостно улыбаясь, Джек воскликнул:

— Ох господи! Вы говорите по-английски! Да? — Администратор засиял, утвердительно кивая головой. «Теперь он у нас в кармане», — подумал Джек, и, получив ключ от номера (он надеялся, что это лучший из свободных номеров), продолжил, очень четко выговаривая слова, так как понял, что нельзя доверять «глубоким» познаниям дежурного. — А у вас случайно нет здесь ксерокса где-нибудь?

— О, есть! Есть! — кивнул дежурный, готовый согласиться с чем угодно, лишь бы угодить такому приятному господину.

— У нас большие листы влезают! — Джек схватил газету, которая спокойно лежала на конторке, и сложил ее пополам.

— Да! — радостно закивал администратор. Джек понял, что тот ничего не понимает. Словами «машина», «ванна» и «номер» его познания в английском исчерпывались. Разве что «да» и «нет», «у нас есть», дополняли богатый словарный запас.

— Ну ладно. Хорошо, — он вышел на улицу, сунув ключ в карман.

Джоан уже заканчивала беседу, когда появился Джек.

— Да, понимаю. Хорошо, — она опустила трубку на рычаг и подошла к парню, который ожидал ее в трех шагах, деликатно не приближаясь, чтобы не помешать.

— Ну, я поговорила, — она остановилась напротив, глядя ему в глаза. — Мне сказали, что с ней все в порядке, — это сообщение успокоило Джоан, и теперь можно было немного подумать о себе. Но Джек молчал. — Он говорит, чтобы я утром села на автобус.

— Ну, все прекрасно. Да?

— Да...

Господи, он сейчас повернется и уйдет, а она останется одна в этой стране. Снова одна...

— Но этот тип, — ухватилась она за спасительную мысль.

— Какой тип? — быстро спросил он.

— Этот ублюдок...

— А... Ну конечно. Но все будет в порядке... Вы отдадите ему карту...

— Да...

Они снова помолчали, боясь посмотреть друг на друга. Его мысленные способности были сейчас парализованы. Перед глазами Джека все еще витало то божественное создание, которое он видел на лугу, но как удержать ее рядом, он не знал. Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться, — с горечью подумал он. Так говаривал Отелло в спектакле, который он видел еще в детстве.

К телефону ее доставили, а больше, кажется, ничего от него и не требуется.

— Ну... Ну вот и все. — полувопросительно сказала Джоан, все еще надеясь, что он что-нибудь придумает.

— Да. Наверное, — пробормотал Джек и взглянул ей в глаза. Оттуда полыхнуло такой тоской, что он перестал дышать.

Джоан поняла, что выдала себя. Она тотчас отвела взгляд и лихорадочно полезла в сумку. Зажав деньги в ладони, девушка отчаянно сунула кулак в его руку, и, стараясь сохранить независимый вид, проговорила:

— Вот. 375 долларов. Как мы договорились...

— Совершенно верно, — он принял деньги и быстро сунул в карман! Стыд защемил сердце. — Я могу хоть угостить вас ужином?

Вот! Ну, слава Богу! Разродился!

— Я с удовольствием! — глаза из несчастных тут же превратились в две сияющие звезды, и она тихонько засмеялась.

Спасибо тебе. Я вошла уже в мир сказок, МОЙ МИР, и теперь все должно быть по-иному, по-чудесному, по-волшебному!

И началось...

— Знаете, я уже заказал вам номер в гостинице, — он протянул ей ключ, и она схватила его нисколько не грациозно, а как маленькая девочка хватает у мальчишки яркий фантик для своей коллекции. — Идите, отдохните, а я пока куплю вам новые лохмотья, — он улыбнулся, глядя в ее счастливое лицо.

— Семерка, — удивилась она, разглядев на бирке номер и отбежав на несколько шагов, оглянулась. — Это мое счастливое число! — душа ее пела, и Джоан не желала разбираться, что за мелодии звучали в ней.

— И мое тоже, — негромко произнес Джек, задумчиво глядя ей вслед.

Гостиница оказалась замечательной. Впрочем, для Джоан сейчас все казалось прекрасным. Огромная кровать сверкала белоснежным бельем. На тумбочке стояли свечи! А на полу раскинулся огромный пушистый ковер.

Первое, что она сделала, вбежав в номер, это плюхнулась на кровать и несколько раз подпрыгнула на пружинах, совершенно позабыв о своем возрасте.

Голубая ванна показалась ей бассейном, в котором можно было оставить всю грязь и пот, прилипшие к ней за эти дни. Да и не только за эти дни. Казалось, она оставляла здесь свою прежнюю шкуру, вместе с пресной жизнью.

Она плескалась в воде, ощущая себя прекрасной наядой note 11, которая забралась сюда из источника, наполнившего эту голубую чашу.

Джоан ополоснулась и, завернувшись в махровую простыню, осторожно выглянула в комнату. Пусто. На кровати, аккуратно уложенные, чтобы, не дай бог, не смялись, лежали юбка и блузон из тонкого полотна. Наряд, так подходивший для ее нынешнего состояния. В такой блузе и юбке ходила АНЖЕЛИНА, кочуя из одного романа в другой. Где он мог достать именно ЭТО?!

вернуться

Note11

Наяды — в греческой мифологии нимфы источников, ручьев, родников. Хранительницы вод. Обладают целительными функциями. Даже имеют способность даровать бессмертие.

— Господи! — девушка в восторге всплеснула руками и исполнила танец индейцев так, как могла его себе представить.

Это тоже было для нее абсолютно новым ощущением. Потом она схватила блузу и, приложив ее к себе, подошла к зеркалу.

— Пф, — выдохнула на расправивший грудь воздух. — Успокойся. Нельзя же быть такой счастливой идиоткой! Когда там, бедная Элейн... — но она решительно отбросила все грустные мысли до утра, чувствуя все их лицемерие. Для Элейн она сделала все, что могла и имела право отдохнуть хоть чуть-чуть, получив маленький клочок счастья.

Он ожидал ее на улице.

Город гудел. Мимо пробежал мальчик, неся огромную модель яхты, так похожую на его мечту. Сверкание бенгальских огней разрывало густой вечерний сумрак. Радостные напевы плыли по воздуху, наполненному ароматом кофе и корицы. Нарядные улыбающиеся люди стекались к центру, приветливо кивая друг другу. Сегодня они любили всех, и даже американец не вызывал ни у кого ненависти. Праздник.

Джек тоже улыбался, мысленно обнимая весь мир, готовый к примирению с ним, и, веря, что и тот будет добр к нему.

Когда Джоан появилась в распахнутых дверях, у него перехватило дыхание, и горячая волна омыла сердце.

Нет, Джек, конечно, ожидал, что наряд ей подойдет, но такое...

Свободная блуза почти полностью открывала плечи, дразня нежной розовой кожей. Маленькая ложбинка целомудренно выглядывала наружу и волновала, как и тысячу лет назад. Пушистые волосы свободно лежали на плечах.

Бессмысленно описывать то, что он уже раз ощутил там, на лугу. Но это было сильнее. Там она была феей, здесь — прекрасной женщиной.

Она увидела его сразу. В светлых брюках и белой рубашке с расстегнутым воротом, подчеркивавшим крепкий загар могучей шеи и рук, со светлыми вьющимися волосами, обрамляющими бронзовое лицо, на котором сияли голубые глаза, — он казался ей прекрасным принцем, гораздо лучше Джесси, которого она так долго любила. Той мечты, что дала ей так

много, но и лишила лучших лет юности.

Джоан подошла к нему и замерла, глядя прямо в глаза.

— Это прекрасная одежда. Спасибо, Джек, — благодарно сказала она, когда молчание стало уже неприличным.

Он молча взял ее руку и повел на открытую площадку ресторана, расположившегося под звездным куполом неба. Ральф стоял, прислонившись к колонне, и наблюдал, как этот хлыщ обрабатывает девушку. Вот негодяй! Точно хочет карту спереть, скотина! Да если бы такая женщина хоть раз взглянула на Ральфа, он бы послал к черту и Айро, и вообще весь мир... О, вино подливает, мерзавец... А вот я уведу сейчас у тебя из-под носа предмет твоих вожделений, и поганая харя сразу вылезет из-под маски, которую ты на себя напялил.

...В короткие минуты отдыха Ральф раскрыл-таки книгу, которая была постоянно с ним, и прочитал первые главы романа. Они его поразили! Господи, какая женщина! Да никогда в жизни еще он не встречал такую. Даже мамочка (прости меня, дорогая) в подметки не годилась Анжелине. А эта девочка так была на нее похожа! И судьба у них с Ральфом почти одинаковая. Его оседлал подонок Айро, а ее охмуряет этот долговязый скот.

Нужно быстрее достать карту... Сумка висит на спинке стула... Конечно, карта там! Не в отеле же ее оставили, на самом деле... Но они сидят, как приклеенные, И о чем можно так долго разговаривать?

...Не подойдешь... Придется как-нибудь подползти...

Джек налил еще вина, и они подняли бокалы.

— По-моему, вы прекрасно пишете, — он улыбнулся ей, но она ничего не ответила, — Ну правда... Да... Я просто потрясен! — «Такая женщина не может писать плохо!» — подумал он, восхищенно пожирая ее глазами.

— Да вы же не прочли книгу до конца.

— Я знаю, все равно знаю...

Ральф бросил шляпу на пол и, толкая ее перед собой, стал пробираться под столиками к заветной сумке. При его комплекции это было совсем не просто. Он полз, затаив дыхание, боясь чихнуть или вздохнуть слишком громко, и от этого страшно вспотел. Как-то мгновенно, почти за пару минут. Соленый пот заливал глаза, а он даже не мог вытереть его, чтобы не задеть ноги, торчащие перед его лицом. Кончиком языка он сбивал соленые капли, когда те норовили попасть в рот, крепко сжимая после этого зубы, чтобы не плюнуть от отвращения или не завывать от злости.

До сумки оставалось проползти два стола.

— Наверное, таким образом я пытаюсь жить в другом веке... — Джоан рассказала ему почти все, кроме того, что касалось Джесси и Анжелины.

— Я рад, что в этом веке я вас встретил! — мечтательно произнес Джек и протянул девушке руку. — У меня есть кое-что для вас, — он грустно усмехнулся.

На раскрытой ладони лежала тонкая золотая цепочка! на которой висело золотое сердечко.

Местная поделка, купленная им сегодня в лавке на доллары, которые он заработал у нее же. Да и одежду он приобрел тоже на ее деньги! Господи...

— «Эль-Корозон»? — Джоан осторожно взяла подарок и посмотрела на него так, что ему захотелось удавиться.

Нежный, долгий, благодарный взгляд за эту дешевку!

Нет. Он должен стать богатым, чтобы, как королеву, осыпать ее золотом с ног до головы, и не терпеть этого унижения.

Она застегнула цепочку на шее и вскинула ресницы, ища одобрения в его глазах.

Он кивнул головой, и вдруг ему так мучительно захотелось прикоснуться рукой к ее нежной шее, приласкать и успокоить этого взрослого ребенка, убаюкать на руках, что он чуть не застонал.

— Пойдемте танцевать! — пригласил он, понимая, что там сможет, будет иметь право, дотронуться до нее, — О, нет, — улыбаясь ответила она. — Я не умею.

— Я вас научу. Это очень просто.

— Нет, я, правда, не умею.

— Пойдемте, пойдемте.

Он схватил ее за руку и потащил на площадку, где уже танцевало множество разных пар. Сумка осталась висеть на стуле.

Ральф сидел уже под соседним столиком у толстых ног коровы, которая взгромоздилась на стул напротив седого мужика. Она все время переставляла свои колоды, то и дело грозя зацепить ими бедного Ральфа. От ног ее дурно пахло, и толстяк пытался повернуть голову в другую сторону, но там было так мало места, что резкий запах доставал его ноздри везде. Он высунул голову из-под скатерти, протянул руку к сумке...

Полная мулатка в блестящем черном платье с удовольствием поглощала цыпленка с рисом! благополучно расправившись с «локро де чоклос» note 12, тамалем note 13, и сан-кочо [Сан-кочо

— салат из молодых овощей с мясом.]. Она опрокинула уже пару бокальчиков «чичи» [Чича — маисовая водка.], и рука, утиравшая салфеткой жир с подбородка, вела себя как-то не совсем послушно. Праздник... Пальцы разжались почему-то не над столом, а чуть правее, и салфетка упала прямо на протянутую к сумке руку Ральфа.

Он, растерявшись на мгновение, выпученными глазами смотрел на повисшую на его вытянутой руке белую тряпку, а когда опомнился, было уже поздно. Тучное тело нависло над ним, как скала, заслонив собой все вокруг. Мощный бюст почти касался растерянного лица толстяка, и он, стараясь отодвинуться как можно дальше, тихо пролепетал:

— Я шляпу уронил.

— Ах ты, дерьмо собачье, козел вонючий! Кабан кастрированный! Ты будешь заглядывать под юбку честной женщине!!! — из мощной глотки вырвался рев, похожий на рев американского

буйвола.

Огромная лапа опустилась на загривок и рванула несчастного толстяка из-под стола. Стол опрокинулся, звеня тарелками и бокалами. Ральф почти вылетел оттуда, тараша перепуганные глаза и ничего не видя. Вторая рука подхватила шляпу и, зажав ее в огромном кулаке, месила и месила по плечам, голове, шее. Слоновы ноги лягали его, не забывая при этом передвигаться в направлении арки.

Ральф сжался, повиснув на руке слониhi.

Она орала так, что на них смотрел весь зал. Кроме Джоан и Джека, которые танцевали в центре, никого не видя и не слыша ничего, кроме музыки. Наконец, разъяренная женщина дотащила Ральфа до балкона и, прислонив спиной к перилам измученное тело коротышки, стала месить уже его лицо, продолжая извергать фонтан брани.

вернуться

Note12

"Локро де чоклос" — своеобразный острый картофель и майсовый суп.

вернуться

Note13

Тамаль — пирог со сложной мясо-овощной начинкой.

— Успокойтесь, сеньора, — бросился к ним огромный негр в белой форменной тужурке и с салфеткой в руке, пытаясь предотвратить убийство.

— Что? — кувалда развернулась в другую сторону, и оглушенный официант, получив свою порцию, упал на руки товарищей, стоявших группой футах в пятнадцать от них.

— Убирайся отсюда, урод! И чтобы духу твоего здесь больше не было! — рывкнула сеньора, и Ральф, перелетев через перила балкона, шлепнулся на землю. Следом вылетела изжеванная шляпа.

Слониha, пыхтя, вернулась на место. Еще долго из-за столика доносились возмущенные вопли о проклятых недоносках, от которых совсем не стало житья.

А будьте вы все прокляты со своим «Эль-Корозоном» стонал измочаленный Ральф, еле волоча ноги по дороге к «фольксвагену», мечтая пережить ночь, а на рассвете убраться домой, и будь что будет.

Как жаль, что сейчас здесь нет Айро! Уж он бы свернул шею этому ублюдку.

А город продолжал веселиться, Мальчишки с бенгальскими огнями, осыпая серебряными искрами пеструю толпу танцующих, сновали по площадке, увешанной воздушными шарами, светящимися фонариками, пестрыми флагами, гирляндами из цветов и листьев. Вертелись карусели, чертово колесо сверкало иллюминацией.

Атмосфера чувственности, непобедимая потребность веселиться, кричать, двигаться, прикасаться друг к другу царили здесь, опьяняя, захватывая все и унося в, поднебесье.

Любовные отношения вспыхивали мгновенно и неудержимо, но это не смущало никого, кроме стариков, чья воркотня воспринималась, как зависть людей, уже не способных развлекаться.

Оркестр гремел, заглушая шуршание недовольных, и вихрь широких юбок, ковбойских костюмов, невообразимых нарядов захватывал каждого, кто приближался к помосту для танцев.

Вот сюда-то, в этот круговорот, и попала Джоан, увлекаемая твердой рукой Джека.

Гремела зажигательная румба, и он, обняв ее за талию, закружил, завертел тело партнерши, не обращая внимания на то, что вначале она едва успевала просто переставлять ноги.

Джоан не танцевала никогда, если не считать тех семейных праздников в далеком детстве, когда все плясали вокруг рождественской елки, взрослые вместе с детьми, радуясь и забывая будничные заботы.

Но здесь все было иначе. В ней проснулся необузданный восторг девочки, впервые попавшей на взрослый бал.

Чуть-чуть отодвинувшись, несколько мгновений она наблюдала за движениями гибкого тела Джека, стараясь повторить все, что он делал, и вдруг, совершенно неожиданно для себя, заплясала, разом сбросив все незримые цепи условностей и приличий. На мгновение ей было дано ощутить в себе, в своем теле, всю стремительность, силу и радость необыкновенного танца.

Это была самая красивая пара. Они привлекали внимание танцующих, но сами не замечали никого.

Вот руки их слились и протянулись к небу, тела ритмично извивались, они смотрели друг на друга, и он видел себя в ее зрачках, а она отражалась в его, таких бездонных глазах, ставших бесконечно близкими.

Вдруг, испугавшись его тела, которое все плотнее прижималось к ней, Джоан рванулась, чтобы убежать, но Джек удержал ее за руку, и снова безумный танец захватил их.

Казалось, это длилось бесконечно. Наконец, под громкий стук барабана, он закружил послушное тело девушки, и она упала ему на руки. Он низко склонился над ней, и глаза его светились такой любовью и восторгом, что больше бороться с собой Джоан не могла.

Уже никто не танцевал. Вся масса людей, присутствующих на площадке, как замороженные смотрели на эту удивительную пару, излучающую любовь и желание.

Джек поднял ее, крепко прижал к себе, руки девушки обвили его шею, и они застыли в долгом поцелуе.

Ликующий крик толпы разом ахнул в звездное небо, сотни рук поднялись вверх в приветствии, и, казалось, все, кто прикоснулся к этому чуду, благословили их.

Свечи горели у кровати, освещая комнату ровным таинственным светом.

Они лежали, не в силах оторваться друг от друга, все еще переживая минуты близости.

Джоан понимала, что завтра, нет, уже сегодня, им придется расстаться, и он тоже это понимал, но выхода, казалось, не было.

Он взял фотографию яхты, стоявшую на тумбочке, и, глядя на нее, произнес, как клятву:

— Когда-нибудь, когда у меня будут деньги, я уплыву с тобой. Мы совершим кругосветное путешествие. Обещаю тебе, обещаю, — и стал целовать ее глаза, щеки, волосы, зарываясь в них лицом, чтобы унять боль, рвущуюся из сердца.

Она отвернулась и посмотрела на колеблющееся пламя свечи.

— Почему ты забрал карту? — вдруг спросила Джоан. Джек отпрянул.

— О чем ты говоришь?

Господи! Неужели она видела? Но я же сделал это для НАС!!!

Джек вытащил карту из сумки, надеясь, что пока Джоан будет спать, он до отхода автобуса снимет ксерокопию и положит эту проклятую бумагу на место.

Ведь у нее требовали только карту! И она отвезет ее. А он отправится на поиски «Эль-Корозона», чтобы больше никогда не испытывать унижений бедности. Эта мечтательница, ангельское создание, была так далека от реальной жизни!

Мужчина несет ответственность за них обоих. И если он поставил перед собой цель, то не может не следовать по ведущему к ней пути. Будь то дорога, тропинка или мостик над пропастью. Он должен идти туда, куда должен идти. Не считаясь с преградами, не озираясь по сторонам. Но не изменяя при этом принципам. Джек не изменяет. Она сама говорила ему, что ей плевать на этот «Эль-Корозон!» А он должен найти его.

— Я видела это дерево — «вилы дьявола». Оно есть на карте. Мы были совсем близко, — с тоской сказала Джоан.

Она видела, как Джек взял карту. Но хотела, чтобы он вернул ее САМ. Сейчас Джоан решала для себя, то ли назвать его именем, которого он заслуживал после этого поступка, и навсегда потерять любовь, встреченную так поздно, либо притвориться, что ничего не знает, а там посмотрим...

— Да, конечно, я это знаю... — Джек ждал, что она скажет дальше, готовясь дать отпор.

— Я вот вспоминаю, что ты сказал. Для того, чтобы с ними торговаться...

— Конечно, нужно что-то иметь в руках, — он говорил горячо, надеясь теперь убедить ее, и тогда ему не придется нести на себе этот груз не совсем красивого, мягко выражаясь, поступка. — Не просто карту, а что-то иметь. Иметь какой-нибудь козырь.

Джоан взяла у него фотографию.

— Как бы я хотела уплыть с тобой на этой яхте, — она отставила ее на тумбочку и повернулась к нему. — Джек, нам ведь придется отказаться от этого, чтобы спасти Элейн.

— Конечно, это же твоя сестра, — ответил он упавшим тоном, понимая, что расставание все-таки неизбежно. В любом случае. Если он возьмет карту, ему нужно будет броситься на поиски «Эль-Корозона», пока те скоты еще не нашли его. Если откажется от этой затеи, то должен снова зарабатывать где-то, потому что беден, как церковная мышь, а этот бриллиант требует дорогой оправы.

— В том-то все и дело... — Джек убеждал больше себя, чем ее.

Она снова промолчала.

— Мы ведь не сможем ничего сделать, правда? Господи! — подумала Джоан, — Как же быть! Все, что она так долго искала, все, что ждала эти годы, может рухнуть, и опять потянутся бессмысленные дни с котом Ромео... И обмирая от принятого решения, неожиданно для себя выдохнула:

— Ну ладно. Ладно, Мы сделаем это... Джек нежно поцеловал ее, и снова тела их сплелись. Он ласкал губами ее глаза и горячо прижимал к себе., правой рукой. Левая, скользнув по телу любимой, медленно добралась до бедра и спустилась к постели. Нашупав под матрасом карту, вытащила ее, и, пытаясь не шуршать, опустила в сумку, которая стояла у кровати. От возбуждения рука слегка дрожала, поэтому карта оказалась на месте лишь с четвертой попытки.

Городок уже спал, или еще спал (потому что люди с карнавала разошлись на рассвете), когда тишину взорвал рев моторов военных «джипов».

Они промчались по сонным улицам и ворвались на площадь в центре города, заняв оборону у дверей отеля.

Золо был порядочным человеком. Он ни в коем случае не хотел нарушать покой великой писательницы Джоан Уайлдер!

О, нет! Он тоже удосужился раскрыть книгу, и прочитал даже больше, чем бедняга Ральф. Анжелина, конечно, замечательная девушка! И очень жаль, если читатели не увидят продолжения ее романтических приключений. Но что поделать! Девушка оказалась слишком шустрой. Золо надоело гоняться за тем, что, как он считал, по праву принадлежало ему.

Он не собирался убивать ее. И если бы она отдала карту сразу, еще там, у автобуса, то могла уже давно преспокойно убраться к себе в Штаты, продолжать радовать поклонников очередными романами, хотя он и питал патологическую ненависть к американцам. Но сейчас, после всех этих гонок по джунглям, сумасшедшей пальбы из пулеметов, после того, что он потерял нескольких людей на переправе и стал посмешищем в глазах окружающих — Джоан Уайлдер должна исчезнуть. А вместе с ней и тот идиот, который сунул нос не в свое дело.

Сеньор Золо имел основания ненавидеть американцев. Работая в полиции по борьбе с контрабандой, он точно знал, сколько ценностей уплывает из Колумбии из-за этих толстосумов. А разве здесь нет людей, достойных владеть этими сокровищами? Многие прилипали к его рукам, и постепенно, «борясь с хищениями», он стал обладателем лучшей коллекции старинных драгоценностей, и, как он называл себя, «министром антиквариата». Заместитель начальника секретной полиции, он всегда был в курсе событий. Сотни агентов работали во всех уголках Колумбии, и сеньор Золо не имел недостатка в информации.

Но на этот раз он опоздал. Снова проклятый «американос» обошел его. За что и поплатился. Останки его развесили на деревьях парни из самого верного, личного его отделения. Но ублюдок успел отослать карту в Нью-Йорк, в чем и сознался во время допроса с пристрастием. Разве настоящий мужчина стал бы впутывать девчонку в такую историю? Да никогда.

Сеньор Золо презрительно сплюнул, вспомнив археолога, и посмотрел на окна номера, в котором отдыхала влюбленная пара. Портье доложил ему, где их искать. Тяжелые шторы были плотно задвинуты. «Ну что же. Тем лучше. Возьмем их в постели, тепленькими. И наконец-то, „Эль-Корозон“ займет достойное место», подумал полковник и, достав сигару, жадно затянулся. Глаза его сразу заблестели, зрачки расширились — организм сеньора Золо получил очередную порцию наркотика.

Вообще-то, он не очень нервничал. Все дороги патрулировались конной полицией.

Джек увидел их сразу. В прошлом, занимаясь кое-какими делами, он приобрел замечательную привычку — прежде, чем куда-нибудь двинуться, нужно хорошенько осмотреть местность.

Джоан еще спала, когда он (обостренный слух охотника и контрабандиста) проснулся от шума моторов под окнами отеля.

Мать твою. Конечно, это опять они. И так быстро явились, дерьмуки.

Он осторожно вытащил руку, боясь потревожить Джоан, и подошел к окну. С ума сойти! Вот это эскорт! Но какого хрена им надо? Ведь Джоан вчера велели сесть в автобус утром! Наверное, боятся, что снова заблудится, бедная девочка. Прикатили. Ну нет, сеньоры. У нас другие планы. Нынче. Вот так.

Он пошел на разведку и обнаружил, что с другой стороны, обойдя здание по довольно широкому карнизу, можно спуститься по фонарю, который торчит у дома. И на задворках как раз стоит светлый «фольксваген», хозяин которого тоже, наверное, не скучал этой ночью, а потому где-нибудь с кем-нибудь сейчас отдыхает. Что нам нужно, дай Бог поспать ему подольше.

Он вернулся и тихо подошел к кровати.

Джоан спала и чему-то улыбалась, наверное, видела что-то очень хорошее во сне.

Да, девочка, сегодня нас ждет трудный день. Как ни жаль, но придется тебя потревожить.

— Джоан, проснись!

Она чмокнула губами, как ребенок, и приоткрыла глаза, думая, что все еще спит. Снова закрыла их, протягивая к нему руки. — Джоан, нам пора. Они здесь, — тихо сказал он.

— О, господи! — одеяло полетело в сторону. Казалось, она и не ложилась. Ужас перед встречей с тем страшным человеком заслонил всю прелесть вечера и ночи. Сейчас она думала об одном: удастся ли им сбежать, не попав в грязные лапы убийцы.

— Спокойно, дорогая, — Джек уже собирал вещи. — Я знаю замечательный путь, чтобы отсюда выбраться. Как ты насчет высоты?

— Нормально, — храбро ответила Джоан, считая, что теперь ей уже ничего не страшно, при этом слегка передернув плечами.

— Тогда вперед.

Когда мы шли по карнизу, это было не страшнее, чем пройти по мосту «доколумбовой эпохи», тем более, что вцепилась в руку Джека, и если бы мы рухнули вниз, то вместе. Мы прижимались спиной к стене, и я, осторожно передвигая ноги, смотрела на моего возлюбленного и не ощущала почти никакого ужаса; Джек тащил рюкзак и меня, так что ему было гораздо труднее. Добравшись до фонаря, сбросил вниз вещи и, вцепившись руками в холодный металл, съехал на землю. Благо, было совсем не высоко. Всего-то второй этаж. Это тебе не двести футов пропасти под ногами!

Он стоял внизу, подставив руки. Я могла бы прыгнуть к нему, но он осуждающе посмотрел на меня, и я спустилась тем же путем.

Расстояние до «фольксвагена» они преодолели за пару секунд. Джек распахнул дверцы машины и бросил тяжелый рюкзак на заднее сиденье. Потом уселся за руль, ожидая, когда Джоан займет место рядом.

Ральф только что уснул. Тело невыносимо болело, а голова гудела, как чугунный котел, — мегера знала толк в нанесении побоев. Если бы ей под кувалду подвернулся Айро, от него бы точно остался мокрый блин!

Он натянул на себя плед, укутавшись с головой, чтобы меньше слышать шум улицы, и забылся тревожным сном. Но даже в те короткие промежутки, когда он проваливался в объятия Морфея, эта слониха приходила к нему снова и снова, и ее огромные кулаки мелькали перед глазами, норовя нанести удар по еще не приконченному Ральфу. Он, как мог, уворачивался, но тело не слушалось его, как будто связанное невидимыми путами. Вдруг она изловчилась и толстой ногой лягнула его в живот. Он хотел закричать, но рот был заклеен пластырем.

Ральф вздрогнул и проснулся. Что-то тяжелое лежало у него на животе, а в машине слышались чужие голоса.

Толстяк осторожно высунул из-под пледа голову и, чуть приподняв ее, увидел, что на нем лежит рюкзак...

За рулем устроился мужик, который морочил вчера голову бедной девочке, а рядом с ним — она — Джоан Уайлдер! «Вот это влип! — подумал Ральф, быстро нырнув обратно. — Интересно, куда это они собрались? Утром она должна была сесть в автобус на Картахену... Неужели решила сбежать? Ну что ж, посмотрим. Сейчас главное, чтобы они меня не заметили, там видно будет. Карту все равно нужно получить, иначе урод Айро меня точно скормит своим крокодилам». И, все продумав, он затаился.

Джек пытался соединить эти вонючие провода у аккумулятора, но пальцы от бессонной ночи и лазанья по карнизам (как обезьяна!) дрожали, и мотор рыдвана не хотел заводиться, мать его так! Он начинал злиться, и от этого все получалось еще хуже. Джек чуть не выругался, но в этот момент...

Я никак не могла понять, почему мы стоим. Наше исчезновение заметят через пару минут, а Джек, вместо того, чтобы быстрее уехать, возится с какими-то проводами...

— Что ты делаешь? — это было не просто любопытство с моей стороны, а желание как можно

скорее убраться подальше.

— Пытаюсь завести машину, — лицо его покраснело от напряжения. — Попробуй ключом, — совет показался разумным. Я видела, что многие так делают, тем более, что ключ торчал в замке зажигания.

Он как-то дико посмотрел на меня, потом смущенно хмыкнул и повернул ключ.

Мотор фыркнул, и машина рванула с места. Я была счастлива — хоть в чем-то смогла помочь ему.

— Попробуй ключом, — спокойно сказала она, и Джеку стало на минуту нехорошо.

Господи! Это же надо дойти до жизни такой, чтоб не обратить внимания на торчащий в замке ключ! Обычно, правда, их забирает хозяин, и похитителю приходится довольствоваться другим способом, а именно — соединять провода.

Джек даже покраснел от своей глупости.

«Вот засранец! — Ральф чуть не выскочил из-под пледа. — Этот ублюдок точно покалечит мою машину!» Но он сдержался и еще выше натянул плед. И так все было хорошо слышно. Он только запыхтел, уже не опасаясь быть услышанным.

«Фольксваген» выскочил на дорогу, объехав площадь переулками, и в ту же минуту Золо, которому надоело ждать, вошел в отель.

Утро выдалось необыкновенное. Ярко-оранжевое солнце сияло в небе, лазурном и высоком. Воздух был таким прозрачным, что дорога и все окружающее ее, казалось, виделось от края и до края. Холмы, покрытые роскошными изумрудными коврами, величественные деревья, одетые в яркую зелень огромных листьев, напоминали причудливых великанов, неизвестно как попавших в эту страну, да так и застывших у дороги с протянутыми вверх корявыми руками.

Но Джек ничего этого не замечал. Его больше всего интересовало: не маячит ли в зеркале заднего обзора проклятые «лендроверы» и успеют ли они с Джоан отыскать сокровище, спрятанное недалеко от Тенадо-дель-Дьябло, и что же такое «Эль-Корозон». Сердце... Сердце...

И как бы подслушав его размышления, Джоан вдруг задумчиво произнесла:

— У древних ацтеков был белый бог Кецааткоатль, — она с трудом выговорила имя бога. — Они представляли его себе белым человеком с бородой.

Господи, при чем здесь ацтеки и этот Кец или Хец?

— Он прибыл из «страны, где восходит солнце». — Джоан смотрела туда, где поднимался оранжевый диск. — Ну, он научил их многим интересным вещам. Дал мудрые законы, религию, ремесла... И вот, когда он исполнил свою миссию, белый бог возвратился туда, откуда пришел. Вообще-то, существует несколько легенд, но мне больше нравится вот эта. Потому, что она самая красивая, Ральф чуть отодвинул плед и с интересом слушал, позабыв на время об Айро и Золо. Джоан зря болтать не станет. Не такая она девушка!

— Ке-ца-т-коатль упал на камни перед шумящим Атлантическим океаном, горько заплакал и бросился в огромный пылающий костер. Пепел его поднялся в воздух и превратился в стаю белых птиц, а сердце повисло в небе, как утренняя звезда, — она задумалась и замолчала.

— Ну и что? — не понял Джек, к чему она сейчас вспоминала эту легенду.

— А вот что. Мне кажется, что «Эль-Корозон» — сердце — похож на утреннюю звезду. Скорее всего, это какой-нибудь камень, — она улыбнулась, очень довольная сделанным открытием.

— Ерунда, — пробормотал Джек. — Хотя.., почему бы и нет.

Ральф зажмурился от удовольствия. Это же надо быть такой умницей!.. Только карту, девочка, я все же у тебя возьму. Стоп. Но они, кажется, едут искать камень... Что же, тем лучше, красавица, тем лучше. Вот когда Айро будет у меня в кулаке.

Дело в том, что «дерьмук», как любил называть его Ральф, был богат, а он — беден. С детства. Папашка умудрился ничего не оставить сыну, и он вынужден работать на этого идиота. Мало того, сейчас тот вытащил Ральфа в Колумбию, где уже организовал банду по скупке антиквариата и драгоценностей. Как с его тупой башкой это удалось, Ральф понять не мог. Главное, когда нужно было рисковать, то Айро посылал брата, а рассчитывать, судя по всему, не собирался. «Мы с тобой один человек — две половины», все время повторял он. В результате, все состояние находилось у одной половины, а другая, то и дело подставляла под пули свою задницу! И благо бы по мелочевке. Но сейчас их интересы перехлестнулись с бандой Золо, а с ним шутки плохи. Даже самый последний идиот в Колумбии знает, КТО такой сеньор Золо.

Когда только поползли слухи, что археолог купил у бедной скво note 14 древнюю фигурку Кукулькана note 15, а заодно и карту, на которой указывалось место, где спрятан какой-то «Эль-Корозон», Айро послал туда Ральфа. Сам он, конечно, продолжал возиться со своими зубастыми тварями. Естественно, он нашел археолога. Нашел.., через неделю... Когда от него осталось... Господи, боже мой, страшно сказать, что. А теперь Золо, узнав, что он был у скво, ищет и его, Ральфа. Старухе и внуку эти убийцы перерезали глотки, чтобы не болтали, а что будет с ним, если Золо его схватит, страшно подумать.

Но теперь, если ему удастся захватить «Эль-Корозон», плевать ему на Айро. Он выберется из этой паршивой страны в Штаты и заживет, как белый человек.

Могут, конечно, возникнуть проблемы с Золо. Ну ничего, бог не выдаст, свинья не съест. Как-нибудь выберемся.

Золо выскочил на улицу. Парни стояли, направив автоматы на дверь гостиницы, так что он являлся превосходной мишенью, если бы... Черт... Она снова улизула! Но, будем надеяться, что пока не очень далеко.

И в эту минуту загудел зуммер на рации.

— Они едут по правой дороге в горы. — докладывал патрульный, который, как изваяние, застыл на холме, сидя верхом на лошади с биноклем в руках.

— Продолжайте наблюдение. Докладывать обо всех их перемещениях.

— Слушаюсь, сеньор Золо.

«Она едет не в Картахену... Они отправились за „Эль-Корозоном“. Ну ничего, ребята. Вас ждут везде. Сегодня у нас большая охота.

Дорога была довольно ровной, так что их даже не очень трясло. Мимо проплывали холмы, деревья, освещенные солнцем, кусты. И вдруг слева возникла каменная резная стела, украшенная цветами.

Видно, индейцы, продолжая поклоняться своим богам, регулярно посещали ее, украшали и молились, надеясь выпросить немного счастья.

— Стоп! — крикнула Джоан, и машина затормозила. — Это есть на карте,

— она сравнила изображение с тем, что увидела. — А сейчас нам нужно налево.

Джек послушно повернул руль, и «фольксваген», объехав глыбу, сполз с дороги и покатил дальше по травяному покрову.

Ральф высунул голову и посмотрел в окно: нужно на всякий случай запомнить дорогу.

— Сеньор Золо, они свернули у стелы влево, — тут же доложил по радиации дозорный, сидевший на лошади в зарослях чуть повыше поворота.

— Оттуда есть другая дорога? — спросил Золо, и глаза его сверкнули, как раскаленные угли.

— Нет, синьор Золо. Это единственная.

— Тогда всем оставаться на местах. Я сейчас буду! — коротко бросил он.

Озверевший, заглушивший душу бесчисленными преступлениями, он уже наслаждался в предвкушении обладания новым сокровищем, и это наслаждение было гораздо больше, чем обладание женщиной.

Джек вел «фольксваген» по следам проезжавшей здесь уже машины — примятая трава свидетельствовала, что по этому пути пробирались, по крайней мере, пару раз.

И вдруг следы оборвались. Все, приехали... Мы выбрались из машины и огляделись.

Нет, здесь было красиво. Даже потрясающе. Деревья тихонько шумели листвой, и до нас доносился мощный хор птичьих голосов. Долина, пестревшая цветами, раскинулась у подножия холма, на который мы забрались. За нами поднимались скалы, сплошь заросшие кустарником и деревьями. Все было прекрасно. Кроме одного... Все ЭТО не имело ничего общего с картой!

Если бы мне нужно было спрятать сокровище или святыню, я бы тоже выбрала это великолепное место, своей красотой оно соответствовало этому назначению.

Перед моими глазами возникли суровые воины, которые торжественно несли «Эль-Корозон» к месту захоронения. Какой-то жрец в ритуальной маске, пританцовывая, шествовал впереди, то и дело вздымая руки к Богу-Солнцу и прося у него благословения. Остальные следовали за ним молча. Наконец, они пришли... Куда? Все дали клятву, что никто и никогда не прикаснется к их святыне. И...

И положили «Эль-Корозон»... Куда?... Там должна быть пещера! Скрытая пещера!

— Что это такое? — требовательно закричала я, будто бы Джек был виноват в том, что карта не соответствовала действительности. — Не может быть! Этого не должно быть! Здесь нарисовано что-то другое! — я ткнула пальцем в карту, лихорадочно соображая, куда ехать дальше.

— Но все меняется, — Джек был возмутительно спокоен. Он стоял, положив руки на бедра, внимательно осматриваясь по сторонам. — Что-то выросло...

вернуться

Note14

индейская женщина.

вернуться

Note15

белый бог у племен майя, символом которого был «Пернатый змей».

— Да нет же, Джек! Ты пойми, Эдуарде прислал карту, проверив все... Иначе, откуда эти следы на траве, — я лихорадочно искала разгадку.

— Верно, — он перевел свой взгляд на меня.

— Ты слышишь? — заорала я и вскинула голову.

— Ты слышишь? — заорала она и посмотрела на Джека светящимися глазами, из которых так и сыпались торжествующие искры.

Он прислушался. Птицы всюду прославляли день... И где-то отдаленно врывался в этот щебет посторонний шум.

— Водопад... — полувопросительно, полуютвердительно произнес он.

— Точно! — она завертела желтый лист в руках.

Я догадалась! Линии по бокам карты были какими-то странными. Но с двух сторон ее угадывались изгибы. Я сложила по ним карту и...

Все! Они слились, образовав из тонких извилистых штрихов водопад, заключенный в сердце, которое возникло, неожиданно даже для меня, из двух коричневых полосок, обрамлявших рисунок.

— Смотри...

— Прекрасно, Джоан! — он схватил меня в охапку и поцеловал.

Он сгреб ее и поцеловал, проклятый лицемер!

Ральф в щелочку наблюдал за ними, не устая восторгаться Джоан.

Господи, да никогда бы мне не найти этот клад, даже если бы я завладел картой, не говоря уже о тупице Айро. Они шли на рев водопада, который находился от места их стоянки в футах в трехстах, в скале.

Вода, бившаяся в неистовых судорогах, бурлила и шипела на прищельцев, которые дерзнули

покуситься на охраняемую ею святыню. Она свистела, закручиваясь спиралью у валунов, лежащих у подножия скалы, с которой низвергался водопад, разлетаясь миллиардами брызг, сверкающих на солнце драгоценными камнями. Кусты и деревья, растущие здесь, лихорадочно цеплялись корнями, стараясь, чтобы бурлящий поток не вырвал и не унес их, кружа в стремительном вихре, пока не вышвырнет на какой-нибудь камень.

— Там должна быть пещера, — Джоан махнула рукой в направлении водопада. — Точно.

— Сейчас поглядим.

Они на минуту застыли перед срывающейся вниз водяной стеной.

Мы подошли к самому водопаду, и вдруг острый глаз Джека нашел то, что нам требовалось. Над головой, надежно укрытое от любопытных глаз, темное пятно. Это был, несомненно, вход в сокровищницу!

Рядом с водопадом громоздились груды камней, и мы не без труда взобрались по ним вверх. Все наши сомнения рассеялись. Вот он, вход в пещеру!

Маленький черный провал в скале заставил нас нагнуть головы, и мы почти на четвереньках вползли в заветное помещение, охраняющее тайну «Эль-Корозона». Но тут же своды расширились, образовав небольшой коридор, позволяющий нам подняться на ноги, и мы осторожно пошли вперед.

Джек вынул из рюкзака фонарь, который должен был служить нам единственным источником света в этом мрачном подземелье.

Красноватые шершавые стены показались мне загадочными, но не вызвали неприятных ассоциаций. Под ногами шуршали камни, как морские голыши, и мне подумалось, что здесь когда-то протекала подземная река.

Промокшая, в прилипающей к ногам юбке, я пробиралась позади Джека и смотрела на его могучие плечи. Если бы мы жили много веков назад, этот крепкий мужчина мог отвоевать это жилище у страшного дракона и ввести сюда женщину. Я почти ощущала себя его избранницей. Под защитой любимого, одетого в мамонтовые шкуры, я оглядывала «свое жилище».

Шум водопада мешал нам говорить, Джек почти кричал, чтобы я его услышала.

— Все нормально?

— Да, — ответила я, взглядываясь в карту, которую вновь извлекла из болтающейся на плече сумки. — Наверное, здесь.

Мы продвигались все дальше. Пещера углублялась в толщу скал под углом в сорок пять градусов, и приходилось балансировать, хватаясь за стену, чтобы не поехать по осыпи.

Хороша бы я была здесь на своих шпильках!

— Джек, что такое Лате-дель-Мадре? — закричала я в спину.

— Лате-дель-Мадре? — переспросил он, не повернув головы, освещая нам дорогу оранжевым глазом фонарика.

— Да. Это написано на карте, — крикнула я, опасаясь отстать.

— Это значит — материнское молоко, — пятки его поехали вместе с кучей камней, и Джек чуть не рухнул.

— Материнское молоко?

— Да.

Вдруг узкий коридор раздвинулся, и мы оказались в пещере.

С потолка спускалось множество толстых сосулек, сверкающих в свете фонаря. Стены в некоторых местах подпирались фантастическими колоннами, образованными слиянием больших сталактитов со сталагмитами. В центре потолка образовался белоснежный нарост, с которого на огромную глыбу, возвышающуюся как раз под ним, сочилась жидкость. Многовековое падение капель выдолбило в камне овальную чашу с ровными толстыми стенками.

Кубок великана, наполненный густым молочным коктейлем, засветился, заиграл под лучом фонаря.

Мне казалось, огромная рука сейчас протянется из штольни за живительной влагой молока Геи note 16 — матери-земли.

Для кого из своих детей приготовила она напиток? Для сторуких великанов или одноглазых циклопов, или титанов, низвергнутых в ее недра?

Как зачарованная смотрела я на белую чашу.

— Здесь, — голос Джека прервал мои раздумья. Я перевела взгляд на него и увидела счастливую физиономию со светящимися глазами. Он улыбнулся и поднял руки.

— Мама, я вернулся! — сказал он торжественно, и засмеялся.

— ..нулся, нулсянулся... — ответило ему эхо.

Какого черта их туда понесло? Ральф немного подождал и стал карабкаться по следам недавно прошедшей здесь парочки.

Они стояли перед чашей.

Джек работал лопаткой, вычерпывая «молоко» прямо на камни, и пытаясь нащупать на дне что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее клад. Джоан сжимала в руках фонарь, направив его луч в центр чаши. Яркие пятна освещали мутную воду.

— Я не могу поверить, что я это делаю, — вдруг произнесла она.

— Что? — спросил Джек, продолжая работать.

— Ищу сокровища. С тобой.

Честно говоря, ее мало интересовало, что они найдут. Главное, они были рядом в этом удивительном мире.

— Джек, — снова позвала она.

— Да? — он лихорадочно вычерпывал воду.

— Мне никогда в жизни не было так хорошо, как сейчас.

Что-то в ее голосе заставило его остановиться. Он замер, потом выпрямился и медленно повернулся к Джоан.

На лице ее плясали блики, глаза светились отраженным светом, мягкая улыбка играла на губах, и ему вдруг мучительно захотелось прикоснуться к ней рукой. Но, вспомнив, что мокрые руки перемазаны известью, Джек сдержался. Он посмотрел на нее долгим взглядом, немного помолчал и, как бы все взвесив, сказал:

— Ты знаешь, никому не было так хорошо как нам.

Она благодарно улыбнулась ему, почувствовав, как сердце захлестнула теплая волна.

Вода выплескивалась на камни с утроенной энергией. Огромное мокрое пятно расплзлось у их ног.

И вдруг лопата наткнулась на что-то упругое. Джек на секунду замер, потом, отбросив ее, запустил руки, с закатанными рукавами, почти по локоть в мутную воду. Пальцы нащупали какой-то сверток. Есть! Он извлек его на поверхность. Мутная жидкость струей стекала в чашу.

Что-то мягкое, завернутое в холстину, появилось над водой, и Джек лихорадочно разорвал бечевку, которой это «что-то» было перевязано. Я светила ему на руки, почти не дыша. Он развернул тряпку, и под ней оказалась еще зеленая трава. Она выглядела так, будто ее положили в чашу всего несколько часов назад. Джек сунул руку внутрь и достал...

Фонарь я держала почти у свертка, так что пятно было очень ярким.

Фарфор переливался белым и голубым светом, играя в желтом луче.

— Бесценная статуэтка, — выдохнула Джоан, глядя широко распахнутыми глазами на косоного белого зайца с голубым фарфоровым бантиком под шеей, скромно поджатými лапами и глуповатой улыбкой на морде.

— О-о-о, — выдохнул Джек.

Он проглотил комок разочарования, подступивший к горлу и горько покачав головой, грустно сказал:

— Нет, у кого-то просто слишком болезненное чувство юмора.

вернуться

Note16

В греческой мифологии мать-земля, древнейшее доолимпийское существо.

Ему захотелось утопить косоглазого в этой луже, пускай получат свой «Эль-Корозон» и

наслаждаться его видом.

И из-за этого дерьма они подставляли головы под пули!

— Подожди, — Джоан положила руку ему на плечо. — В моей первой книге «Сокровище сладострастия» я спрятала сокровища внутрь статуэтки!

Джек быстро взглянул на девушку, схватил камень и опустил прямо на морду ни в чем неповинного зайца.

Хрум, — голова и туловище разлетелось на куски, кусок «улыбки» свалился в чашу, остальное посыпалось к ногам мужчины.

Из перевернутой нижней части туловища выпал прямо на правую ладонь Джека...

— А-а-х! — тихо ахнула Джоан.

Прозрачный зеленый камень величиной с детский кулак засверкал всеми гранями под ярким лучом, отбрасывая светлые блики на их лица. Зауженный с одного конца и расширяющийся к другому, он, действительно, напоминал по форме сердце. Оно переливалось в руке Джека и от этого казалось живым, пульсирующим зеленой кровью. От этого чуда невозможно было отвести взгляд.

— Господи боже, а?... — восхищенно пробормотал Джек. И вдруг отчетливо понял, что такой камень не может достаться никому.

Есть вещи, которые не могут принадлежать одному человеку. Они даются лишь на время, а потом либо он расстается с ними добровольно, либо они уходят, окрашенные его кровью.

— Нас ждут большие неприятности теперь, — задумчиво сказал он, все еще любясь «Эль-Корозоном».

— Что верно, засранец, то верно, — услышали они голос за спиной и разом оглянулись.

Толстый человек в изжеванной шляпе и светлом, перепачканном пылью пиджаке, с лицом, украшенным под правым глазом синяком, с целлофановым пакетом в одной руке и «кольтом» в другой, стоял в двух шагах от них, направив черное дуло в грудь Джеку.

Джек оценил ситуацию мгновенно. Сейчас он был беспомощен. Оружие осталось в рюкзаке, и ему не успеть до него дотянуться. Этот урод спустит курок не задумываясь!

— Слушай, за тобой вся Колумбия гоняется, что ли? — он посмотрел на Джоан, которая застыла, глядя на незнакомца.

— Клади товар сюда, — толстяк протянул раскрытый пакет Джеку, все еще держа того на мушке. — Ну!

Сопrotивляться было бесполезно, и Джек со злостью швырнул камень в разинутую целлофановую пасть.

Коротышка удовлетворенно подтянул пакет к себе и взмахнул оружием.

— А теперь пошли. Пока сюда не пожаловали плохие люди.

Мысль о Золо несколько омрачила радость обладания камнем. Наверняка, тот убийца идет по следу, и чем раньше они унесут отсюда ноги, тем лучше.

— Сеньор Золо. Докладывает патрульный П-8. Они вышли из машины и отправились в горы.

— Понял. Слушайте все. Окружить долину у каменной стелы. Повторяю. Окружить долину у стелы.

Этот день должен был вознаградить Ральфа за все унижения, за все жестокости и преследования, которыми только и была богата его биография, за всю его убудочную жизнь. Отныне он становился господином, обладателем огромного состояния, человеком, который уже никогда не станет кланяться никому, особенно уроду Айро.

Он шел за парой, шагающей немного впереди, не спуская с них глаз, и счастливо улыбался. «Кольт» все время смотрел в спину Джеку. Они благополучно выбрались из пещеры и теперь, цепляясь за кусты, спускались с холма к «фольксвагену», спокойно поджидавшему хозяина.

Душа Ральфа ликовала. Его будущее лежало в пакете, который толстяк прижимал к груди. Теперь можно все рассказать Джоан и, чем черт не шутит. Она одинока, он одинок. И обеспечен... Уже... А внешность... Как говорят, с лица воды не пить...

— Ну, садись за руль, — сказал он Джеку, когда они подошли к машине.

— Наконец-то у меня появится шофер, мисс Уайлдер, — он улыбнулся ей, сверкая «фонарем» под глазом, и скомандовал, уже раздражаясь, оттого что парень не очень спешит. — Ну, быстрее, быстрее, — и сделал шаг к нему, все еще сжимая «кольт» в потной ладошке.

— А ты уйди от меня, урод, — зло бросил Джек.

— Это я урод? — возмутился коротышка, наливаясь кровью. — Ах, я урод?! — глаза его засверкали от негодования. Этот засранец назвал его.., при мисс Уайлдер... Он даже задохнулся... Расстегнул ворот рубашки, рванул галстук.. И тут Ральф вспомнил, что он хотел рассказать Джоан. — Да, я урод, — в голосе зазвучала гордость, — но я по крайней мере честный. Я ворую камень, а не пытаюсь запудрить мозги какой-нибудь девочке, — он вытащил «Эль-Корозон» и сжал его так, что побелели пальцы. Камень сверкнул на солнце, но сейчас ни Джоан, ни Джек не видели его блеска.

Она вздрогнула, как от удара. Медленно повернувшись к Джеку, посмотрела ему в глаза и сказала:

— Нет, это я придумала отправиться на поиски камня.

— Конечно, — бушевал Ральф, — все мошенники так делают. Он просто заставил тебя поверить, что ты ему нужна.

Джоан искала ответ на свой немой вопрос в глазах Джека, но не находила.

А он молчал, так как чувствовал какую-то долю правды в словах толстого мешка с дерьмом. Но это она могла так подумать! Джек не собирался ее обманывать!

Конечно, он не был монахом. И женщины у него были. Но никогда Джек не встречал даже

бледного подобию Джоан. И разве она не чувствует, что стала по-настоящему дорога ему?!

— Быстрее, быстрее, — торжествующе орал толстяк. — Садись, садись, — он размахивал «кольтом» и подталкивал их к машине. — Быстрее!

Джоан наконец забралась на переднее сиденье и подвинулась, освобождая место за рулем.

Я сидела в «жуке», а коротышка, так безжалостно свергнувший меня с небес на грешную землю, остановился перед растерянным Джеком. Наслаждаясь собственной властью, как это делают слабые люди, волей случая ухватившие за хвост удачу, он мстительно прокаркал:

Ну посмотрим, что ты теперь...

Вдруг он уставился куда-то через плечо Джека, его глаза чуть не выскочили из орбит, и он прошептал:

— Ох ты, срань господня...

Потом повернулся и помчался от нас в другую сторону.

Парень оглянулся. Пять «джипов» военной полиции, тархтя моторами, летели к ним на приличной скорости.

Вот это женщина! Она поражала Джека с каждым разом все больше и больше.

Джоан распахнула дверцу «фольксвагена» и коротко бросила:

— Садись! — а когда он впрыгнул в машину, хлопнув за собой дверцей, повернула ключ. — Куда ехать?

— За камнем! — крикнул мужчина, и они рванулись за толстяком, хотя Джек мог дать голову на отсечение, что НИКОГДА в жизни она раньше не сидела за рулем!

«Джипы» неотвратимо, как сама судьба, надвигались на троицу, устроившую гонки по пересеченной местности.

Золо привстал, держась за стекло, и наблюдал эту замечательную картину. Ральф летел на коротких ножках так быстро, как позволяла колышущаяся перед ним масса живота. Он на бегу отстреливался, не оглядываясь, надеясь попасть в цель. Просто это хоть немного успокаивало его разгоряченный погоней мозг.

Рука, сжимавшая «кольт», дергалась, посылая пули то через плечо, то из-за живота, непонятно как умудряясь обойти его, то, вывернув кисть, стреляя через низ. Скорее всего, пули уходили в землю, в небо, в сторону леса. Словом, куда угодно, только не в цель.

Он потерял шляпу, несколько метров катился по земле, запутавшись в собственных ногах, снова вскочил и продолжал бег, едва понимая, зачем он это делает. Машина всегда двигалась быстрее, и пока еще человек не мог ее обогнать.

Джек выбрался через люк на крышу «фольксвагена» и замер, как пантера, готовая броситься на жертву сверху, как только они настигнут мерзавца.

И вдруг Ральф замер на месте, как будто налетел грудью на стеклянную стену. Колени его задрожали, рот широко открылся, в глазах потемнело, и он, совсем забыв о преследовавшем

его «фольксвагене», пробормотал:

— А это что? Кавалерия?

Мать ее! Там, на горизонте, появилась черная туча кентавров, и она неслась, катилась неудержимой волной на бедного Ральфа. Он оказался в западне, окруженный со всех сторон, как загнанный олень.

— А, — раздался боевой клич, и коротышка покатился, сбитый с ног двухсотфунтовым телом Джека, обрушившимся на него с крыши проехавшей машины.

Они тут же вскочили на ноги и ухватились за пакет с двух сторон. Противники боролись с остервенением, цепляясь за него, как за жизнь, и Ральф пожалел, что не пристрелил этого ублюдка там, в пещере, хотя это было бы первое в его жизни «мокрое дело».

Джек оказался сильнее. Он вырвал заветный пакет и бросился догонять Джоан. Повиснув на дверце, которую предусмотрительно открыла девушка, и прокричав:

«Вперед! Вперед!», — он на ходу вскочил в машину и, откинувшись на сиденье, счастливо захохотал, победоносно вскинув голову.

Ральф упал на землю, и тут же вокруг него заплясали лошади, норовя наступить на поверженного человека. Толстяк, закутав голову в пиджак, катался по земле, пытаясь увернуться от копыт. Вновь получив порцию ударов, в сравнении с которыми кувалда «слонихи» казалась мягкой лапкой, слегка погладившей его физиономию. А всадники гарцевали и гарцевали по кругу, не растоптав его только потому, что он был еще нужен.

«Господи, — взмолился Ральф, — пошли такие же страдания ублюдку Айро, поскольку он первая моя половина», — и потерял сознание.

«Фольксваген» мчался по долине мимо огромных валунов, деревьев, не разбирая дороги, то и дело подпрыгивая на ухабах.

Джоан вцепилась в руль мертвой хваткой, и если бы кто-нибудь попытался сейчас разжать ее пальцы, то потерпел бы поражение.

Она вжимала педаль в пол, глядя безумными глазами прямо перед собой. В ушах все еще звучали слова мерзкого толстяка: «Он просто заставил тебя поверить, что ты ему нужна». Нет, она, конечно, верила Джеку, но все же...

Два «джипа» остались рядом с конницей, а три бросились в погоню за беглецами.

— Быстрее, мы не должны дать им уйти, — орал Золо, хотя знал, что «уйти» тем некуда — впереди разлилась река.

«Жучок» врезался в густые заросли и теперь продирался, напрягая все свои маломощные силы, сквозь это зеленое море.

— Куда ты едешь? — спросил Джек.

— Куда я еду? — она повернула к нему голову и зло посмотрела в глаза.

— Откуда я знаю, куда мне ехать?

Джоан этого не знала. Мало того, она не могла понять, каким образом они вообще едут! Машина вдруг подпрыгнула, передние колеса на мгновение зависли в воздухе, и они, ткнувшись носом в камень, едва не перевернувшись, оказались в воде.

Волна окатила лобовое стекло, и девушка отпрянула назад, как будто река мокрой лапой хлестнула ее по лицу. Потом их подхватило течение и завертело, закружило, унося как щепку в то главное русло, в которое устремилась эта разлившаяся в сезон дождей река.

Мимо проносились валуны, затопленные деревья. Они торчали среди воды, пытаясь ухватиться корнями за землю как можно крепче. Машина все время переворачивалась, норовя ткнуться то в один, то в другой берег или вовсе повернуть против течения.

— Зачем ты крутишь руль? — спросил Джек.

Джоан ничего не ответила, но оставила баранку в покое. Теперь они могли хотя бы видеть, куда их несет.

И вдруг рев водопада, похожий на рев стада разгневанных слонов, ворвался в ровный шум воды.

Девушка посмотрела вперед, туда, где за тонкой кипящей полоской зияла пустота. Там ничего не было.

Что значит водопад, Джоан отлично знала. Во-первых, когда она писала романы, то смогла все это вычитать в справочниках, а во-вторых, час назад она уже имела честь познакомиться с ним. Но это было внизу, у подножия. А теперь...

— Что будем делать? — крикнула она Джеку.

— Прыгать, — тоже прокричал он и распахнул дверцу.

Страшно ли было ей, Джоан не знала. Она даже не задумывалась над этим. И славы богу! Потому что, подумай она в ту минуту, что придется выпрыгнуть из несущейся машины с шестидесятифутовой высоты, Джоан, наверное, даже не открыла дверцу.

— Прыгать, — крикнул мне Джек и ободряюще улыбнулся.

Глядя на него, я распахнула дверь, когда «фольксваген» уже висел над пропастью.

Молча выбралась на подножку... Внизу бесилась вода. Я зажмурилась и прыгнула. Все равно погибать! Но так был хоть какой-то шанс на спасение.

Не знаю, как я умудрилась не врезаться головой в какой-нибудь камень, которые торчали здесь через каждый фут. Не понимаю.

Вначале я захлебнулась, но вода вытолкнула меня, не приняв жертвы. И мое тело потащила чья-то сильная рука, а может быть, течение... Я ничего не знаю.

Когда, отплевываясь и задыхаясь, я ухватилась за огромный валун, торчащий у берега, казалось, что силы совсем покинули меня, и вырваться из этого бурлящего, кипящего плена мне уже не удастся.

Я обнимала гладкий камень, вцепившись в него руками, и загоняла внутрь слезы, рвавшиеся из глаз.

Все. Я снова одна. Боже милостивый, что же делать? Джек, наверное, разбился или утонул, а я даже не знаю, смогу ли сделать хоть несколько шагов, чтобы выбраться на берег. И если даже выберусь, что дальше?

— Эй, Джоан Уайлдер! — донеслось до меня с того берега, и я узнала его голос.

Джек ухватился руками за колючие ветки кустов, торчащих из воды, и чуть не взвыл от боли. Дерьмо! Он подтащил тело, ставшее непослушным и тяжелым, к самой кромке пенящегося потока и, сплевывая хрустящий на зубах песок, пытался выбраться на берег.

Ноги скользили по гладким камням, в желудке плескалась вода, голова гудела. Он — таки умудрился поцеловаться с какой-то глыбой. Но рука продолжала сжимать пакет с «Эль-Корозоном»!

Наконец, измученный, он швырнул себя на валуны.

Джек отряхнулся, как собака после купания, и тут же стал оглядываться, пытаясь найти в мутной воде или на берегу Джоан.

Никаких следов. Он точно знал, что попал на берег с той стороны, где прыгала девушка. И если она жива, то должна быть где-то здесь... Нет...

И вдруг, на другом берегу, валун зашевелился, и Джек увидел еще стоящую по колено в воде Джоан. Радостный вопль вырвался из его глотки, перекрывая грохот водопада. Руки взметнулись вверх, и он чуть снова не попал в беснующийся поток, отпустивший свою добычу.

— Эй, Джоан Уайлдер! Какое спасение! Какой побег! — орал он, задыхаясь от счастья, что она уцелела.

Я даже не оглянулась! Конечно, было прекрасно, что Джек выбрался. Эта мысль придавала мне сил, и я смогла сделать несколько шагов, правда, все еще цепляясь за глыбу. Но то, что он уплыл на тот берег, когда я, как дура, выгребла сюда, чтобы оказаться рядом с любимым, было предательством.

— А я думал, что ты утонула, — продолжал он радостно орать, и мне захотелось вlepить ему оплеуху.

— Я утонула, — процедила я сквозь зубы и повернулась к нему лицом.

— С тобой все в порядке? — физиономия его сияла.

Вдруг Джоан закричала, размахивая руками, и Джек понял, что она цела и невредима, и даже оправилась от «полета» и холодной ванны.

— Ну конечно. Все прекрасно! Все великолепно! — вода ручьями стекала на камни, и я ощущала себя мокрой тряпкой, которую вывесили не отжимая.

— Только ты на том берегу! — проклятые слезы снова просились наружу, и я покрепче стиснула зубы.

— Ну что же делать? Я же не могу перейти через всю реку!

Бешенное течение несло камни, какие-то коряги, закручивая их в водоворотах, мусор и щепки разбитых бревен. Все это, конечно, трудно было обойти по валунам, которые лежали на дне.

— А что теперь делать? — спросила я.

— Радоваться. — крикнул Джек, шлепая себя ладонями по бедрам и снова поднимая руки. — Как что делать? — он понимал, что девушка даже не подозревает, насколько близко они подошли к окончанию этого фарса, называемого жизнью! — Мы только что упали вниз с водопада!

Джоан вдруг уперлась кулаками в бедра и стала похожа на обыкновенную бабу с рынка. Голос ее звучал сварливо и зло.

— Да, конечно. Все из-за тебя.

Если бы ему не пришла в голову эта дурацкая идея с поиском сокровищ, они давно бы уже вернули злополучную карту и забрали Элейн. Но Джеку нужно было найти «Эль-Корозон», будь он проклят!

Она вспомнила толстяка: «Все мошенники так делают... Он просто заставил тебя поверить, что ты ему нужна». Они занозой торчали в сердце, и избавиться от них было совсем не просто. А как он стащил у нее карту! Как подлый мелкий жулик! И не в силах справиться с гневом, закипающим в ней, Джоан закричала отчаянно, стараясь заглушить эти мысли:

— Я знала, что тебе нельзя верить! Я знала! — надежда умирает последней, и девушка ждала, что он опровергнет ее слова, и, может быть, придумает, как им снова соединиться.

Джек остолбенел. Ее слова больно хлестнули его. Что он мог сказать в свое оправдание, находясь по другую сторону бурлящего потока, спасаясь от погони. «Я люблю тебя? Полный маразм!» — подумал Джек и хмыкнул, поджав губы, не находя тех единственных нужных ей слов. Пробовать здесь перебраться — безумие. Может быть, ниже, где река выйдет на простор из своего каменного ложа, он сделает это, а здесь исход попытки однозначен.

— Как называется эта гостиница в Картахене? — крикнул он.

— Гостиница «Картахена». А тебе-то что? — она ЕМУ НЕ ВЕРИТ!

— Хорошо! Иди по направлению захода солнца! Я там буду ждать тебя, — Джек махнул рукой, показав направление. — Ну, да, конечно, — интересно, он считает ее полной идиоткой? — Как же моя сестра?

— Ну, они про это не знают, — он поднял пакет над головой. — Карта-то у тебя!

— А у тебя камень! — он же говорил, что нужно иметь ЭТО, чтобы торговаться с ними!

— Да...

Бгам, бгам, бгамбгамбгам, — камни у их ног разорвались фонтанчиками осколков.

Они вскинули головы.

Там, на краю обрыва, застыла целая свора солдат с автоматами, из которых вырывались красные языки пламени.

Джек и Джоан на секунду растерялись. Он первым пришел в себя и стал отступать к зарослям, успев крикнуть:

— Встретимся там! Верь мне! Верь! — и нырнул под защиту валуна.

Она еще стояла, втянув голову в плечи, плохо соображая, почему до сих пор жива и что же теперь делать дальше.

— Что? — отчаянный крик догнал Джека, и он остановился.

— Я буду там ждать тебя! Ты должна мне верить!

Солдаты все стреляли, хотя беглецы уже исчезли в густой зелени.

Сегодня кто-то помогал им. То ли Гея, у которой они побывали в гостях, то ли Афродита *note 17* встала на защиту своих избранных.

А солнце все так же оранжевым шаром высоко висело в голубом небе, птицы продолжали заливаться громкими голосами. Природе не было дела до человеческих страстей, так безобразно ворвавшихся в этот уголок и посягнувших на ее покой.

Это удивительный город!

Столько прекрасных дворцов, церквей, монастырей, уникальных зданий, крепостей, что их с избытком хватило бы на десяток других городов! Он весь был пронизан солнцем. Ярко-желтый камень ракушечника, из которого выстроены дворцы и монастыри, светился под его лучами. Другие дома поражали белизной, а красные черепичные крыши придавали им нарядный и даже кокетливый вид.

Золотые купола церквей сияли тут и там, как огромные золотые чаши, смотрящие доньшками в небо.

Разные балкончики, причудливые решетки на окнах, изукрашенные порталы делали Картагену похожей на город их восточных сказок.

А если еще добавить, что все это великолепие раскинулось на островах, перешейках, среди голубых заливов, лагун и протоков, то можно легко понять, почему Картагену справедливо называют «Латиноамериканской Венецией».

Город встретил Джоан звоном колоколов и дробью ударных инструментов, на которых там и тут белозубые чикано отстукивали «бамбуко», «фандаго» и другие танцы.

Маленький чистильщик пристроился рядом с музыкантами под роскошной пальмой и весело надраивали ботинки горожан.

Та-та-та-тата, — разливалась дробь.

Вжик-вжик-вжик-вжиквжик, — мелькали щетки в детских руках.

Желтые, красные, лиловые, синие, оранжевые рубахи и блузы пестрели на улицах, сливаясь в праздничный букет и снов распадаясь на отдельные цветы.

Здесь продолжался праздник. Черные, белые, мулаты, метисы, индейцы — все население вышло на улицы. Кто-то пританцовывал под звуки уличного джаза, кто-то пел, кто-то пил — каждый развлекался, как мог.

Но все без исключения с удивлением оглядывались на белую женщину в обтрепанном наряде, с перепачканной физиономией, грязными ногами и руками, где, кроме того виднелись синяки и ссадины, которая, оглядываясь, проходила по улицам, так не вписываясь в эту праздничную толпу. На плече у нее висела сумка, и она придерживала ее рукой, как будто кто-нибудь мог позариться на этот побывавший в помойке мешок.

Парни, весело скалясь, указывали на нее пальцами, подталкивая тех, кто отвлекался на что-нибудь другое, чтобы и те могли полюбоваться на это удивительное зрелище.

Джоан не обращала на них внимания. Она проходила сквозь толпу, краем глаза отмечая хохочущие физиономии, но мысли ее были далеко.

Ей было не до них и не до красот Картахены. Где-то здесь, в плену у бандитов, ждала ее помощи Элейн.

Солнце уже начинало опускаться в море, когда она добрела до гостиницы.

Конечно, первое, о чем я спросила у портье, это о Джеке — рядом с ним мне было все-таки легче. Но он не появлялся. Да и не появится, наверное. Зачем? Он получил то, что хотел, и какое ему теперь дело до моих проблем. Такой же негодяй, как все мужчины!

Так что, дорогая моя, придется рассчитывать только на себя.

А вдруг с ним что-нибудь случилось? Эта мысль обожгла меня, впиваясь острыми иглами в мозг и сердце.

Как он кричал: «ВЕРЬ МНЕ! Ты должна мне верить!»

А там все-таки стреляли... Может, Джек лежит раненый или убитый (не дай бог!), и никого нет рядом, чтобы помочь ему. Я едва сдержала стон. Тьфу! Не накликай лихого, пока тихо! — пыталась приструнить я разгоряченное воображение. Но оно сопротивлялось, как непослушное дитя, вырываясь из пеленок, в которые укутывает его мать.

Какой черт тихо!!! Ладно.., об этом потом. А сейчас главное — Элейн.

Я набрала нужный номер, и «там» тотчас сняли трубку. Айро уже не мог видеть девку, которая сидела напротив него бледная, с совершенно отупевшим выражением лица. Конечно, пока ее идиотка-сестричка где-то мотается, ему приходится развлекать бледную мымру, которая вот-вот грохнется в обморок. И кретин Ральф не подает признаков жизни. Хоть бы позвонил, мешок с дерьмом! Автобус уже давно пришел, а эти как сквозь землю провалились!

И тут, словно угадав его настроение, затрещал телефон.

Это была ОНА!

— Так, наконец-то вы здесь, да? — сказал он ехидно, глядя в испуганные глаза девицы, сидевшей напротив. — Карта у вас?

— Да, у меня. Я хочу поговорить с Элейн.

— Нет. Вы не можете поговорить с ней, пока я не получу карты, — мстительно ответил Айро, наслаждаясь растерянной паузой, которая повисла после его отказа. Интересно, что она

подумала? Небось, трясется там за жизнь сестрички. — Ну ладно, посмотрите в окно, — Айро увидел напряженное лицо Джоан — его катер стоял в нескольких метрах, у причала, и из рубки прекрасно просматривались все окна, выходящие на бухту. — Видите, там, на другой стороне залива, башня, — он подождал, пока она не увидела ее, и предложил. — Возьмите катер, пускай он отвезет вас туда. Мы встретимся через два часа. Только приезжайте одна. И без фокусов!

Башня показалась мне не совсем удачным местом для встречи.

В лучах заката она выглядела довольно мрачно. Толстые каменные стены ее окрасились в багровый цвет, и длинная черная тень, которая протянулась от подножия, лежала на воде, как огромная клякса.

Но у меня никто не спрашивал о моих ощущениях, и я знала, что ехать придется именно туда и именно одной.

На всякий случай я набрала еще раз номер дежурного администратора. — Алло? — проворковала трубка.

— Джек Коултон живет в гостинице? — жалко спросила я.

— Нет. Не живет. Вы спрашивали две минуты назад! — в голосе зазвучали металлические нотки, и я поняла, что больше туда уже позвонить не смогу.

Ну ладно, Джек Т. Коултон. Прощайте.

Катер «Орго», стремительно пересекая залив, приближался к крепости. Солнце совсем почти погрузилось в морские волны. И только краешек ярко-багрового диска окрашивал косыми лучами возвышающиеся длинные стены и башню мрачного сооружения.

вернуться

Note17

греческая мифическая богиня. Обладала космическими функциями мощной, пронизывающей весь мир любви.

Торчащие зубцы, казалось, были залиты кровью замученных там жертв.

Военные с автоматами у бедра расположились вдоль всего берега. А на верхней площадке, на фоне черного неба, застыла Элейн в белом платье. Ветер развевал ее белые локоны и рвал подол юбки. Рядом с ней стоял полковник в черных перчатках и с неизменной сигарой в зубах.

— Отдай карту, или ты умрешь, — процедил он сквозь зубы.

— Я не знаю, где она! — гордо ответила женщина и взглянула ему прямо в глаза.

Полковник подошел к ней, и подлая рука протянулась к нежному подбородку Элейн. Он взял его двумя пальцами и приблизил свое мерзкое лицо к бледному лицу женщины. Сигара светилась зловещим огнем на уровне глаз.

— Как ты хочешь умереть, Элейн? Медленно, как луч заката, или быстро, как птица, настигнутая в полете?

— Не смей прикасаться к ней! — закричала я, легко взбегая по узкой лестнице.

Он выпустил сестру и обернулся на мой крик. Это был страшный человек. Мало того, что он преследовал меня в самолете, угрожая взорвать его каждую минуту; грозил пристрелить у автобуса; гонялся по джунглям с целой сворой бандитов, стреляя в нас, как в загнанных зайцев; чуть не убил, заставив влететь в реку; по его вине мы едва не превратились в кровавое месиво, выпрыгнув из машины в кипящий водопад; косил пулями на берегу; ему этого было мало! Негодяй грозил смертью ни в чем не повинной Элейн, точно зная, что карта находится у меня!

Я подлетела к монстру и протянула карту.

— Вот! Возьмите.

Громкий хохот рванулся к небу, и он вырвал у меня заветный листок. Вдруг...

Торжественный треск барабанов и звуки флейт загнали это ржание ему в глотку. Он вздрогнул, и я поняла, что к нам пришло спасение.

В проемах башни возникли индейцы с луками. Стрелы их были угрожающе направлены на это животное с сигарой во рту.

— Эгей! — раздался боевой клич, они впрыгнули на площадку, окружив живым кольцом жертву и палача.

Барабаны и флейты звучали все громче. И вот по ступеням поднимаются король и жрецы. Их пышные одеяния переливаются всеми цветами радуги, над головой развеваются пестрые султаны.

Мы стояли с Элейн, крепко прижавшись друг к другу.

— «Эль-Корозон» принадлежит нам! — король вышел вперед, величественно протянув руку. — Это «Сердце» белого бога Кукулькана, которое он оставил здесь, покинув нашу страну.

Бгам-бгам-бгамбгам, — загрохотали выстрелы внизу под башней. Это солдаты заметили, что крепость захвачена индейцами. Первая шеренга повалилась, окрашивая кровью зубцы и стены башни.

Вж. Вж. Вж, — стрелы обрушились на охрану смертоносным ливнем. Оставшиеся в живых мстили за мертвых.

Началась великая битва.

Индейцы прыгали между выступами с ловкостью обезьян. Солдаты залегли, но крик полковника оторвал их от земли и бросил в атаку.

Это была их трагическая ошибка. Они рвались вверх по лестнице и падали, сраженные отравленными стрелами, один за другим. Трупы скатывались вниз, закрывая путь остальным, которые напирали сзади, цепляясь за липкие от крови ступени.

Сколько это продолжалось, трудно сказать.

Наконец, все было кончено.

Полковник погиб последним, так и не выпустив карты из мертвых рук.

Мало кто уцелел в страшной битве. Только спрятавшиеся за каменный выступ — король, жрецы и мы с Элейн.

— Огромное вам спасибо, ваше величество, — я поклонилась королю. — С вашего разрешения, нам пора.

Один из жрецов нагнулся, выхватил из оцепеневших рук злодея карту и протянул королю. Тот прижал ее к груди.

— Пойдите, скво. Вы возвратили нам наше сокровище и теперь вам будет оказана великая честь. Сегодня на рассвете вас принесут в жертву во славу Бога Солнца, пославшего нам победу над вероломными и подлыми захватчиками.

— Но, ваше величество...

— Это великая честь, — прервал он мои возражения. — Итак, с первыми лучами солнца вас отправят к Богу, в страну вечной юности, вечной любви и вечного покоя, — он повернулся к жрецам, и те закивали своими пышными султанами.

Господи, я не хочу этой чести! -К черту! Пускай ее удостоится кто-нибудь другой! Вон этот толстый жрец с подбитым глазом!

Но сопротивляться было бесполезно.

Какая страшная штука жизнь! Вырвать нас из лап злодея, чтобы тут же оказать «великую честь»!

...Мы с Элейн стояли в проеме, между окровавленными зубцами башни, и вглядывались в мрачные волны залива. Как только их коснется розовый луч, нас... Страшно подумать.

А на том берегу веселились люди, ничего не подозревая о призраках, восставших из небытия.

Город кипел, как улей. Дома светились рекламами и иллюминацией, слышалась музыка, проносились машины, по набережной гуляли влюбленные пары.

Небо из черного стало серым. Вот оно уже чуть порозовело. Еще немного, и проклятое светило выползет из моря.

Я никогда даже не подозревала, что можно так ненавидеть солнце.

И вдруг я услышала знакомый шум.

На набережную ворвался какой-то «джип», сметая все, что попадалось ему на пути.

Это был «Пе-Пе»! Наш «маленький мул»! Он подъехал к причалу, и мост Лупэ повис над заливом, вытянувшись стрелой почти к башне.

Машина взревела и понеслась по стальной полосе. Верх был откинут, и я сразу увидела...

За рулем, растянув прекрасную смуглую физиономию в широкой улыбке, сидел Хуан-звонарь. А

рядом стоял Джек. В руке, протянутой к небу, он сжимал «Эль-Корозон», как будто возвращая Богу его сердце. Ветер разведал их волосы, одинаково играя черными кудрями Хуана и золотой гривой Джека.

Оттолкнувшись от спружинившей стрелы, «маленький мул» птицей взвился над заливом, пролетел над башней...

Мы с Элейн разошлись, и сильные руки, подхватив нас на лету, втащили в машину.

Король и жрецы взревели, потрясая кулаками и жезлами, но мы плавно пронеслись над башней и опустились на лугу Хуана. Сразу на все четыре колеса.

Джек сжимая меня в объятиях, словно боялся снова потерять, и тихо шептал:

— Я же говорил тебе, что мы встретимся! Ты должна мне ВСЕГДА ВЕРИТЬ!

А Хуан-звонарь, сверкая белозубой улыбкой, хлопал меня по плечу, не уставая повторять:

— Ах, Джоан Уайлдер. Ах, сеньора. Хуан-звонарь должен прочитать следующий шедевр о прекрасной Анжелине, — и, повернувшись к Элейн, которая никак не могла оправиться от потрясения, добавил:

— Какая писательница, а! Я все ее романы читал! Вы слышите, сеньора?

— Вы слышите, сеньора? Мы прибыли! — сказал капитан, удивленно уставившись на женщину, которая, улыбаясь, застыла у борта.

Господи, подумала я, значит, все испытания еще впереди.

Но видения укрепили дух мой, и я шагнула в неизвестность, чувствуя прилив сил и решимость сражаться до конца.

Катер ткнулся в причал, который был расположен у подножия крепостной стены. Джоан спрыгнула на каменные плиты и услышала, как взревел двигатель. Она оглянулась. «Орго» дал задний ход и ушел, оставив ее одну в этом мрачном месте.

Рядом, метрах в двадцати от берега, застыл какой-то корабль. Красный цвет его напоминал цвет крови, и весь он оцетинился пушками, направленными на крепость. Ни дать ни взять — пиратская шхуна!

На верхней палубе застыли две фигуры с автоматами. Один человек был одет в костюм цвета хаки, а другой — в пеструю ковбойку, шорты и сомбреро, как будто он только что явился с карнавала. «Карнавальный парень» что-то сообщал кому-то по радиации, небрежно сдвинув в сторону оружие, болтавшееся на ремне.

И тут грохнула пушка, салютуя гостье, прибывшей по приглашению владыки этой земли.

Джоан вздрогнула и повернулась к крепости. Пора, подумала она и огляделась. Нет, ее фантазия не могла сравниться с этой явью.

Угрюмые стены тянулись в обе стороны, казалось, бесконечно. И даже сверкающая внизу иллюминация не делала их более радостными. Наоборот, только подчеркивала мощь каменного

нагромождения, да высвечивала трещины, которые, как морщины, выдавали их древний возраст.

Провалы бойниц глядели на меня холодно и безучастно. Огромная арка зазывала поднятой решеткой, гнилыми зубами торчавшей в распахнутой черной пасти крепости.

Сердце наполнил ледящий холод, тоска и дурные предчувствия. Как курильщик опиума, очнувшись от своих грез, я вернулась в жизнь с ее неприкрашенным уродством.

Словно шагая по раскаленным углям босиком, я вошла через эти ворота внутрь сооружения и только теперь оценила величие и размах древних строителей.

Стены были такой толщины, что никаким ядрам и снарядам с ними не справиться. Весь двор выстелен каменными плитами. Он был таким огромным, что казался бесконечным.

Сама крепость состояла из множества аркад и переходов, в которых запутаться случайному человеку ничего не стоило. В центре ее возвышалась та самая башня, где я уже сегодня «побывала» с Элейн, и откуда нас освободили таким чудесным образом.

Слабые красноватые отблески в одной из арок заставили меня приблизиться к ней, и я увидела в глубине чашу, в которой пылал огонь, мрачно освещающая тяжелые своды.

Медленно оглядываясь по сторонам, пытаюсь уловить хоть какое-то подобие присутствия здесь живых людей, а не только призраков средневековья, вошла я в крепость.

Как бабочка летит на свет, приближалась я к факелу, минуя одну арку за другой. У развилки я застыла, не зная, куда повернуть.

— Сюда! — прогремел чей-то голос, отозвавшийся эхом в каменной ловушке.

Я вздрогнула и остановилась. Мне показалось, что прогрехотал мощный раскат грома. Сейчас сюда ударит молния, и я навсегда останусь здесь, погребенная под каменными глыбами. Но я взяла себя в руки, глубоко вздохнула затхлый воздух, просчитала в уме до пяти и послушно повернула в нужном направлении. На стенах нового коридора торчали факелы, разрывая бледным светом густой мрак, обнажая грязные пятна обвалившейся штукатурки.

«Не бойся, я с тобой», — вдруг подмигнул мне желтым глазом фонарь Джека, вспыхнувший в моем напряженном сознании. Видение было таким ярким, что я замерла.

— Стойте здесь, — приказал невидимка, хотя я и так уже стояла. — Покажите карту!

— Где вы? — крикнула я.

Фонарь снова подмигнул мне. Он светил все ярче, как там, в пещере, когда мы искали «Эль-Корозон».

— Покажите карту! — настойчиво повторил невидимка.

— Покажите Элейн! — голос мой прозвучал довольно твердо.

Из-за колонны, очевидно, из другого хода, чья-то рука вытолкнула мою сестру. Бледная, с растрепанными волосами, в черном траурном костюме, она казалась местным привидением.

— Джоани! — ее отчаянный крик ударил меня в грудь.

Я ободряюще кивнула ей, и Элейн тут же втащили обратно.

— Бросайте карту и идите назад.

Она жива, и это главное. Теперь мы поборемся!

Я ждала этого ублюдка, убийцу и похитителя женщин.

Руки мои дрожали. Я рванула «молнию», за ней другую, извлекла карту, развернула и подняла перед собой.

Широким твердым шагом из-за колонны вышел он...

О, боже!.. А это еще кто такой?

Длинный хлыщ с лысым черепом, на котором топорщились тараканьи усы, подошел и вырвал карту из моих рук. Похоже, за «Эль-Корозоном», действительно, охотилась вся Колумбия!

За ним шли двое. Подручные бандиты, крепко сжимающие своими клешнями руки безвольно обмякшей Элейн. Голова ее моталась, но она как-то умудрялась смотреть на меня жалобным взглядом виноватой собаки, которую должен поколотить хозяин.

— Если это ненастоящая карта, если вы решили обмануть меня... — угрожающе произнес он, опустив со лба на глаз лупу часовщика и вставив в рот, как сигару, маленький узкий фонарь с направленным лучом.

Он изучил все о-о-очень внимательно. Все надписи. Все линии... Вынул фонарь, вытащил увеличительное стекло, сложил карту, сунул в карман и медленно, глядя мне прямо в глаза взглядом змеи, произнес:

— Джоан Уайлдер.., вы.., и ваша сестра... — как хороший актер, он выдержал паузу и вдруг рывкнул:

— Свободны! — и заржал, оскалив желтые лошадиные зубы, светящиеся в красном огне на длинной физиономии. И, подпрыгивая от радости, он удалился.

Хотелось бы мне посмотреть, как он будет ржать и прыгать после того, как побывает в пещере! Наверное, проглотит свои клыки от злости!

— Джоани! Элейн! — наши крики слились в единый вопль, и мы бросились друг к другу.

Нам многое нужно было рассказать о наших приключениях, но не здесь же!..

Мы повернулись и, все еще не в силах отлепиться друг от друга, направились к выходу из этого страшного места.

Бгам, бгам, бгамбгамбгам... Пули вгрызались в каменные плиты у наших ног, откалывая куски гранита, и они брызнули в стороны.

Мы отпрыгнули назад, успев уклониться от осколков, и застыли, уставившись широко открытыми глазами на...

Прижавшись плечом к каменному углу поворота, стоял Джек Т. Коултон.

Блики факела плясали на его бледном лице, губы были плотно сжаты, и мне показалось, что от уголков рта к подбородку спускаются две горькие складки.

— Мы разминулись в гостинице, — сказал он, посмотрев мне в глаза. — Мы все разминулись, — добавил он, немного помолчав, и тут два солдата вытолкнули его прикладами в центр, и он оказался прямо напротив факела.

Я узнала этих ублюдков! Нет, не их лица, а форму, которая стала мне ненавистной за эти два дня.

За нашей спиной послышался шум. Мы оглянулись.

С другого конца аркады выдвинулись еще несколько бандитов в форме, с автоматами у бедра.

Из арки, куда только что ускакал жизнерадостный «кузнечик» с лошадиной мордой со своими адъютантами, державшими Элейн, появились солдаты, пинками и прикладами гнавшие наших мучителей.

Выражение ужаса застыло на лицах подручных «лошади», да и сам он больше не «ржал».

Ну как, нравится? — подумала я злорадно, глядя на их растерянные физиономии. Не рой другому яму...

Айро ничего не мог понять.

В чем дело? Какого хрена эти выродки здесь делают? Кто сказал им о крепости, и как мои мальчики могли пропустить их? Говнюки! Нет, наверное это произошло, когда я разговаривал с девками. Это же надо так обос..тись! Кто-то должен был остаться на связи! Точно, это дела ублюдка Золо!

И тут, четко чеканя шаг, появился тот, кого я ожидала встретить здесь с самого начала. Жив, мерзавец! — подумала я и вздрогнула, то ли от холода, то ли от ненависти.

— Ну вот еще! — заорал лысый, хорохорясь. — Сколько народу пришло!

Золо ослабился. Вот все птички и собрались в одной клетке! Он вдохнул дым сигары и ощутил себя счастливым. Почти. Сейчас они трясутся от ужаса перед ним и его парнями. Да вас бы уже наружу вывернуло, если бы хоть на секунду могли представить, что произойдет через несколько минут, если камень не будет у меня в кармане!

Легенда об «Эль-Корозоне» была почти забыта, когда ему донесли, что какой-то американос приобрел карту, и якобы кто-то даже видел у него сокровище древних предков. Золо, конечно, не поверил этому бреду. Но один из его парней съездил в то селение, где, по слухам, шустрил археолог, и все подтвердилось. Но когда схватили мерзавца, камня у него уже не было. Сокровище он положил, видите ли, на место, а куда подевалась карта, выяснить было не очень сложно.

Но теперь, он знал это точно, «Эль-Корозон» у кого-то из этих. А тот лысый ублюдок схватил бумажку и счастлив. Придурок.

Сияя белозубой улыбкой, полковник выхватил из нагрудного кармана «лошади» желтый лист, при одной мысли о котором тот совсем недавно захлебывался от восторга, и поднес пергамент к факелу... Вожделенная реликвия мгновенно вспыхнула синим пламенем... Золо повертел этой

«жар-птицей» перед носом моего недавнего врага, осветив его рачьи глаза и отвисшую до пола челюсть, потом швырнул обуглившиеся останки на камни.

Мать твою! Да он спятил!!!

Айро дернулся, но дуло автомата больно ткнуло его в ребра и вернуло на место. Как загипнотизированный, он поворачивал голову, лоя расширившимися глазами каждое движение рук Золо. Словно в страшном сне, видел он огонь, пожирающий миллионы долларов и, заодно, его бедное сердце.

— Эта карта ничего не стоит. Камень уже у них, — сказал полковник, отвечая на немой вопрос Айро, и, прищурившись, посмотрел на золотые искры догорающего пергамента.

— Сволочи! Подонки! Засранцы! Ублюдки! Суки! А теперь чего им надо? Скоты! — по-английски бормотал Ральф, едва успевая прикрывать голову уцелевшей рукой.

Он получал очередной удар прикладом или пинком ногой и снова ругался. Наконец, солдат врезал ему коленом под зад, и он влетел в помещение. Перевернувшись несколько раз на каменном полу, толстяк растянулся у ног Джоан Уайлдер.

Сделав над собой усилие, он приподнялся на здоровой руке и с ненавистью посмотрел на недоноска Айро. Мать твою! Все из-за тебя, сукин сын!

Господи! Ну и видок! Его физиономия была сплошным синяком! Она светилась всеми цветами радуги! Синий переходил в зеленый и желтый, а те, в свою очередь, в фиолетовый и лиловый. Из носа струилось что-то красное, возможно — кровь. Хотя.., кровь, наверняка, там присутствовала. Одна рука была на перевязи, другой он упирался в пол. Мне на минуту даже стало его жаль.

— Я держал камень в руках! — зашипел Ральф, подняв голову к скотине Айро. Этот урод молча таранился, ничего не понимая. «А на его роже нет ни одного пятнышка», — отметил коротышка, и гнев снова захлестнул его.

— В этих самых руках, которыми я переломаю тебе все кости! Понял? — он попытался подняться, чтобы приступить к исполнению своей угрозы тотчас, но взгляд наткнулся на черное дуло «кольта» Золо, который тот держал у разбитого лица толстяка. — Потом! — добавил он и осел.

Мать твою! Даже этого нельзя! Всю жизнь мне ничего нельзя, а ублюдку Айро — можно!

Я смотрела на Джека, пытаюсь угадать, что мне делать дальше. Но пока ничего понять не могла!

Господи, неужели эти мучения никогда не кончатся? Элейн еще крепче вцепилась в Джоан.

Бедная девочка... Но мы должны молчать. Пока камень у нас, они нам ничего не сделают! С ними можно торговаться!

Джек посылал ей сигналы, сосредоточив на этом всю волю, но они, кажется, не доходили. И все-таки, он надеялся, что эта умница сообразит все сама.

Золо снова затянулся, вынув сигару изо рта и подошел к Джоан.

— Где он? — ему надоела игра в бирюльки.

— Я не знаю, — Джоан не лгала. Она действительно не знала, где сейчас «Эль-Корозон», а Джек молчал, значит, и она не должна отвечать на эти вопросы.

— Где камень? — сквозь зубы повторил вопрос Золо, все еще пытаясь улыбаться.

На девушку пахнуло могильным холодом от этой улыбки.

— Я не... — она посмотрела на Джека. Тот стоял, сцепив зубы, напряженно глядя в сторону — он все посылал ей приказы. — Мы копали, но ничего не нашли, — она лгала не очень убедительно.

Мать твою... Даже я бы ей не поверил. Все порядочные люди владеют этим искусством с пеленок. Ральф с сожалением посмотрел на Джоан Уайлдер. Чем дальше, тем больше он уважал ее, но это был большой недостаток. Надо же! Не научиться до сих пор врать! Интересно, среди кого она там живет?

Жуткий рев нарушил эту идиллию. Голодные крокодилы требовали очередной порции своей пищи.

Айро с ненавистью взглянул на Золо. Из-за этого ублюдка его питомцы до сих пор не кормлены!

А все этот гребаный Ральф. Проклятый неудачник! Мало того, что ни хрена не смог сделать, выполнить поручение, с которым справился бы и десятилетний пацан, так он еще привел сюда этого убийцу.

Теперь нам всем как-то. Если, конечно, не случится чудо.

Крокодилы снова заревели, не понимая, где же их, кормежка, в конце концов.

Золо отошел от девушек. Взгляд его стал напряженным. Губы растянула зловещая улыбка. Он сверкнул зубами, молча кивнул солдатам на пленников и направился к выходу.

Джоан окаменела. В его зрачках она заметила безумные огоньки, которые постепенно разгорались в костер. Языки пламени рвались наружу, обжигая всех, кто сталкивался с этим жутким взглядом.

Господи, да он же сумасшедший! Ей показалось, что рядом с ней только что стоял сам дьявол. Или это уже она сходит с ума?

Их выволокли во внутренний двор, в центре которого был ров, кишачий голодными крокодилами.

Впереди, походкой человека, который точно знает зачем и куда идет, шагал Золо. Всех остальных, толкая прикладами, вела его банда. Джоан за руку тащил грузный солдат, и она шла, не понимая, какой дикий замысел созрел в одурманенной наркотиками голове.

Ночь была тихая. Пальмы молчаливо смотрели на людей, которые столпились под ними. Этим гордым красавицам не было дела до возни двуногих, отлично усвоивших только одно — умение уничтожать друг друга.

Золо подошел к неглубокому загону, где обычно кормили животных. Те вскинули головы и смотрели на человека, ожидая своей порции мяса. Полковник снова усмехнулся: «Подождите, скоро вы получите жратвы вдосталь». Он поправил белый шарф, который носил под кителем, и вернулся к Джоан. Бросил свой «кольт» солдату, взял у него руку девушки и крепко сжал ей запястье.

Этот псих вцепился в мою руку и провел рукояткой ножа по волосам, как бы лаская их. Он сделал еще затяжку и выпустил вонючий дым прямо мне в лицо.

Я боялась пошевелиться. Мало ли что может сделать сумасшедший. Омерзение росло у меня в желудке, раздуваясь в огромный тяжелый шар. Я чувствовала, что еще немного, и оно вырвется наружу. Хорошо, что я с утра ничего не ела.

— Крокодилы плачут, когда поедают своих жертв, — раздался его вкрадчивый голос.

И тут я услышала сухой щелчок.

О, я прекрасно знала этот звук. Сколько раз в романах Анжелины нажимала кнопку, и пружина мгновенно выбрасывала острое длинное жало клинка! Но это был не роман, и лезвие прошлось по моей шее. Ресницы мои дрогнули, но больше я ничем не выдала ужас. Главное, чтобы этот скот понял — его не боятся.

Он, очевидно, уловил движение ресниц. Огонь в его глазах загорелся ярче, «мексиканец» притянул меня ближе и продолжил, вытянув мою руку:

— Вы, наверное, слышали об этом. Но видели ли хотя бы раз?

С этими словами он приставил нож к моей руке и медленно, словно боясь провести кривую линию, сделал глубокий надрез на тыльной стороне ладони. Потом приподнял ее и продемонстрировал всем, будто на уроке биологии, как на коже медленно зазелели пятна крови.

Господи, этот негодяй может сделать с Джоан то, что сделал с бедным Эдуарде.

Элейн рванулась, но ее остановил солдат ударом приклада.

— Прекратите! — заорал Джек и замотал головой. Дуло «узи» ткнулось ему в висок. Здоровенный детина, охранявший его, хорошо знал свое дело.

Что делает этот убийца! Хренов полковник! Ненормальный!

Ральф дернулся и тут же поднял здоровую руку. Ему автомат приставили к животу.

Надо же, какая скотина! — Айро покачал головой. Он даже не пошевелился, так и замерев с поднятыми, руками.

Золо тащил Джоан ко рву, помогая себе стилетом. Все стояли, окаменев. Кроме Элейн. Она качалась на ослабевших ногах, ставших вдруг ватными, готовая в любую минуту потерять сознание. Он держал мою руку над грязной водой, в которой копошились отвратительные зубастые твари. Почуввав кровь, которая вначале капала, а потом начала стекать тонкой струйкой, они собрались в одну клацающую массу, оттирая друг друга, пытаясь подползти как можно ближе, и ухватить желанный кусок. Какой-то полосатый мерзавец полез по своим сородичам и разинул огромную пасть, норовя цапнуть меня за руку.

— Какие зубки! — услышала я за спиной восхищенное восклицание «лошади».

Ральф с ненавистью зыркнул на Айро. Если бы не обстоятельства, он бы точно удавил этого идиота!

— Ну, говорите, где «Эль-Корозон»? — Золо опускал руку девки все ниже. — Где «сердце»? — эта сука должна заговорить! — Где камень?

— Отпустите ее! Слышите?! Она не знает, где камень. Он у меня.

Все лица мгновенно повернулись к Джеку. Его всего трясло, как в лихорадке. Он понимал, что этот ублюдок способен на все.

Золо продолжал держать руку девушки у пасти крокодила. Ноздри полосатого бандита жадно вдыхали знакомый приторный запах. Он начал злиться: сколько можно довольствоваться только запахом!

— Где он? — спросил Золо, чуть приподняв голову.

— В надежном месте! — Джеку очень не хотелось расставаться с «Эль-Корозоном». И если бы не Джоан., он лихорадочно искал хоть какой-нибудь выход, но его, кажется, не было. Сейчас главное, чтобы полковник оставил Джоан в покое, а там будет видно.

Ах ты дерьмо! Да ты сейчас мне принесешь его в зубах!

Золо оглянулся и уставился безумными глазами на парня, которого он точно скормит этим тварям. Ему вспомнилось все: и случай у автобуса, и джунгли, и смех, донесшийся из этой гребаной машины, и гонки у стелы. погоди, парень, потерпи еще немного.

Но он не увидел главного — СТРАХА, — который должен был испытывать каждый, повстречавшийся на его пути.

Золо резко повернул голову к солдату и кивнул. Молча. А зачем слова? Здесь все понимали друг друга с полукивка.

Взмах, и приклад врезался в «надежное место», как раз пониже живота.

— Ффффффффф. — Джек согнулся и замотал головой, вдыхая воздух, взорвавшийся в груди, чтобы не заорать от боли, чуть не сбившей его с ног.

— Ф-aaa! — выдохнула Джоан и рванулась из лап бандита, но тот сжал ее руку еще сильнее.

Элейн продолжала качаться.

Ральф и Айро, раскрыв рты, уставились на парня, который от боли, очевидно, тронулся.

Он медленно выпрямился, затем несколько раз дернул бедрами, потом правой ногой стал выделять какие-то замысловатые движения. Вначале медленно, дальше все быстрее и быстрее задергалось колено. И вот уже нога его поползла вперед, стала на пятку, а носок завибрировал.

Но вдруг они увидели, что под штаниной сползает вниз какой-то предмет. Наконец он достиг края, и на желтый ботинок медленно опустился огромный камень.

Амбал с автоматом осветил его фонарем и...

— «Эль-Корозон»! — ахнули все, не в силах отвести глаз от переливающегося светло-зеленого чуда. Камень искрился и сверкал, разбрасывая лучи, и оттого, что нога Джека все еще продолжала подрагивать, он казался живым, пульсирующим зеленым сердцем.

— Подавись, — презрительно бросил Джек и, сделав шаг, швырнул «Эль-Корозон»... — Ссссс
— просвистел он...

Все замерли... Зеленое чудо, прорвав широкие листья пальмы, летело прямо в крокодилье болото! Его провожали жадными взглядами, но.., у самой воды... «сердце» легло точно в черную перчатку Золо.

— Благодарю, — улыбнулся полковник и поклонился Джеку, продолжая держать руку там, где она остановила полет камня.

Огромная полосатая тварь, которую так долго дразнили запахом крови и чьими «зубками» не уставал восхищаться хозяин, распахнула пасть...

...Золо ничего не видел. Он наслаждался растерянным выражением лица этого ничтожества, проклятого американос, который вздумал тягаться с ним...

Через пять минут, парень, тобой поужинает этот симпатичный полосат...

Он не успел домечтать.

Челюсти сомкнулись чуть выше кисти, как бритвой перерезав разом и мясо, и кость. Крокодил, наконец, получил свой ужин.

— А-аааааааааааа!!! — жуткий крик вырвался из сведенной судорогой боли глотки. Глаза полковника выскакивали из орбит, жилы на шее напряглись, вздулись вены, лицо стало багровым, и он упал на колени, выронив стилет.

Охранники повернулись к орущему шефу, с ужасом глядя на кровавую культю, которую тот прижимал к груди.

ВВФФФ — тяжелый кулак опустился на челюсть амбала, и он стал заваливаться. Джек рванул на себя автомат, развернулся и тут же дал длинную очередь.

Бгам-бгам-бгамбгамбгамбгам, — лаял «узи», выплевывая пули вперемешку с огнем.

Пленники тотчас рухнули на камни. (Собственно, они бы сделали это и раньше, но не давали солдаты, все время поддерживая их автоматами.) Джоан быстро нагнулась и вырвала нож, торчавший из щели. Золо, продолжая выть, до крови искусав губы, от боли ничего не видел.

— Бегите! — орал Джек. Он уже отскочил за каменный барьер и оттуда поливал огнем солдат, укрывшихся за арками.

И вдруг... Бгамбгамбгам! Я не поверила своим глазам! Солдаты бежали в укрытие, а некоторые тут же сваливались, ткнувшись лицом в плиты.

На крепостной стене появились чикано, в пестрых одеждах, в немыслимых шляпах, с автоматами, поливающими злодеев!

Хотя, одни мерзавцы стояли других.

Но сейчас они были на нашей стороне! По крайней мере, Джек один бы не смог продержаться против этой своры. Хотя... Как знать.

И началась грандиозная битва!

Бгам-бгам-бгамбгам — и рухнул мерзавец в военной форме!

Бгам — и со стены повалился другой, в шляпе!

Но наши спасители были наверху. Они бгамкали и попадали в солдат гораздо чаще, чем те в чикано.

Весь двор крепости пропах порохом и дымом.

Это, конечно, гораздо лучше вони зубастой твари.

Джек был великолепен! Он стрелял, перебегая с одного места на другое. От каменного барьера к арке, потом к другой, и снова к каменной баррикаде.

Я уже чувствовала, что горжусь им больше и больше, и снова любила его.

— Уходите! Уходите скорей! — кричал Джек, видя, что Джоан снова о чем-то задумалась, а тут.., пули свистят со всех сторон, и не дай бог, какая-нибудь... — Да уходите же!

Джоан кивнула и побежала к Элейн. Она попыталась поднять ее на ноги.

Это оказалось совсем не просто. Сестра была в полубморочном состоянии. Она стояла на коленях, упершись в землю руками и послушно мотала головой, когда Джоан трясла ее за плечи. Но и только. Встать было выше ее сил.

— Элейн, — Джоан почти взвалила ее себе на плечи. — Бежим! Быстрее!

Элейн дико посмотрела на сестру, но тут до ее сознания наконец дошло происходящее. Она собрала последние силы и, придерживаемая своей Джоани, побежала. Рвущиеся пули заставляли их то и дело гнуться к земле, но они уходили все дальше. Вот уже арка... Теперь они были прикрыты толстыми стенами.

Айро и Ральф ползли на четвереньках к выходу, втянув головы в плечи.

— Давайте, ребята, быстрее! — орал Айро своей охране, и они с Ральфом стали передвигаться поворнее. На ноги, однако, не поднимались.

Бгамбгамбгамбгам — гуляли по крепости пули, впиваясь то в одного, то в другого противника.

Камни обагрились кровью.

Золо сидел у воды. Не обращая внимания на стрельбу, сжавшись от боли. Сейчас ему не было дела до этих военных игр. Наконец он стащил с шеи белый шарфик, так освежавший его мужественное смуглое лицо, и правой рукой перетянул кровавый обрубок.

— А-а-а-аааа! — он взвыл, и густая пена, как у загнанной лошади, полилась из перекошенного рта.

Потом он медленно поднялся и, шатаясь, направился к аркам. Там он мог достать огонь — там были горящие факелы. Огонь, так необходимый ему, чтобы зажечь спасительную сигару.

Она должна успокоить боль. Он знал это точно.

Огромная полосатая тварь выползла на берег и, переваливаясь, пошла по кровавому следу.

Мать твою! Ого, голубчик, ты идешь сюда? Давай, дорогой. Тебя-то мне и надо!

Джек скосил глаза и проследил, куда пополз «голубчик». Он высунул голову... Бгамбгам. Угол арки стал плеваться осколками. Дерьмо! Джек выставил автомат, послал целую очередь — бгамбгамбгамбгам — и перебежал под укрытие следующей арки.

Так, постоянно отстреливаясь, он приближался к зеленому чудовищу, которое шло ПО СЛЕДУ ЧЕЛОВЕКА.

Вот так и бывает... Из охотника ты превращаешься в дичь, — подумал он и выпустил следующую порцию патронов.

Золо, наконец, добрался до факела. Дрожащей рукой из нагрудного кармана он достал сигару, крепко сжал ее и... Кончик тихо засветился, и легкий туман заслонил его от боли, мягко убаюкал ее, успокоил, усыпил.

Еще затяжка. Еще-о-о-о! О! — выдохнул он, и глаза его счастливо засветились. Губы тронула улыбка, и он почти примирился с людьми. Но тут...

Метрах в пяти над ним бежала эта сука, эта тварь, из-за которой он лишился руки, со своей гребаной сестрой, которую она тащила за руку.

— Ааааааааа!!! — взревел Золо, брызгая слюной. Он вырвал из какого-то ящика, которых здесь был целый склад, доску с гвоздем и, покачиваясь, пошел ПО СЛЕДУ.

Его дичь была где-то, там наверху. Но ничего. Золо сплюнул и, крепко зажав в уцелевшей руке свое оружие, сделал следующую затяжку.

Крокодил прошлепал по ступеням и скрылся за поворотом.

Бгам! — чикано свалился со стены. — Бгамбгамбгамбгамбгам... — несколько солдат навсегда застыли под самой аркой.

И Джек бросился за полосатой тварью.

— Скорей, Элейн, сюда, — Джоан тянула сестру все выше по лестнице, стараясь забраться на самый верх, веря, что там их ждет спасение.

Золо прошел один поворот, другой. Куда подевалась эта писательница, мать ее?! Сигара светилась в зубах, шарф пропитался кровью, которая, накопившись на тонкой ткани, оставляла красную дорожку на каменных плитах.

Айро летел по камням набережной, высоко поднимая колени — не дай бог сейчас споткнуться! Сердце глухо колотилось в груди, готовое разорвать тесную клетку.

Он ничего и никого уже не видел, кроме своей шхуны. Вон она.., уже близко... Еще немного...

Сзади, отстреливаясь, неслись его ребята.

— Давайте быстрее! — орал он, размахивая руками, как бегун на финише.

— Спасайте меня! Мне нужно попасть на шхуну!

Моторка уже ждала у причала, тихо покачиваясь на волнах.

60 футов, 50... 40...

В развевающемся грязном пиджаке, из-под которого торчала рваная, без единой пуговицы рубаха, тяжело передвигая ноги, стараясь во что бы то ни стало не опоздать, за ними, пыхтя, бежал Ральф. Сломанная рука болталась на перевязи и при каждом шаге вбивала раскаленные гвозди в его мозг.

— Айро! Айро!!! — кричал Ральф, понимая, что догнать брата он не сможет. — Иди сюда, Айро!

Сейчас! Бегу, придурок несчастный! Недотепа! Айро вскочил в лодку, туда уже спустились все, кто остался в живых из его «ребят». Один из них подхватил Айро на руки.

Прыгай! Прыгай! — крикнул он толстяку, который был в тридцати футах от причала...

... И лодка отвалила.

— Я не умею плавать! — чуть не плача, завопил толстяк, подбежав к месту, где еще несколько секунд назад раскачивалась лодка.

Это дерьмо собачье бросил его! Что сделают люди Золо, если он снова попадет к ним в лапы... Ральфу стало страшно.

Айро устроился в лодке, повернувшись лицом к берегу, и гнусным голосом кричал:

— Я вернусь за тобой!

Вернешься! Что же ты сейчас не подождал меня, ублюдок?

— Обещаешь?

Ральф не верил ни единому его слову.

— Я сейчас же пришлю за тобой лодку!

— Когда?

Этот гад уже перебирался на шхуну.

— Скоро-о-о-о-о-о!

Айро стоял у рубки. К нему подошел капитан, и они о чем-то заговорили!

— Когда — скоро?

Ральф старался сдержать гнев, который кипел в нем, поднимался к горлу и туманил мозг. Он

уже чувствовал, что ему отсюда так просто не выбраться!

— Очень скоро!.....

Красная громадина развернулась и стала медленно удаляться...

Твою мать! Ведь уйдет, урод!!!

Сеньор Антонио сидел за столом и с наслаждением потягивал кофе из маленькой фарфоровой чашечки, которую подарила ему Карина ровно год назад на День Освобождения.

В окно он видел танцующую пеструю толпу, освещенную разноцветными огнями. Они что-то кричали или пели, но толстое стекло надежно отгораживало его от шума города. Все это происходило как в немом кино. Рты открывались, но сюда не доносилось ни звука. Смешно.

В прошлом году он был свободен от дежурства, и они славно повеселились на карнавале.

Тревожный звонок телефона разорвал тишину.

— Сеньор комиссар? — взволнованно прокричала трубка. — Докладывает дежурный полицейский из гостиницы «Картахена». На том берегу залива, в крепости, идет настоящая война! Думаю, снова схлестнулись две группировки мафии, сеньор комиссар!

О черт! Дерьмо! Даже в праздник не могут оставить свои грязные разборки! Скоты!

Сеньор Антонио от досады сплюнул. Чувство покоя и благодушия разом оставило его.

— А вы не думайте! — рявкнул он в трубку. — Немедленно проверить! Я высылаю к вам на помощь бригаду! И сразу доложить! Ясно?

— Будет сделано, сеньор комиссар!

Когда Джек выскочил на площадку, это полосатое чучело уже вползало в бойницу.

— О, нет, нет, — закричал он, испугавшись, что не успеет ухватить за хвост счастье. — Ты куда это собрался, приятель?

Джек бросил автомат и вцепился в крокодила.

Если этот пожиратель человеческих рук и драгоценностей вырвется, будет хреново. Черта с два найдешь его потом!

Зубастая пасть распахнулась... В чем дело? Я устал... Мне пора домой... Я уже сыт... Оставьте меня в покое...

Крокодил пытался стряхнуть руки человека со своего хвоста — так непочтительно с ним еще никто не обращался!

Он зарычал и забил задними лапами по камню, издавая отвратительные звуки, от которых по коже поползли мурашки.

Джек, упираясь ногами в камни, изо всех сил тащил его из бойницы, дюйм за дюймом.

— Ну иди сюда, иди, мой хороший, — еще дюйм. — Да что же ты, скотина, так упираешься?..

Наконец-то мы выбрались наверх. — Скорей, Элейн, скорей, — я задыхалась. Она гирей висела на моей руке. Господи, да что же это такое!

Элейн перестала соображать, что происходит, уже давно. Все было как в тумане. Последнее, что она ясно запомнила, это окровавленная рука сестры над разинутой пастью крокодила. Потом какая-то стрельба, и вот Джоан куда-то тащит ее вверх по ступеням, а у нее только одно желание — упасть и забыться.

Все, что происходило с ней в последние дни, казалось кошмарным сном, который длился бесконечно долго. Но она понимала, что это не может продолжаться вечно. Сейчас она проснется, позвонит Джоан, расскажет все, и они вместе посмеются над ночными страхами.

Выстрелы смолкли... Должно быть, эти скоты перестреляли друг друга. Сейчас сюда поднимется Джек, возьмет меня за руку, и мы уйдем из этого мрачного места, захватив, конечно, Элейн. Где он сейчас? Почему не идет так долго?

Я понеслась к бойнице, чтобы посмотреть вниз и убедиться, что мой любимый цел и невредим.... Из-за поворота, покачиваясь на нетвердых ногах, сжимая в черной перчатке какую-то грязную деревяшку с торчащим из нее гвоздем, прижимая к груди окровавленную культю, на нас надвигался маньяк со стеклянными глазами. В углу его рта зловеще тлела сигара.

О, господи, помоги мне справиться с этим чудовищем... Пресвятая дева Мария, защити нас, потому что больше помочь, кажется, некому...

Наконец Золо нашел их. Две стервы неслись прямо на него, не зная, КУДА они бегут. Чудесно. Великолепно. Прекрасно.

Пока он искал этих сук, полковник перебрал тысячу вариантов мести. Гнев пропал. Теперь он испытывал чувство острого наслаждения от мысли, как эта «великая писательница» будет ползать на брюхе, подыхая от страха. Но напрасно она рассчитывает унести отсюда ноги. Может, он и пощадил бы ее. Раньше... Но теперь...

Я загородила Элейн, чтобы эта тварь не смогла прикоснуться к моей беззащитной сестре.

Мы застыли, глядя друг другу в глаза.

Он смотрел на меня, как удав, в надежде, что я прыгну прямо в его поганую пасть. Потом Золо оскалился и, пыхнув сигаретой, спросил:

— Как ты хочешь умереть, Джоан Уайлдер? Медленно, как улитка, или быстро, как падающая звезда?

О, дьявол! Так мои романы стали пособием для начинающих убийц! Впрочем, эта тварь не из начинающих. Человек, который может поднять руку на беззащитную женщину, уже не человек.

Я сжала кулаки... Правая ладонь почувствовала что-то твердое. Нож! — вспомнила я.

Яркая вспышка выхватила из глубин памяти... Охотничий домик... Искаженное ненавистью лицо Грогена... «Ну как, Ангелочек? Ты умрешь быстро, как от укуса змеи, или медленно, как умирает луч заката в январе?..»

Я нажала на кнопку. Острое жало мгновенно вылетело из рукоятки.

«Смелей, — сказала Анжелина, — этот подлец не имеет права на жизнь. Ты обязана уничтожить его, как бешеного пса, иначе он убьет тебя и Элейн. Ну же!»

Моя рука дернулась.

Вжжсссс, — просвистел клинок и.., вонзился прямо в доску, которой негодяй прикрыл горло и грудь.

Золо очень внимательно следил за каждым движением этой девки.

— Как ты хочешь умереть, Джоан Уайлдер? Медленно, как умирает улитка, или быстро, как падающая звезда, — он усмехнулся.

Красиво пишет, нет.., писала, дрянь! Жаль, больше не будет новых романов. Но эта сука сама искала приключений на свою задницу. И будь я проклят, если она не заплатит своей дерьмовой жизнью за «Эль-Корозон» и потерянную руку!

Он вдохнул еще глоток сладкого дыма и сделал шаг, подняв доску, примериваясь, куда лучше ударить.

И тут раздался знакомый щелчок.

Вжжсссс — просвистел нож... Ха! Джоан Уайлдер!

Лезвие глубоко вошло в серую дощечку, которую он так предусмотрительно захватил с собой.

А вот теперь, писательница гребаная, мы и поговорим!

Элейн смотрела на все сквозь туман ужаса. Ее Джоан, ее девочка, которая боялась выйти на улицу, вдруг дернула рукой, и огромный нож оказался в доске перед грудью бандита. Волосы у нее зашевелились, глаза поползли к переносице.., она поняла, что через минуту они с Джоан умрут. Ноги согнулись...

— Оооооо, — вырвался из горла стон, и она, наконец, позволила себе потерять сознание.

Элейн свалилась, как куль, прямо на плиты.

Я сделала шаг назад, боясь зацепиться за нее и грохнуться рядом. О, только не это! Тогда точно конец!

Убийца сунул доску под мышку, и здоровой рукой с силой вырвал нож.

Он держал его в вытянутой руке и надвигался на меня, как лавина. Я отпрыгнула в сторону... Если бы не Элейн, которая лежала без чувств, можно было убежать от этого ненормального, но оставить сестру без помощи... Я бы не сделала этого никогда в жизни.

Теперь мы двигались с ним по кругу. Так взрослые играют с детьми, ходят друг против друга, широко расставив руки. Хоть бы Элейн встала! Но она лежала, и ей было лучше, чем мне. Она не видела этой ужасной рожи! Он так и не бросил сигары, словно не принимал меня всерьез.

Спина наткнулась на холодный камень. Все. Теперь я была в ловушке. Господи! Может прыгнуть? На какой высоте мы находимся? Перебирая руками по шершавой поверхности камня, я двинулась влево, глядя в лицо мерзавца, чтобы не упустить ни единого его шага. Там должна быть бойница...

Он бросился ко мне неожиданно, и я, отпрыгнув, рванулась в сторону. Но он настиг меня...

— Джек! Джек! — прошептала я и приготовилась к смерти.

Джек почти выволок зубастую тварь из бойницы.

Крупные капли пота блестели на лбу, струились вниз, попадали в глаза... Он то и дело встряхивал головой, пытаясь отбрызнуть их к чертовой матери. Пот стекал по спине, приклеивал к ней рубаху. Жилы были натянуты, как канаты и, казалось, вот-вот разорвутся. В висках стучали молоточки, сообщая, что силы человеческие не беспредельны. Тук-тук, мы сейчас вырвемся наружу. Тук-тук.

Да что же ты так упираешься, скотина. Давай... Еще немного... Ну...

«Джек! Джеееееек!!!» — донесся до него дикий крик Джоан.

Джек узнал бы этот голос из тысячи! Он разносился по всей крепости, отчаянный вопль женщины, над которой нависла смертельная опасность.

Джек резко повернул голову и увидел...

В футах пятнадцати над ним, в проеме бойницы, двигались две тени. Одна из них точно принадлежала Джоан, а другая... Наверное, ее сестре... Кто же еще там может быть! Красные блики плясали на лицах. Они то исчезали, то вновь появлялись в просветах башенной короны.

Вот мелькнула Джоан, а следом... Ма-ать твою! Да это же тот ублюдок! Ну погоди, тварь! Сейчас я.., господи, а «Эль-Корозон»? Если этот полосатый вырвется, где я буду потом его искать? А Джоан? У-у-у-у! — он замотал головой, лихорадочно ища выход.

— ДЖЕК! Джек!

Джек отпустил одну руку (другая все сильнее сжимала хвост зубастика) и потянулся за автоматом, который валялся в двух шагах от него. Упираясь спиной в землю, он пытался схватить оружие. Только бы достать его, а там одному не уйти от пули, как тогда у автобуса, когда он, как последний придурок, пожалел мерзавца!..

Пальцы почти коснулись деревянного ложа... Теперь он лежал, как распятое на каменной дороге.

Крокодил, почувствовав, что хватка ослабла, решил еще раз попытать счастья. Он покрепче вдавил лапы в камни и забил хвостом из стороны в сторону, стараясь сбросить человека.

— Ну подожди, подожди немного, гад! — просил Джек, как будто собираясь сделать ему праздничный подарок.

Но полосатый не хотел ждать! Он хотел, как можно скорей, убраться отсюда, пока не поздно, и протискивал тело все дальше и дальше, волоча за собой ненужный груз.

— Джееееееек! Джееееееек!!!

Джек с отчаянием увидел, что до автомата уже не дотянуться. Однорукий, размахивая ножом, который он держал над головой, промелькнул и снова скрылся.

Господи-и-и-и! Что же там происходит сейчас?

— Джек! Джек! Джееееееек!

А будь ты проклят! Он отпустил хвост и схватил автомат. Выбор сделан.

Почувствовав свободу, полосатый бандит зашлепал лапами и медленно исчез в проеме, унося в себе надежду на независимость, мечту о яхте и сладкие грезы о миллионах. Джек понимал, что он не успеет добежать туда. Поэтому, опустившись на колени и взяв на мушку амбразуру, ждал, когда там промелькнет Золо.

И тот появился. Он застыл с поднятой рукой, как бы приглашая Джека: «Ну, что же ты? Стреляй! Вот он я!»

Это была великолепная мишень. Четкая. Почти неподвижная.

Ах ты ублюдок! Джек с наслаждением спустил курок...

Клик..., раздался сухой щелчок. Еще и еще раз. Клик..., клик... Патроны кончились.

А черный силуэт, как бы издеваясь над ним, все еще продолжал торчать в бойнице.

— А-аааааааааа, — заорал Джек, отшвырнул автомат, как ненужную игрушку, и бросился на стену.

Только в минуту полного отчаяния взрослый, разумный мужчина может пытаться вскарабкаться по почти отвесной стене!

Он цеплялся за трещины, которые образовало время, за щели, оставшиеся в стыках каменных глыб, за любую неровность и шероховатость, и, наконец, за воздух. За ее крик, который разрывал его сердце, за ненависть к зверю в форме офицера военной полиции.

Он полз и полз, хватаясь пальцами, ногтями, зубами... Вгрызаясь, влипая в камень.

Вот уже половина пути пройдена. Еще фут. Еще... Нога сорвалась и..., он поехал вниз.

— Джееееееееек! — она звала его. Он зацепился, сам не зная за что, и снова пополз, дюйм за дюймом.

— Джоан, я иду, Джоан, — повторял он пересохшими губами, — я сейчас, Джоан.

Золо занес руку над моей головой, выбирая место, куда лучше ударить. Красным обрубок он прижал меня к стене. Все, мелькнуло у меня в голове, прощай, Джек. Какое счастье, что я встретила тебя. Хотя бы перед смертью...

«Я увезу тебя на яхте, и мы совершим кругосветное путешествие».

О, господи!

Да какого черта! Я хочу жить! Жить! Разве я жила раньше? Она слишком поздно пришла ко мне, чтобы подарить ее этому ублюдку! Мою жизнь... Она нужна Джеку! Джеку! Джеку!

Я ткнула в красную культу, и этот мерзавец, эта скотина, этот вампир... (Прекрасное определение, нужно запомнить) заорал, как сто тысяч паровозных гудков, корчась от боли. Я отбежала от него на приличное расстояние.

Джееееееек! — это имя давало мне силы, и я повторяла его все чаще и чаще, как заклинание. Правда, для заклинания я произносила его чересчур громко.

— Аааааааа!!! — взвыл Золо от боли, и глаза его выкатились из орбит.

Ах ты дрянь! Дерьмо траханое! Я не просто убью тебя. Я вытащу из брюха твои сучьи потроха и скормлю крокодилам или заткну в твою поганую..., глотку..., и ты..., будешь жевать их сама.

Он с ревом носился за Джоан, не видя ничего, кроме девушки. Все остальное перестало существовать. Все. Не было прошлого, настоящего, будущего. Только светлое пятно, которое пыталось ускользнуть от возмездия.

Я зацепилась за какую-то решетку и упала. Он рухнул на меня сверху, и мы покатались, сцепившись в объятиях ненависти.

Как мы боролись! Этот зверь был, конечно, сильнее, но на его стороне была только ненависть, на моей — ненависть и любовь.

Навалившись на меня своим мерзким телом, прижав пахнувшей кровью культей, этот ВАМПИР пытался нанести смертельный удар стилетом, который совсем недавно был у меня. Я отталкивала его руку и пыталась дотянуться до деревяшки, валявшейся почти рядом.

Мать-Земля, взмолилась я, надеясь получить у нее силы, как Антей note 18.

РА-А-А! — взревела «мать-земля». Огромные зубастые твари всей Колумбии собрались сюда, привлеченные запахом культи негодяя, под решетку, на которой мы лежали. Я вздрогнула, представив себе, что будет, если она нас не выдержит, и чуть не упустила его.

вернуться

Note18

Антей — в древнегреческой мифологии сын Посейдона и богини Земли Геи. Был неуязвим, пока прикасался к земле, которая давала ему силы.

Но нет, я не имею права погибнуть. Я еще нужна людям, в отличие от этого негодяя!

Он все ниже и ниже пригибал мою руку, попыхивая своей скотской сигаретой.

Вот она-то точно придавала ему силы.

Я не знаю, как это случилось. Наверное, не было другого выхода.

Когда я почувствовала, что совсем теряю силы, меня захлестнула волна такой ненависти, какой я не испытывала никогда и ни к кому.

Надо мной размытое пятно, сверкающее безумными глазами и красным огоньком сигары. Отжимая нож от своего горла, я вырвала сигару из его клыков и ткнула тлеющим огоньком в ненавистную рожу.

Раздалось жуткое шипение и резко запахло горелым мясом. Он отпрянул, зарычал и схватился за глаз, а я, наконец-то, дотянулась до доски и... Изо всех сил треснула его по окровавленному обрубку.

Господи! Его рычание напомнило рев водопада. Он ревел, как стадо американских буйволов, африканских слонов и колумбийских крокодилов, вместе взятых. Правда, как режут буйволы и слоны, я сама не знала, но, говорят, о-о-о-чень страшно.

Бандит откатился от меня сразу футов на шесть.

Я вскочила на ноги. Он тоже. Но оступился и упал на «летучую мышь», которая освещала верхнюю площадку. Фонарь разбился. Огонь пополз по камням, а когда бандит, шатаясь, поднялся, он казался живым факелом.

И снова пошел на меня, изрыгая проклятия. Только теперь Золо ревел, как два водопада.

Сейчас, от боли и дикой ненависти, он ничего не видел, кроме ее головы. Золо шел, широко ступая, вытянув руки вперед, ведомый одним желанием — вцепиться зубами в глотку этой..., он даже не нашел подходящего слова, как назвать ее... И сейчас он был по-настоящему страшен. Джоан попятилась. Она стояла у края решетки, под которой, задрав морды кверху, лежали крокодилы. Золо бросился на девушку всей тяжестью своей ненависти, и тело его весило сейчас десятки тонн.

Джоан успела отскочить.

...Он не смог удержаться. Это было просто невозможно. Золо знал, что их ожидает, но ему было плевать на себя. Он даже к этому был готов. Лишь бы убить ее.

Он прыгнул на меня. Не знаю, КАК я успела отскочить. Наверное, мне показалось в эту минуту, что меня позвал Джек. Нет, я совершенно точно услышала его голос: «Джоан», — и бросилась к нему.

За моей спиной раздался страшный треск. Я оглянулась... Над решеткой мелькнул только окровавленный шарф...

Конец, достойный прожитой жизни...

Джоан, согнувшись, стояла у ямы, не в силах отойти. Оттуда доносилось громкое чавканье, и ей казалось, что если она попытается сделать хоть шаг, то этим тварям пищи прибавится ровно на вес ее тела.

Голова кружилась, ноги онемели, она едва держалась...

— Джоан! — тихо позвал ее ОН. Она оглянулась.

ОН стоял уже здесь, на площадке, едва перебравшись через широкую кладку стены.

— Джек! — у нее не осталось сил на выражение радости. Она просто пошла к нему на негнущихся, широко расставленных ногах, не в состоянии думать об элегантности походки.

Он сжал ее в объятиях, и Джоан, ткнувшись ему в плечо, зарыдала громко, даже не пытаясь сдерживать слезы, — все равно это было бесполезно.

Он нежно гладил ее плечи, волосы дрожащей рукой и тихо приговаривал:

— Ну-ну, все в порядке. Все в порядке.

Ральф бегал по набережной, несчастный, покинутый, обманутый. Шхуна уходила все дальше.

— Айро! Айро! Вернись! — кричал он, размахивая рукой и понимая, что тот не вернется. — Ты же мой брат, Айро! Ты разве забыл? Твоя мать, моя мать...

У-у, мать твою, урод проклятый! Первая половина гребаная!

Вдруг глаза его расширились. Ральфу показалось, что на него дохнул ледяной ветер: прямо сюда, к их крепости, мчался полицейский катер!

Кипящий гнев его сменился холодной яростью.

— Туда! Туда! — заорал он во всю глотку, тыча уцелевшей рукой в сторону ощерившейся пушками шхуны.

Катер, не меняя направления, приближался.

— Он же уходит! Вот он! — Ральф отбежал на несколько футов влево, куда удалялся брат и его «ребята». — Вон он!!!

Господи, ну какой же я кретин! Разве они будут гнаться за Айро? Этим говнюкам проще взять бедного Ральфа и получить награду, чем лезть под пушки.

Все еще продолжая материться, он опустил на камень, проклиная и Айро, и полицию, и вообще всех и вся.

А напротив, на том берегу, откуда отчалил катер, продолжала веселиться толпа, даже не догадываясь о проклятиях, которые сыпались на их головы.

Праздник...

Элейн приоткрыла глаза.

Размытое пятно наконец сфокусировалось, и она увидела голубые глаза Джоан, которая низко склонилась над ней, бережно приподняв за плечи. Рядом с ней был человек, бывший владелец «Эль-Корозона», так небрежно швырнувший драгоценный камень черноглазому злодею.

Он что-то быстро говорил сестре, но Элейн еще не в состоянии была понять, что именно.

Кажется, нас осталось только трое, уцелевших в этой кровавой бойне.

Над крепостью повисла тишина, особенно оглушительная после недавнего грохота.

Ее не нарушали ни выстрелы, ни топот сапог, ни брань, ни крики. И даже прожорливые твари захлопнули, наконец, свои пасти.

И вдруг это торжественное молчание разорвал резкий вой сирены полицейского катера. Он приближался, нарастал, заполняя темные ниши и мрачные переходы крепости, обгаренные кровью уничтоживших друг друга людей.

Элейн, кажется, пришла в чувство. Ресницы ее задрожали, и она медленно приоткрыла глаза.

— Джоан, — окликнул меня Джек. Я совсем забыла о нем!

— Да? — я повернула голову, все еще поддерживая Элейн, — она была совсем слаба от всех потрясений, обрушившихся на это хрупкое создание.

Джек смотрел на меня тревожными глазами, которые мне очень хотелось поцеловать, и втолковывал, как маленькому ребенку:

— Слушай меня внимательно. Сейчас вы отправитесь в свое консульство и все им расскажете.

«Вы»? А он что, не с нами? Снова разлука? А как же Я?

— А ты куда?

Он очень спешил дать ей «инструкции» — полицейский катер был уже совсем близко.

— И главное... Не упоминайте моей фамилии. Ни за что... — и, увидев удивление в глазах женщин, объяснил. — У меня старые счеты с местной полицией.

Господи! Я выгляжу, наверное, как растрепанная! Элейн трясущейся рукой поправила прическу, продолжая лежать на руках Джоан.

Джек понял, что сестра очнулась.

— Элейн, было очень приятно.. — он кивнул головой и бросился к амбразуре.

Отвесная стена с этой стороны выростала прямо из воды, как будто ее основание возводили жители моря. Он приблизительно оценил расстояние, с которого придется прыгнуть.

Футов двадцать, не меньше. Нормально. Только бы не напороться на камень.

А на той стороне сверкала Картахена, купаясь в огнях праздничного наряда.

Но для него туда пока путь закрыт.

Он бросился к стене, и я поняла, что теряю его.

— Ты уходишь? — отчаянный крик вырвался из моей груди. Я вскочила, и Элейн вновь упала на камни. Но с ней я буду разбираться потом! А сейчас...

— Ты бросаешь меня? — я рванулась к нему, остро чувствуя, что, если Джек не остановится, я буду лежать рядом с сестрой и, может быть, уже не встану.

Сердце наполнила черная тоска. Она разрасталась, вытесняя все остальные чувства. В глазах потемнело...

— Ты бросаешь меня? — ее отчаянный крик ударил в спину, как выстрел. Во всяком случае, причиняя такую же боль.

Джек замер. Как ей могло прийти это в голову? И что значит «бросаешь»? Можно бросить то, что принадлежит тебе. А она ему не принадлежала. Это он принадлежит ей.

Он медленно повернулся и покачал головой.

Он повернулся и покачал головой. Глаза его светились такой любовью, что я немедленно вышвырнула из сердца черную косматую ведьму и наполнила его светлой радостью.

Джек подошел ко мне, нежно взял мое лицо в свои шершавые ладони, и губы наши встретились.

Мы стояли так вечно. И я поняла, что мы никогда не расстанемся. А эта разлука... Она временная... И если Джек уходит, значит так нужно. Но он вернется. Со мной оставался его «Эль-Корозон», который любимый подарил мне в тот вечер. НАШ вечер.

Сирена ревела уже совсем рядом. Джек оторвал от себя Джоан и, все еще сжимая ее лицо в ладонях, заглянул в глаза.

— С тобой все будет в порядке, Джоан Уайлдер, — четко сказал он и бросился к стене.

Джек вскочил на камень бойницы, оглянулся и, широко улыбаясь, крикнул:

— Да! С тобой всегда все в порядке! — оттолкнулся и бросился в море.

— С тобой всегда все в порядке! — крикнул он мою любимую фразу из романов и бросился в воду.

— Джек Коултон! — я подбежала к бойнице... Внизу раздался всплеск, как будто огромная рыба шлепнула хвостом по воде, и снова наступила тишина, если не считать вой сирены у причала и крики полицейских, рассыпавшихся по всей крепости.

— О, черт! — я сжала в ладони маленькое золотое сердце, которое осталось со мной.

Сеньор Антонио был вне себя. Дежурство его давно закончилось. Уже дважды звонила Карина, сообщая, что гости собрались и ждут только его, и, если он не соизволит пожаловать в течение получаса, они съедят его любимый «тамаль» сами, потому что «нельзя же кормить их одними разговорами о тяжелой работе ее дорогого муженька!»

Вот стерва...

А из крепости никаких известий! Да что они там, сражаются что ли? Война у них? Затеяли подонки игры в праздник, мать их.

Он ходил из угла в угол, как разъяренный тигр.

И тут загудела рация.

— Слушаю! — рявкнул сеньор Антонио. — Да. Я. Да-да, сеньор комиссар.

И какого черта спрашивают! Как будто здесь может находиться кто-то другой!

— Сеньор комиссар. Докладывает офицер полиции Родриго Полонис.

— Ну что там? — комиссар присел на краешек стола.

— Сеньор комиссар, на острове почти никого нет. Мы взяли только помешанного толстяка с разбитой в лепешку физиономией и всего искалеченного, как будто на нем плясало стадо бешеных буйволов. Это Ральф Смит. Американец. Он все время твердит о какой-то первой половине... Я ничего не понимаю.

— Доставьте его сюда. Да поживее. Разберемся. И это все?

— Нет. На верхней площадке были две сеньоры. Одна без сознания, некая Элейн Халмет, а другая...

— Что, тоже из Штатов?

— Да, сеньор комиссар. А другая..., вы сидите, сеньор комиссар? Это хорошо... Другая — та самая Джоан Уайлдер.

— Кто? — сеньор Антонио встал.

— Джоан Уайлдер. Писательница... Ну, которая пишет об Анжелине... Вы меня слышите, сеньор комиссар?

О, черт! Этого еще не хватало! Теперь неприятностей не оберешься.

— А какого хрена она там делает, эта Джоан Уайлдер?

— Говорит, что были захвачены бандитами в качестве заложниц. И требует отправить их в консульство.

— Так отправляйте скорее, черт вас возьми!

— Уже отправил, сеньор комиссар. На лодке. И дал взвод охраны. Сеньор Антонио опустил на минутку трубку, достал клетчатый платок и вытер пот, бисером выступивший на лбу.

— Хорошо, — ему стало немного легче. — И это все?

— Все, сеньор комиссар.

— А кто стрелял? Кто открыл пальбу? Что, эти две сеньоры, когда были в обмороке, или твой полоумный? — заорал он, уже не сдерживая гнева.

— Простите, но вы меня не поняли, сеньор комиссар. Я сказал, что нет живых. Крепость завалена трупами. Это люди из банды «Эстета», другие — в форме полиции. Но ни у кого не нашли ни одного документа. Думаю, сеньор комиссар, что это не наши. Во всяком случае, мои парни их не знают. Они перестреляли друг друга. Наверное, опять что-нибудь не поделили, уроды.

— Ну, а теперь все?

— Да, сеньор комиссар. Только еще одно. Вся крепость кишит крокодилами. Полный ров! И наверху, в специальном террариуме, тоже. Я как глянул в яму с проломанной решеткой, так чуть не грохнулся туда. Хорошо, что никто из парней не оступился. И хоронить было бы нечего. Одна тварь даже валялась на средней площадке. Как он туда забрался, ума не приложу. А...

— Ну хватит болтать! Американца ко мне, остальным все хорошенько осмотреть, и за работу. Да, не забудьте отдать распоряжение, чтобы группы убрали... А вы тоже ко мне. Напишите отчет и доложите о деталях. Все.

Сеньор Антонио бросил трубку... Испортили праздник, сволочи. И убивают, убивают друг друга. Все им мало... Господи, теперь дома будет опять скандал, подумал он с тоской и подсел к столу. Выдвинул верхний ящик и достал книгу, которую ему сунула Карина. Как будто у него было время читать! На глянцевого обложке красовалась белокурая девица с «винчестером» в руках. «Приключения Анжелины», — прочитал он заглавие, перевернул книгу и задумался.

Гладко причесанная женщина с ямочками на щеках и скромной улыбкой пристально смотрела на него, как будто выражала сочувствие.

«Джоан Уайлдер, — гласила надпись под портретом. — Лучший романист года». Хм. Так вот она какая, любимая писательница Карины. Нет, такая приличная женщина не может быть авантюристкой!

В авантюристах сеньор Антонио знал толк.

Джоан застыла у амбразуры, сжимая в ладони маленькое сердце, которое подарил ей Джек в ТОТ вечер.

Слева громоздилась крепостная стена, а прямо перед ней сверкала огнями Картагена.

Элейн все еще лежала без сознания.

И вдруг Джоан услышала, как Элейн плачет. Громко. Почти навзрыд.

Огни перестали сверкать, крепость исчезла, она повернулась к Элейн...

За огромным письменным столом, с распухшим от слез носом, мокрыми глазами, сидела ее издатель Глория и громко сморкалась в необъятный мужской платок. Она смотрела на Джоан с восторгом и любопытством, как будто видела впервые.

Глория захлопнула рукопись и с любопытством уставилась на Джоан. Эта женщина была ей незнакома. Просветленное лицо с умело наложенной косметикой, делавшей ее глаза огромными голубыми озерами; тонко очерченный рот, с нежной улыбкой на розовых губах; золотая грива откинутых назад волос, тяжелой волной лежавшая на плечах и спине.

Она была точно такой, как в последнем ее романе — девушка, которую полюбил Джек. Модное бежевое платье подчеркивало стройность фигуры и закрывало стройные ноги ровно настолько, чтобы можно было любоваться их красотой, но не оставляло пищи для фантазии ценителей. А как она держалась! Королева!

Куда подевалась та робкая мышка, как называла себя сама Джоан! В каких джунглях

Колумбии осталась ее серая шкурка? Сейчас здесь сидела львица, уверенная в себе, прекрасная.

Господи, промелькнуло в голове Глории, да она же красавица!

— Ну знаешь! — воскликнула она, сама не понимая, к чему относится ее восторженное восклицание — то ли к переменам во внешности Джоан, то ли к ее новому роману. Скорее всего, и к тому, и к другому.

Джоан, улыбаясь, смотрела на подругу, все еще пребывая там, в ИХ с Джеком Колумбии, на ИХ лугу, в ИХ пещере, в ИХ комнате.

— Это намного лучше, чем ты писала раньше. И как ты сумела так быстро написать все это. — Глория подняла толстую кипу листов, отметив про себя

— «фунтов пять, не меньше». — Вот чего не могу понять!

— Тебе понравилось? — Джоан подошла к столу и присела на угол.

Когда это она усаживалась на стол издателя?

— Понравилось? — переспросила Глория, закончив сморкаться. — Да ты посмотри на меня!

Вид у нее, действительно, был неважный. Я вся рыдаю!

От волнения Глория, так строго следившая за точным построением фраз, допустила неточность, и это было высшей похвалой для Джоан.

— Мне очень понравился конец. Ну там, где он прыгает с этой стены, тонет в море, а потом встречает ее в аэропорту. Это такая находка! И дальше они вместе отправляются в кругосветное путешествие. Джоан, это гениально!

— Ну, — Джоан улыбнулась своим воспоминаниям. — У меня был очень хороший источник вдохновения.

Глория встала.

— Джоанни, теперь ты самый последний безнадежный романтик этого мира,

— торжественно сказала она.

— Ты ошибаешься, Глория. Не безнадежный. Наоборот. Полный НАДЕЖД.

Я люблю тебя, Джоан... Ты должна мне верить... Я приеду за тобой и увезу... Я люблю тебя, Джоан... Ты должна мне верить всегда... Я люблю тебя, Джоан.

Спасибо, Джек. Я тебя тоже очень люблю, Вот и поговорили.

Джоан грустно улыбнулась и вышла на улицу.

Как странно.., неужели она раньше не любила выходить из дома, предпочитая каменный мешок этому водовороту человеческих лиц?

Солнце висело высоко, правда, здесь его не было видно из-за домов. Но оно было... И Джоан знала, что оранжевый огромный апельсин висит в безоблачном синем небе. «Совсем как у нас в Колумбии», — подумала она и рассмеялась. У нас..., в Колумбии...

Толпа уличных торговцев окружила красивую женщину, которая шла по самому центру тротуара с охапкой ярко-желтых цветов в руках.

— Нет, нет, нет. Благодарю. Нет.

И никто не обижался. Они расступались перед ней, обезоруженные ее красотой и приветливой открытой улыбкой.

Говорят, что желтый цвет — цвет разлуки. Это неправда. Желтый цвет — цвет солнца, цвет надежды, цвет его волос.

Где ты, Джек Т. Коултон? Ау-у? По каким морям и океанам носит тебя судьба? Или снова проблемы с полицией?

Отзовись, Джек Т. Коултон.

Высокие каблуки итальянских туфель, точно таких, из которых он когда-то сделал удобные тапочки, четко выстукивали по асфальту: Джек — Т

— Коул — тон, Джек — Т — Коул — тон...

Господи, это наваждение какое-то...

Господи, это наваждение какое-то!

Прямо передо мной, на перекрестке, почти в центре Нью-Йорка, на Пятой авеню, выросла яхта. Его яхта! Я не могла ошибиться! Джек столько рассказывал мне о ней. Я знала ее в лицо, как человека. Два белых паруса, как огромные крылья неведомой птицы, хлопали по ветру. Белоснежный корпус отражал косые лучи и, казалось, светился. Маленькие окна иллюминаторов смотрели на меня ЕГО глазами!

Другой бы человек, конечно, воскликнул: «Не может быть!» Но только не я. Я знала точно, что это его яхта. ЕГО МЕЧТА, приехавшая за мной даже и в центр Нью-Йорка.

А почему бы и нет?

— Эй! — крикнула я, подняв голову.

И вот из рубки вышел ОН. Джек Т. Коултон. Ну, не совсем тот Джек, но этот был еще лучше.

В брезентовой матросской робе, свитере, какой-то возмужавший, уверенный, независимый.

И только глаза его совсем не изменились. Синими огоньками звали они в дорогу, как на станции, где проходят поезда.

Он ничего не сказал. Молча подошел к борту и толкнул ногой веревочный трап.

Эй! — услышал Джек и вышел из рубки.

Внизу на тротуаре стояла ОНА с охапкой желтых цветов, и лицо ее светилось, как тогда, на

лугу. ОНА была так прекрасна, что у Джека перехватило дыхание. Джоан казалась главным цветком в букете, который держала в руках.

Другой бы подумал, что у него начался бред, но не он.

Джек точно знал, что разыщет ее, хоть на краю вселенной. И вот она стоит здесь и кричит ему «Эй!», а он даже не может ответить, боясь открыть рот.

Джоан Уайлдер. Как же ты прекрасна. Но я же говорил, что у тебя все будет в порядке.

Он подошел к борту и столкнул на землю трап, чтобы королева могла подняться.

Ух ты! Вот это да! Что-то до боли знакомое было в ботинке, которым он удерживал трап. Что-то родное, полосатое.

— Мне нравятся твои сапоги, — сказала я вместо приветствия, глядя ему в глаза.

Джек втащил меня на палубу и обнял, глядя в лицо, как будто давно не видел. Я, лично, видела его каждую минуту перед собой, с тех пор как мы расстались.

— Да, это бедный зубастый. У него случилось несварение желудка. Он умер в моих объятиях, — Джек не отводил глаз, словно искал в моем лице ответ на свой вопрос.

— Я его понимаю. Я больше нигде не хотела бы умереть.

Он облегченно вздохнул. И тихо сказал, будто никогда в жизни не говорил таких слов:

— Я все время думал только о тебе. Даже прочел все твои книги.

Конечно, это был великий подвиг, и я не могла оставить его без вознаграждения.

— И значит, ты знаешь, чем они кончаются?

— Да.

«ЕГО ГУБЫ НАШЛИ МОИ ГУБЫ, И Я ПОНЯЛА, ЧТО МЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ РАССТАНЕМСЯ!» Прохожие с удивлением смотрели на новое чудо. По Нью-Йорку, на длинной платформе, проплывала яхта, на палубе которой, обнявшись, застыли парень и девушка. Они были прекрасны, как боги. Белый корабль уносил их все дальше и дальше от будней, от злобы, от ненависти.

Они уходили в безбрежный океан неизведанного. На белой корме четко выделялась надпись:

«АНЖЕЛИНА В КОЛУМБИИ».